

ISSN 0131-7377

СЕМЬЯ И ШКОЛА

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

26

сентябрь

1990



4 1990

Ежемесячный журнал
для родителей

Издается с мая 1946 года

В НОМЕРЕ:

Главный редактор
В. Ф. СМЕРНОВ

Редакционная коллегия:

М. В. АНТРОПОВА,
Т. М. АФАНАСЬЕВА,
И. В. ДУБРОВИНА,
Ю. И. ЕРМОЛАЕВ,
И. Д. ЗВЕРЕВ,
В. А. КАРАКОВСКИЙ,
Г. А. КОВАЛЕВ,
Р. А. КУРБАТОВА,
В. Л. ЛЕВИ,
О. Н. МАМОНТОВА

(зам. главного
редактора),
Ф. М. МОРОЗОВ,

В. А. ПОЛЯКОВ,
В. А. РЫБАКОВ

(редактор отдела
психологии),
Г. Н. СЕРДЮКОВСКАЯ,
Л. Т. ТИМОФЕЕВА,
В. И. ЧЕРЕДНИЧЕНКО,
Б. Т. ШУМИЛИН.

Редакторы отделов:
Н. АВТАМОНОВА
(семейного воспитания),
С. ВОЛЫШОНОК (писем)
Л. ОСИПОВА
(эстетического воспитания),
С. ПАРСАДАНЯН
(семейного быта и досуга),
С. СИВОКОНЬ
(литературы и критики),
Е. СМОЛКО (школ),

Редакторы:

Г. БЕЛИКОВА,
Т. БУКАШКИНА,
Ж. БЫКОВА.

Зав. редакцией
Т. ПЕТРОВСКАЯ

Художественный редактор
В. МУСИЕНКО

Технический редактор
Л. РОЗАНОВА

Макет и оформление
художника
Р. ТАБАЧНИКОВА

На первой странице обложки
актриса Инна Чурикова
с сыном Ваней
Фото Н. Гнисюка



Адрес редакции:
129278, Москва,
улица Павла
Корчагина, 7



Телефоны редакции:
283-86-14, 283-80-09

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «СЕМЬИ И ШКОЛЫ»	1	Родительская ассоциация: какой ей быть?
К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА	6	Н. И. Бухарин. Политическое завещание Ленина
ПОЧТА «СЕМЬИ И ШКОЛЫ»	10	
ЗАБЫТЫЕ:	17	Г. Беликова. Мы не жалеем детей!
Истории из жизни	18	Ж. Быкова. Возвращение к семье
Из опеки — в одиночество	21	С. Романовский. Справка
На грани и за гранью	24	О. Кондратьева. Ау, люди!..
ПОДРОСТОК И ОБЩЕСТВО	26	А. Боссарт. Аутсайдеры, «чучела» и другие
	29	А. Цукерман. Что происходит в Казани?
	34	В. Чередниченко. За закатом — рассвет
АЗБУКА ОБЩЕНИЯ	36	Ю. Гиппенрейтер. Давайте разберемся
УЧЕБНАЯ РАБОТА ШКОЛЬНИКА	38	И. Кулагина. Школьная оценка и жизнь взрослых
ЭКОЛОГИЯ И ДЕТИ	40	И. Зюзюкин. Педагог по имени Природа
ИЗ ДНЕВНИКА МАТЕРИ	43	Т. Светлова. Разорванная пуповина
КИНО	46	Л. Коваленко. Всё на продажу?
ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	49	Ю. Максимов. Каргопольские впечатления
	51	В. Рыбаков. Зимние заметки о летних впечат- лениях
ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ	52	М. Романушко. Наши зимы и лета, весны и осе- ни
КНИГИ	55	
СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ	58	
ДОМАШНИЙ МУЗЕЙ	64	В. Алексеев. О картине Паоло Веронезе «Оп- лакивание»
ДЛЯ МАЛЫШЕЙ		

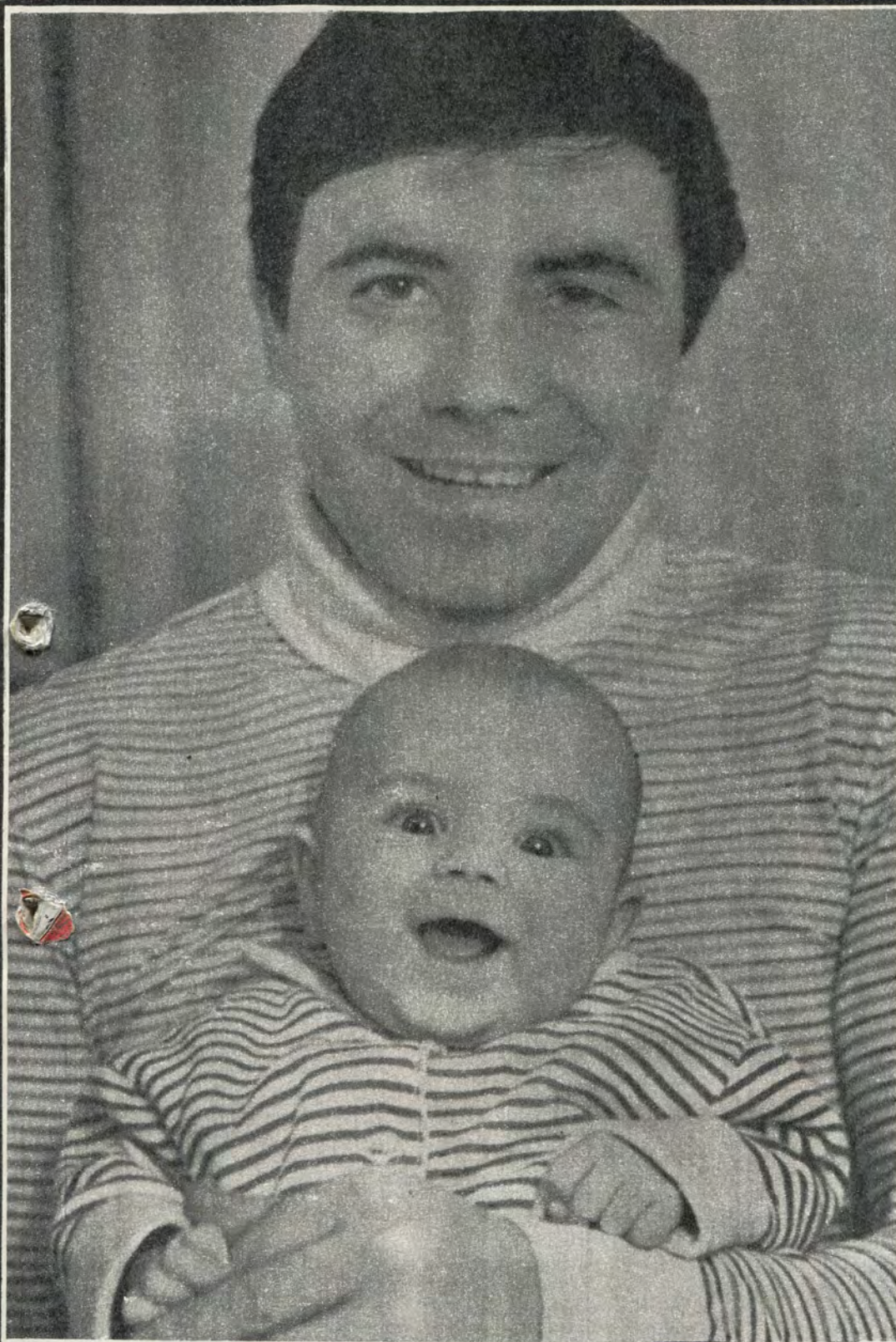
Сдано в набор 07.02.90. Подписано в печать 01.03.90. А 06336. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага «Котлас». Печать глубокая.
Усл. печ. л. 7,14. Усл. кр.-отт. 12,6. Уч.-изд. л. 13,47. Тираж 3 084 700 экз. Заказ 260. Цена 30 коп.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по печати.
107847, Москва, Лефортовский пер., 8.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати.
142300, г. Чехов Московской области.

СЫН

Сколько фотографов, столько и взглядов на жизнь. Собственно, так в любом виде творчества; просто в фотографии, как в одном из самых конкретных, все заметнее и резче. Разнит фотографов многое, роднит лишь одно — почти полная анонимность творчества. Всего лишь за один день в газетах и журналах мы рассматриваем десятки и сотни фотографий, они смотрят на нас с календарей и реклам, с афиш и витрин... Но можем ли мы назвать имена их авторов! Чаще всего — нет. Мало того — хотя под каждым снимком и стоит «фото такого-то», подпись эта интересует лишь его друзей да собратьев по профессии. Другое дело — подпись под статьей; тут уж читающего заинтересует все: и научное звание, и общественное положение, и известность имени, и авторитетность, и даже, простите, национальность. А снимки что — их читать не надо; секунда — другая — все уже ясно: вот дерево, вот луна, вот девушка, а вот букет — весна... Все эти мысли о невольной анонимности фотографии приходят в голову, когда думаешь о творческой судьбе даже такого знаменитого мастера, как Николай Гнисюк. [Продолжая рубрику «Авторский почерк», начатую в прошлом номере, сегодня мы представляем его серией работ «Сын».] Вряд ли найдется в стране человек, который не был бы



Авторский почерк: Н. ГНИСЮК



Фото Э. Хакимова, г. Казань



РОДИТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ: КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ?

В 1989 году на страницах нашего журнала появилась рубрика «Ассоциация родителей». Читатели ее сразу заметили. В одних письмах в редакцию приветствовались идея и цель этого нарождающегося общественного движения; а их, в общих чертах, можно выразить так: защита семьи, ее текущих и перспективных интересов от произвола различных ведомств, от проведения такой государственной политики, когда семья превращается из цели социальных программ в средство их достижения. В других письмах читатели торопили: подскажите, как побыстрее воплотить идею Ассоциации в жизнь, убеждали и нас, и себя, что дальше терпеть беззащитность семьи перед диктатом государственных организаций нельзя. В третьих письмах излагались проекты программ нового движения, их просили вынести на всеобщий суд.

Письма, как опубликованные, так и не попавшие на журнальные страницы, неопровержимо доказывали: воплощающая общества идея возникает одновременно в разных местах и во многих умах. Из телефонных звонков в редакцию и из писем мы узнавали, что Ассоциация родителей в мае прошлого года зарегистрирована и действует в Куйбышевском районе Москвы. Стало известно: в Ленинграде родители, объединившись, выступают как активная общественная сила. Очевидно, есть такие объединения и в других регионах страны. Все это вместе взятое и привело к решению собрать за «Круглым столом» нашего журнала, впервые публично высказавшего идею создания родительской Ассоциации, тех, кто на сегодняшний день к ней причастен.

В разговоре участвовали:

Евгения Феликсовна Ачильдиева, научный сотрудник

Института социологии АН СССР; Евгения Николаевна Журавель, сопредседатель родительской Ассоциации Куйбышевского района Москвы, младший научный сотрудник ВНИИ МВД СССР; Сабина Израилевна Забелешинская, заместитель заведующего отделением правового и нравственного воспитания Республиканской (РСФСР) юношеской библиотеки; Марина Юрьевна Левина, председатель Ассоциации попечителей и родителей (Ленинград), учитель ленинградской школы № 235; Галина Николаевна Лихачева, член родительской Ассоциации Куйбышевского района Москвы, доцент Московского экономико-статистического института; Марина Федоровна Месник, помощник народного депутата СССР А. А. Казамазова; Лариса Александровна Максимова, секретарь родительской Ассоциации Куйбышевского района Москвы, преподаватель Института иностранных языков имени Мориса Тореза; Елизавета Борисовна Максимова, член Московской инициативной группы по созданию родительской Ассоциации; Леонид Алексеевич Перлов, главный эксперт Госкомитета по народному образованию СССР; Лев Александрович Самойлович, член инициативной группы Объединения семей с детьми, имеющими отклонения в развитии, научный сотрудник НИИ дефектологии АПН СССР; Людмила Викторовна Фимина, специалист Управления интернатских учреждений, охраны прав детей Госкомитета по народному образованию СССР; Зоя Алексеевна Шишова, член родительской Ассоциации Куйбышевского района Москвы, педагог; Борис Иванович Щичко, сопредседатель родительской Ассоциации Куйбышевского района Москвы, заместитель директора по научной работе ВНИИ Информэлектро; Ричард Валентинович Соколов, педагог.

Максимова. Инициативная группа Московской Ассоциации родителей, которую я представляю, считает, что сейчас важно поддерживать все добрые начинания, идущие от школы и других общественных организаций. Поэтому наша работа последних двух лет была направлена на то, чтобы подпереть плечом новый Союз учителей, а уж формирование собственно идей родительской Ассоциации мы оставили на потом.

Щичко. Мы с Елизаветой Борисовной по-разному поняли задачи родительской Ассоциации, и это нас развело, хотя

начинали мы вместе. Перво-наперво считаем: откладывать на потом эту работу нельзя. Просто некуда откладывать. Семья у нас находится в бедственном положении. Это только на словах она провозглашается как первооснова общества. А на деле? Не только медлить нельзя; группой единомышленников у нас в Куйбышевском районе Москвы родительское движение рассматривается именно как «родительский фронт в защиту семьи». Что нашло отражение и в нашей Программе. Вот, к примеру, ее первый пункт: «Родительская Ассоциация выступает за признание зако-

нодательно воспитания детей общественно-полезным трудом, с выплатой родителям соответствующего вознаграждения и представлением правовых, материальных и других льгот». А когда мы в своей Программе записали требование об оплате отпуска женщинам, имеющим детей до трех лет, нам все говорили: это утопия, где взять такие деньги? Но как показала работа народных депутатов СССР и принятые ими решения, мы выразили «горячую», безотлагательную проблему — и деньги нашлись!

Далее. Разве семья может быть против сотрудничества со школой, с учителем

своего ребенка? Только «за»! Поэтому и это мы отразили в своей Программе. Например: «...введение образовательного налога в пользу системы народного образования на все предприятия и организации. Значительное увеличение бюджетного финансирования народного образования, в том числе за счет сокращения расходов на оборону и промышленное строительство». Так что быть просто опорой, пусть даже для самого прогрессивного Союза учителей, — этого мало.

Надо, чтобы все общество осознало в полной мере: без здоровой, уверенной в будущем семьи не может быть и здорового, стабильного общества. Мы и провозгласили на своей учредительной конференции идею соборности. И это, я думаю, нашло отклик: к нам пришли учителя, и директора школ, и деятели православной церкви, и народный депутат СССР А. А. Казамаев, за которого голосовал наш район... А ведь до сих пор сплошь и рядом происходит растаскивание проблем семьи — во имя якобы ее сплочения. Лично я считаю (и вот женщины из нашей Ассоциации меня поддерживают): даже такое движение, как женсовет, по сути, направлено против женщины, против семьи. Пусть большинство этого еще не осознали, но выделение сугубо женских якобы проблем означает взваливание всех семейных проблем на женщину. Женсоветы занимаются ведь семейными вопросами, но без мужчин...

Перлов. Я бы хотел, чтобы мы обсудили и вопрос, каким образом будут взаимодействовать инициативные группы создающихся Ассоциаций, а затем и сами созданные Ассоциации с Советами по народному образованию вплоть до Всеобщего Совета.

Шичко. Осмелюсь предположить: работа Куйбышевской районной Ассоциации за последние два года в какой-то мере уже и есть модель взаимодействия нашего движения с органами народного образования. Мы как Ассоциация еще не были официально зарегистрированы, когда узнали, что у нас в районе создается Совет народного образования. Причем создается по старому стандартно-парадному принципу: в школы ушли разнарядки по делегатам, ну и так далее. Мы подняли на ноги всю общественность района, и нам удалось приостановить это безобразие. Была учреждена родительская Ассоциация — и теперь уже при ее активном участии начали готовить учредительную конференцию районного Совета по народному образованию. Выборы в Совет прошли демократично, в него включено пять представителей родительской Ассоциации, работники внешкольных детских учреждений, представители предприятий. И этим составом нельзя быть вполне довольным: но это все-таки уже не ведомственная «пристройка».

Второй пример. Мы задумались: районные родительские комитеты — это, собственно, что такое? Они существуют, кажется, испокон веку, все к этому привыкли. Но чем они занимаются? Что за люди там и кого представляют? Что они от нашего родительского имени одобряют? Известно только одно: никто их не выбирал, а назначали — невесть по какому признаку. А цель родительской Ассоци-

ции как общественной организации — широкие демократичные выборы; именно так мы готовились и к выборам в Совет народного образования, выдвинув свою платформу, организуя свою предвыборную кампанию.

Левиная. Мы в Ленинграде начали объединяться вокруг конкретного, даже узко направленного дела: попытались создать систему, при которой максимально большое количество детей, оставшихся без родителей, получили бы всё, на что они имеют право по закону. Что для этого надо было сделать? В первую очередь своевременную и точную диагностику — ведь практически все эти дети в той или иной степени имеют отклонения в здоровье. Точный диагноз — это и гарантия правильного их жизнеустройства. Поэтому сейчас мы создаем диагностический центр с реабилитационным стационаром. Получилось, что в основе нашей Ассоциации — семьи с приемными детьми, поэтому она и называется Ассоциация попечителей и родителей.

Но постепенно вышло так, что название нам стало узко. Наша деятельность вывела нас на многодетные семьи. И вот тут мы поняли, что многодетная семья как бы фокусирует в себе все дефекты семейной политики нашего государства. Я бы сказала — его жестокое отношение к семье. Это выражается в бесправии матери, в невозможности для отца содержать семью на свою зарплату, в полном бесправии ребенка, зачастую ограниченности его развития вследствие элементарной нищеты... Не случайно многодетные семьи являются, в основном, поставщиками детей в сиротские учреждения.

И так вот были неизбежно жизнью подведены к пониманию: заниматься надо не только детьми-сиротами, они — не что иное, как следствие неблагополучия нашей советской семьи вообще. Нужно заниматься семей как таковой! Направлений тут может быть множество.

Вот одно из них — создание системы обеспечения социальных прав ребенка. Она существует во всем мире, а у нас лишь провозглашена в не подкрепленных делом лозунгах. Не надо быть наивными и считать, что об этом нашем положении не знают в международных организациях, в том числе стоящих на страже интересов детства. Знают, по крайней мере русский посредник в ЮНИСЕФ, когда мы вышли на него, сказал, что он готов сотрудничать с любой советской ассоциацией, если она на деле будет защищать права ребенка, чего сегодня у нас не делается.

Я это рассказываю к тому, чтобы объяснить, каким образом мы пришли к мысли о необходимости создавать конфликтные комиссии, которые бы занимались разрешением конфликтов — как внутрисемейных, так и между семьей и государственными учреждениями. Сейчас нами организована юридическая группа, а Совет общественных инспекторов при ней, по договоренности с Ленинградским комитетом по народному образованию, будет создан в ближайшее время.

Как видите, у нас, как и у москвичей, тоже есть опыт сотрудничества с органами народного образования. И нам тоже пришлось преодолевать традиционную подоприятельность ведомства к самодельной

общественной организации. Но когда мы заговорили о конкретных программах, то пришли к взаимопониманию.

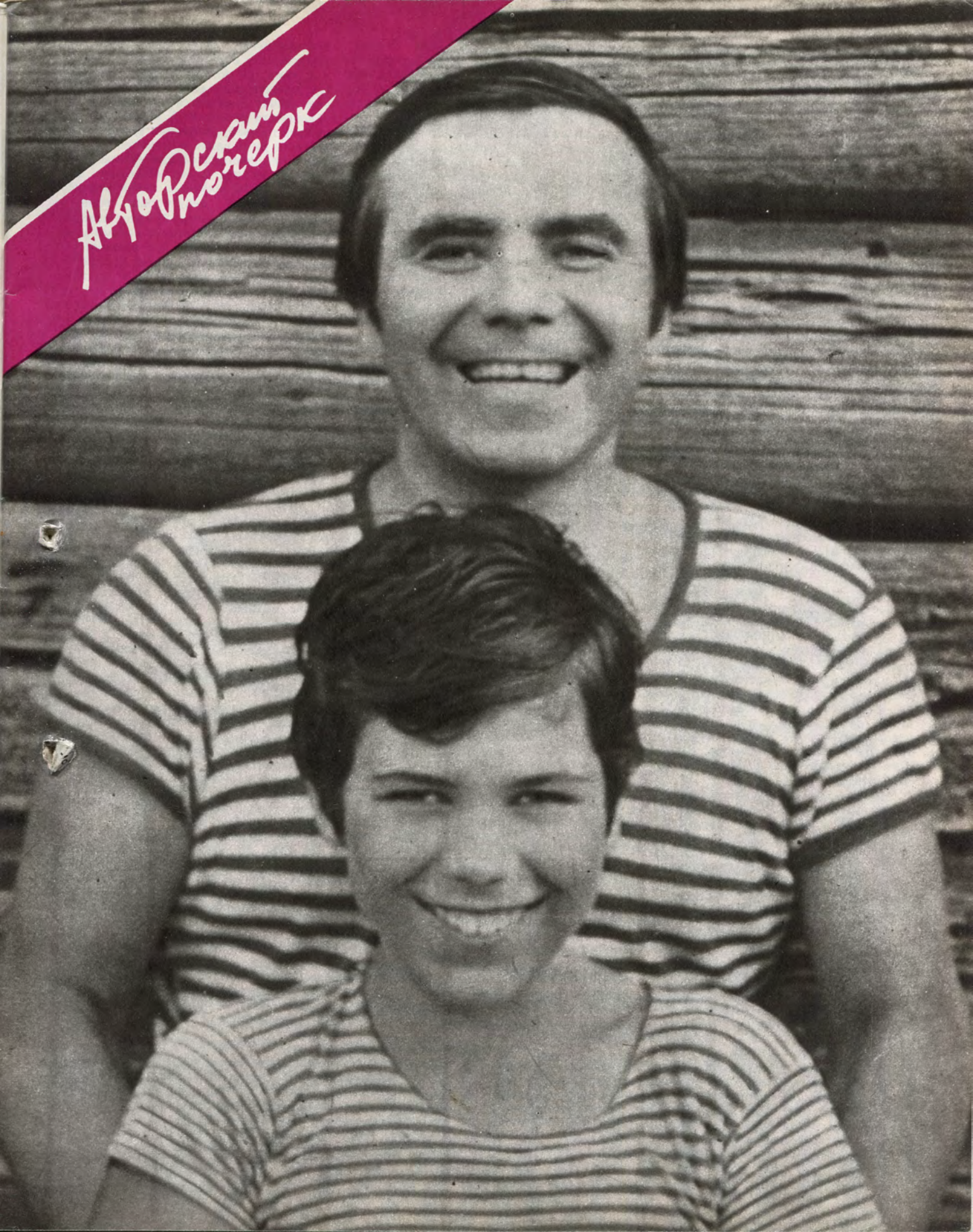
Опыт создания нашей Ассоциации говорит о том, что начинать лучше с какого-то конкретного дела. Только вокруг практического дела можно людей объединить.

Самойлович. Я представляю здесь Институт дефектологии, следовательно, интересы тех семей, где растут больные дети. Что мы знаем об этих детях? Вот цифра, известная статистике и мне, специалисту: 5 процентов детей от всех, что нас окружают, нуждаются в постоянной коррекции, то есть в постоянном лечении и внимании со стороны общества. Вторая категория детей — те, кто имеет серьезные физические заболевания, — у нас в стране вообще не учитывается. Хотя это по-настоящему больные дети. Болезнь приводит к тому, что они не успевают в школе; но и в школе, и дома продолжают предъявлять непосильные требования. По-своему защищаясь от физических и нервных перегрузок, они начинают плохо себя вести. В итоге школа старается избавиться от них, отправляя или в школу для умственно отсталых или в спецПТУ. И так — повсеместно, в то время как во всем мире именно эта категория детей получает поддержку различных фондов и общества. Существуют общественные и национальные программы финансирования медицинской, социальной помощи таким детям. У нас — нет.

Как только был создан Детский фонд, наш институт попытался наладить с ним контакт. Но дальше разговоров дело не пошло. На сегодняшний день положение таково. 120 специалистов нашего института ежегодно принимают тысячи и тысячи больных детей со всей страны. По объему это больше, чем та научная работа, за которую мы, собственно, и получаем зарплату. Это своего рода благотворительность и, как всякая благотворительность у нас, она бесправна. Кто-то же должен защищать интересы этих родителей и их детей! А на сегодняшний день они абсолютно беззащитны. Со всей страны стекаются эти дети в Москву и Ленинград, только здесь могут они получить квалифицированную помощь. Куда деться матери, если мы двухлетнего малыша кладем в больницу? А мы не можем даже поселить приезжающих в гостиницу! Жить на вокзале? Нам нужно взаимодействие с общественными структурами, способными взять на себя эти проблемы, поставить их перед обществом и «инстанциями». Поэтому мы — за создание родительской Ассоциации.

Шичко. Да, мы — общество плохо информированное и потому разобщенное. Нам долгие годы вбивали в головы, что у нас, к примеру, больше всех студентов в мире. И мы поверили, что наш сын или дочь имеют больше шансов, чем где-либо в мире, стать студентами. Однако у нас 12 человек из сотни учатся в вузах в то время как в США — 64. А кто, например, знает, какие мы, а вместе с нами и наши дети, потребляем пищевые добавки? Нам предстоит сделать для себя еще много тяжелых, болезненных, может быть, открытий. Зато при открытых глазах меньше шансов свалиться в пропасть. Я думаю, что такое общественное движение, как

Альберт
и Мария



родительская Ассоциация, способно помочь людям осознать проблемы семьи и начать их разрешать. Нужно объяснить родителям, что от проблем нашей жизни не спрятаться за порогом даже самого благополучного дома.

Левина. И такие объединения родителей, которые всецело заняты воспитанием собственного ребенка, есть. Это семейные клубы. Они уже создали собственное всесоюзное объединение. Там работают замечательные люди, их изобретательности, кажется, нет предела, у них растут очень развитые дети. Но, как они сами признают, в их работе настал тупиковый момент. Я думаю, именно потому, что вся их деятельность была направлена только на себя, вовнутрь...

Щичко. Такие родители, я уверен, придут к пониманию, что за дверями их собственной квартиры есть жизнь. Жизнь разнобразная, нерафинированная, порой жестокая, и это — жизнь их детей.

Левина. Я согласна с вами. Родительской Ассоциации не избежать острых социальных проблем. Мы убедились в этом на собственном опыте. Ну как, например, обойти проблему подростковой преступности, если у вас подрастают сыновья, дочери, а психологи прогнозируют «эрудетского фашизма»? Безотлагательного внимания требуют дети, воспитывающиеся в государственных учреждениях. Что это за система воспитания, если 80, а то и больше процентов интернатских детей проходят через тюрьмы?! А если учесть, что с каждым годом число интернатских детей у нас все увеличивается, то какую подростковую среду мы получим? В Ленинграде уже сейчас домашнему ребенку вечером на улице одному выходить небезопасно. И неужели смириться с отсутствием программ социальной помощи для детей, о которых говорил Лев Александрович Самойлович? Я учитель и могу свидетельствовать, что в школах Октябрьского района Ленинграда, в центре нашего города, две трети детей даже самому золотому учителю невозможно обучить. Значит, здесь не обойтись без помощи специалистов. А где они и кто об этом думает? Так давайте думать мы, родители.

Посмотрите, как изменились первоначальные задачи нашей ленинградской Ассоциации. Сейчас в нее входит множество групп, каждая со своим направлением. Инициативная группа психологов и медиков, которая занимается диагностическим центром. Совет духовенства — церковь, с ее традициями миссионерства, другими словами — помощи, благотворительности, хорошо вписалась в заботы и задачи Ассоциации. Благодаря зарубежным связям церкви мы уже сумели отправить для лечения на Запад ребят со сложными заболеваниями. Существует у нас и Совет независимых общественных инспекторов. Есть Центр помощи детским домам и интернатам. Работает объ-

единение семей с приемными детьми... А цель Ассоциации — не подчинять эти автономные группы единому центру, а объединять и координировать их усилия. Это, пожалуй, принцип федеративного устройства.

Фимина. Вот мы и вышли на проблему: какова будет структура родительской Ассоциации? Будет она всесоюзной или это будут региональные, независимые друг от друга объединения? Какой принцип организации лучше?

Ачильдиева. Мне представляется, что не должно быть единой всесоюзной Ассоциации, это традиционный наш глобализм. У таких организаций есть тенденция к монополизму; а к чему приводит монополизм — всем нам слишком хорошо известно.

Перлов. Но без объединения усилий движение вперед будет невозможным.

Левина. Честно скажу, я приехала сюда с надеждой именно на объединение и не потому, что я поклонница монополий. Нет, я их противница, это путь к тотальному контролю и к застою. Страна наша огромная, и то, что хорошо в Ленинграде, неприемлемо, например, в Киргизии. Но вот мы у себя в Ленинграде начали работать по перечисленным мною направлениям (а они еще будут наверняка множиться) и пришли к выводу: ко многим проблемам без крупных капиталовложений и не подступиться. Возьмем диагностический центр. Он требует, во-первых, затрат на строительство и, во-вторых, такой аппаратуры и таких специалистов, каких у нас в стране сегодня нет. Мы обратились к зарубежным фирмам, они выразили готовность нам помогать, вплоть до строительства таких центров. Что из этого следует? Что родительская Ассоциация должна, вынуждена будет заниматься коммерческой деятельностью, и в больших масштабах. Но ни одна уважающая себя фирма не захочет иметь дело с организацией, не имеющей солидного юридического статуса. Кроме того, диагностические центры нужны не одному Ленинграду. Значит, надо сразу думать о строительстве нескольких, в разных регионах страны.

Я думаю, всесоюзной Ассоциации по силам будет создать и сеть малых предприятий, где могли бы быть заняты многодетные семьи. И сеть домашних предприятий для тех родителей, которые растят больного ребенка, чтобы они могли нормально себя обеспечить, а не владеть нищенским существованием.

Соколов. Почему вы хотите иметь обязательно всесоюзную, обязательно всеохватывающую, то есть монопольную организацию? В Америке существуют сразу тысячи однородных общественных образований и никто друг другу не мешает...

Щичко. Опасность монополизма, думаю, всем нам понятна. Сколько уже появилось свежих примеров, когда организация задумывалась как общественная,

демократичная, а в итоге — еще одно министерство с пирамидальной структурой и с теми же министерскими повадками. Но давайте оценивать ситуацию трезво: уже сейчас намечается тенденция к разобщенности действий. А между тем важнейшие-то требуют именно единения, ибо в основе их — наши экономические, нравственные, законодательные изъяны. Мало открыть на них глаза обществу; необходимо, чтобы проблемы семьи решались правительством, депутатским корпусом законодательным путем. И голос всесоюзной Ассоциации зазвучит в полную силу.

Левина. Я думаю, что принцип устройства нашей ленинградской Ассоциации уже можно рассматривать в какой-то мере как модель антибюрократической организации. Это не значит, что я призываю всех ее копировать. Но скажу, что это результат наших поисков как раз антибюрократической структуры объединения.

Объединяющих и координирующих органа у нас два: Малый Совет и Большой Совет.

Кто входит в Малый Совет и чем он занят? В нем всего четыре человека. Это председатель, который, замечу, не имеет права решающего голоса. Он является лицом материально подотчетным, совместно с бухгалтером подписывает разные бумаги. Это куратор направления работы с семьями, где растут дети-инвалиды, и занимающийся проблемами здорового детства вообще. Это куратор той части деятельности Ассоциации, что связана с сиротством и семьями группы риска. Это куратор направления бытового и культурно-просветительского, где особо выделены семьи неполные и многодетные. И, наконец, тот, кто поддерживает связь с объединением церковью, действующем в рамках нашей Ассоциации. Четыре человека Малого Совета — это люди, которых Большой Совет просто нанимает на работу. Если, к примеру, деятельность члена Малого Совета, который курирует многодетную семью, не устраивает членов Большого Совета, они его отзывают и находят другого.

Теперь что такое Большой Совет? Представители всех наших, скажем так, федеративных объединений. От многодетных и в нем два-три человека, от врачей — два-три, ну и так далее. Это сугубо общественный орган.

Что еще важно, так это выбор учредителей Ассоциации. Важно, чтобы они не подмяли ее под себя, не стали бы диктовать ей. У нас их несколько: ленинградское отделение Общества Красного Креста, Общество милосердия и Общество психологов.

Если всесоюзная Ассоциация объединит как координирующая независимые, каждая со своим лицом, региональные Ассоциации на федеративной основе, — это, пожалуй, будет самый перспективный вариант объединения.

Наш разговор за «Круглым столом» продолжался больше трех часов. Естественно, нет возможности представить на страницах журнала его полный отчет. Зато, как вы, вероятно, заметили, мы стремились показать уже накопленный опыт родительских Ассоциаций и проблемы, с которыми столкнулись участники этого нового общественного движения.

Мы ждем ваших откликов. Возможно, кто-то попытается

создать или уже создал Ассоциацию родителей у себя в селе, городе, области. Ждем рассказов и об этом. Мы по-прежнему будем публиковать материалы под рубрикой «Ассоциация родителей». Она продолжает свое существование как ваша трибуна обмена идеями, проблемами, опытом.

Отдел семейного воспитания

Альберт
Горюхов



Доклад, фрагменты из которого мы печатаем, был сделан Николаем Ивановичем Бухариным на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти В. И. Ленина, 21 января 1929 года.

Речь в нём идёт о пяти ленинских работах, которые представляют собой, как считал Н. И. Бухарин, «органические части одного большого целого, одного большого плана ленинской стратегии и тактики»...

Этот план и являлся, по мнению Н. И. Бухарина, политическим завещанием В. И. Ленина.

Вчитавшись, вдумавшись в эти строки, вы неминуемо почувствуете, поймёте, как положения, высказанные вождем, важны и актуальны для нас сегодня.

Они звучат как напутствие в нашей перестройке.

Если, прочитав эту публикацию, вы захотите ознакомиться с бухаринским докладом полностью, вы найдёте его

в «Избранных произведениях» Н. И. Бухарина, изданных Политиздатом в 1988 году.

Но еще правильнее будет, если вы вместе со старшими детьми обратитесь непосредственно к ленинским работам, о которых говорится в докладе. (Полн. собр. соч. т. 45).

Н. И. БУХАРИН

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА

Товарищи! Творения великих людей, — а одним из величайших людей был наш покойный учитель и вождь, — представляют собою чудесную сокровищницу идей. Из замечательного многообразия этой сокровищницы приходится выбирать. Приходится ограничивать свою тему, ибо богатства идейного наследия неисчерпаемы и необъятны. Я ограничиваю поэтому тему своего выступления политическим завещанием Ленина, то есть совокупностью мыслей, которые Владимир Ильич оставил как свое последнее, самое мудрое, самое взвешенное слово, как свою последнюю, самую продуманную директиву.

Главнейшее из того, что завещал нам тов. Ленин, содержится в пяти его замечательных и глубочайших по своему содержанию статьях «Странички из дневника», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации».

Если мы внимательно присмотримся к предсмертным статьям Ленина, мы увидим, что в них есть и общая оценка нашей революции с точки зрения возможности строительства социализма в нашей стране, и общие резко очерченные линии нашего развития, и очень глубокий, хотя и очень краткий анализ международной обстановки, и основы нашей стратегии и тактики, и вопросы нашего экономического строительства, и вопросы культурной революции, вопросы об основных классовых соотношениях, о госаппарате, об организации масс, наконец, об организации нашей партии и ее руководства. В сущности говоря, нельзя назвать ни одного сколь-нибудь крупного вопроса нашей политики, анализ которого не находил бы себе места в этом общем плане, развитии тов. Лениным в его последних директивах.

1. Общая оценка нашей революции с точки зрения возможности социалистического строительства

Начну прежде всего с вопроса об общей оценке нашей революции с точки зрения возможности социалистического строительства в нашей стране. Этому посвящена статья, кото-

рая так и называется: «О нашей революции». С первого (поверхностного) взгляда можно считать эту статью случайной, почти рецензионной «заметкой». Это, однако, вопиюще неверно. По своим мыслям «заметка» «О нашей революции» является одним из самых оригинальных и самых смелых творений Владимира Ильича.

Тов. Ленин ставит коренной вопрос: утверждают, что у нас не было достаточных объективных экономических и культурных предпосылок для перехода к социализму. Хорошо. Это еще не решает дела. Чего не понимают педанты-каутскианцы? Они не понимают того основного, что если с точки зрения всемирной истории проделывать пролетарскую революцию должны развитые страны, страны с чрезвычайно развитой экономической базой, вполне и вполне «достаточной» для перехода к социализму (хотя никто не может сказать, с какой ступеньки развития начинается эта достаточность), то могут быть особые исключения, определяемые своеобразием внутренней и внешней обстановки. Это своеобразие обстановки как раз у нас и имело место, ибо у нас революция была связана, во-первых, с мировой войной, во-вторых, с началом гигантского революционного брожения среди сотен миллионов восточных народов и, в-третьих, с особо благоприятным сочетанием классовых сил внутри страны, сочетанием, которое Маркс еще в пятидесятых годах прошлого века считал самым выгодным, а именно сочетанием крестьянской войны с пролетарской революцией. И вот эти-то обстоятельства, эта совершенно своеобразная и оригинальная обстановка была основой для всего развития нашей революции. Сделалось возможным такое оригинальное положение, что мы сначала завоевываем себе «рабоче-крестьянскую власть», а потом уж должны «на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».

Оценивая еще раз «нашу революцию» как социалистическую, отбис самые основные аргументы людей, кокетничающих с возвратом к «здоровому капитализму», к буржуазной реставрации, охарактеризовав «нашу революцию»

во всем ее объеме, Ленин с необыкновенной заботливостью ставит и самый общий вопрос о характере развития «нашей революции» и, следовательно, об основах, о направлении нашей тактики.

II. Общее направление нашего развития и генеральная установка политики

Отсюда опять-таки необыкновенно смелая, яркая, отчетливая и необычайно энергичная формулировка этого вопроса. Ее Владимир Ильич дал в своей замечательной статье «О кооперации».

В этой статье тов. Ленин пишет:

«...Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм».

Когда и где с такой резкостью формулировался этот тезис? Я утверждаю, что из всех сочинений наиболее отчетливо и со всей суровой и страстной политической энергией этот тезис сформулирован именно в статье «О кооперации».

«...Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм», — пишет тов. Ленин.

«Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу...»

Это вовсе не значит, что Ленин здесь отрицает классовую борьбу, ибо «мирная организационная» «культурническая» работа есть тоже особая форма классовой борьбы. Это значит, что пролетариат ведет за собой весь трудящийся народ, что он отвечает за развитие всего общества в целом, что он становится великим коллективным организатором всего «народного хозяйства», что направление развития не идет по линии раздвигания пропасти между основными классами (рабочим классом и крестьянством), что дело идет отнюдь не к «третьей революции» и т. д.

III. Международная обстановка и ее оценка

Владимир Ильич был международным революционером, первоклассным марксистом-теоретиком, и, само собой разумеется, он понимал, что наиболее крупные трудности, наиболее коварные угрозы и опасности связаны с нашим международным положением. Мы забываем подчас, что писал Владимир Ильич в своем политическом завещании насчет нашего международного положения, а между тем там дан анализ, который, за немногими исключениями, подтверждает всем дальнейшим ходом мировых событий.

Владимир Ильич ни капли не боялся быть заподозренным в империализме или каком-нибудь подобном смертном грехе и писал, что победившие империалистические государства будут «преуспевать»; а с другой стороны, он отмечал и те противоречия, которые рождает капиталистическая стабилизация. И, что особенно интересно, Владимир Ильич связывал следующий революционный взрыв непосредственно с грядущей войной.

IV. Основы нашей стратегии и тактики с точки зрения международной обстановки

Тов. Ленин рассматривал наше международное положение в первую очередь с точки зрения военной опасности. Это он безусловно считал основным.

Ленин отнюдь не был легкомысленным «ура-патриотом», он серьезно учитывал могущественные силы врагов. Он открыто говорил и о наших слабостях, призывал массы к их преодолению. Он прежде всего указывал на низкую производительность народного труда. Он отмечал, что империалистам не удалось уничтожить Советское государство, но удалось его разорить, затруднить его развитие, затормозить это развитие, то есть что им удалось решить задачу наполовину («полученные задачи»).

Итак: «Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны? Очевидно, следующая: мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства».

Таким образом, когда Ленин ставил вопрос, что же является

основной внутренней гарантией в борьбе против нападения империалистов, что является основным тактическим правилом, необходимым, чтобы революция пролетариата победила в борьбе против контрреволюционных западноевропейских правительств, он отвечал: величайшая осторожность в тех пунктах политики, которые касаются отношения рабочей власти к крестьянству.

«Нам следует держаться такой тактики или принять для нашего спасения следующую политику».

Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких-бы то ни было излишеств.

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии».

V. Основы экономической политики

В своей известной статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин развивает свой план по двум направлениям, которые увязаны с директивой союза рабочих и крестьян и с директивой экономики. Это — план индустриализации и план кооперирования населения. Поставив вопрос о том, что нам нужно сохранить доверие крестьян, изгонять все лишнее из наших общественных отношений, сократить госаппарат до минимума, накапливать постепенно, тов. Ленин вслед за этим спрашивает: не «не будет ли это царством крестьянской ограниченности?»

«Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крепкой машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волжского и прочее».

В этом и только в этом будет наша надежда».

...Тов. Ленин указывает другие источники. Эти источники есть прежде всего максимальное сокращение всех непроизводительных расходов, которые у нас поистине огромны, и повышение качественных показателей, в первую очередь повышение производительности народного труда. Не эмиссия, не проедание запасов (золотых, товарных, валютных), не переобложение крестьянства, а качественное повышение производительности общенародного труда и решительная борьба с непроизводительными расходами — вот главные источники накопления.

Конкретизируя вопрос о том, на какой же организационной базе должна получиться смычка между растущей индустрией и мелкими и мельчайшими крестьянскими хозяйствами Ленин развивает свой «кооперативный план», план смычки через «кооперативный оборот». Почему через кооперацию должна идти эта смычка? Почему кооперация предлагается в качестве решающего метода? Потому, что это есть переход, как очень осторожно выражается Владимир Ильич, к «новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина», когда население идет к социализму через кооперацию, руководствуясь собственной выгодой.

Всем известно, как тов. Ленин вообще оценивал кооперацию; он говорил, что поголовное кооперирование населения в наших условиях — это есть социализм, и что нам нужно «только» это.

«Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы. Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас. Нэп в этом отношении представляет из себя в том отношении прогресс, что он приравнивается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего».

...Для осуществления кооперативного плана нужна культурная революция, ибо для осуществления поголовного кооперирования нужно в первую очередь, чтобы кооператоры цивилизованно торговали. Наш кооператор, писал тов. Ленин буквально: «...торгует сейчас по-азиатски, а для того, чтобы уметь быть торгошом, надо торговать по-европейски».

VI. Вопросы основных классовых отношений

Владимир Ильич подходил ко всем экономическим вопросам не с точки зрения какой-то внеклассовой экономики: он увязывал любой крупный вопрос одним концом с международным положением, другим концом — с классовой борьбой в нашей стране.

«Конечно, в нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда будет раскол неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания неизбежности такого раскола, и главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их, ибо в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собою этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избежать раскола, который был бы губителен для Советской республики».

И поэтому совершенно понятно, что любое свое положение Владимир Ильич рассматривал под углом зрения соотношения рабочего класса с крестьянством. Именно отсюда следует его генеральная директива: — **ГЛАВНАЯ задача всей нашей партии, всех ее органов состоит в том, чтобы посмотреть, из чего может произойти раскол, и, вовремя заметив опасность, ликвидировать ее.**

VII. Вопросы культурного строительства

Итак, индустриализация плюс кооперирование. Но кооперирование предполагает культурную революцию. Тут Ленин, выставляя лозунг культурной революции, отнюдь не ограничивается этим голым лозунгом. Он и здесь раскрывает его конкретное содержание, он говорит, что нужно делать, на что нужно обратить самое основное внимание, где здесь «звено». Этому специально посвящена его статья, которая называется «Странички из дневника». И этот вопрос Ленин ставит, конечно, с точки зрения соотношения между рабочим классом и крестьянством: «Тут основной политический вопрос — в отношении города к деревне, который имеет решающее значение для всей нашей революции». Общая установка ясна. Мы не делаем «главного»: мы не поставили народного учителя на надлежащую высоту. Вот одна директива. И Ленин сразу же идет дальше: взяв строение нашего государственного бюджета, он говорит: если хотите культурную революцию проводить, то моя директива вам: необходима перестановка всего нашего госбюджета в сторону первоначального образования.

Это, конечно, целая «революция». Эту революцию можно провести, но против нее стоят стихийные силы привычек, быта, предрассудков, бюрократической рутины, обезьянничанья с бар. Владимир Ильич не стеснялся сказать, что мы «не делаем почти ничего для деревни помимо нашего официального бюджета или помимо наших официальных сношений». И, исходя из задач культурной революции, он выдвигает идею массовых рабочих организаций, которые бы проникли в деревню, ставят вопрос о шефских обществах, дает формулу, что рабочие-передовики должны нести коммунизм в деревню. Но сейчас же тов. Ленин расшифровывает содержание этого понятия, опять-таки зная, как у нас любят фразу и барабанный бой вместо дела. Он поясняет свою мысль:

нельзя «нести сразу чисто и узкокоммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, губительно для коммунизма.

Нет. Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм. Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременна. Постановка такой цели принесет вред делу вместо пользы».

VIII. Вопросы госаппарата и государственного и партийного руководства

Тут Владимир Ильич подходит к тому, что одним из величайшей важности составных моментов культурной революции, одним из величайших рычагов социалистического накопления и вовлечения масс в строительство — а всякий мелкий крестьянин должен строить социализм! — является состояние госаппарата и качества руководства.

Этот вопрос развивается в двух статьях: «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше». Интересен уже самый подход Владимира Ильича:

«Надо вовремя взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д. Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежедневно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятность. Вреднее всего здесь было бы спешить».

Вы помните, какие предпосылки в вопросе об аппарате у Владимира Ильича были: нужна экономия, потому что только тогда можно провести индустриализацию. Нужно упрощение, потому что только тогда мы можем вовлечь массы. Нужно добиться общего повышения производительности труда. Таким образом, вопрос о госаппарате с точки зрения вовлечения масс, экономики, производительности труда связывается со всеми вопросами. В вопросе о госаппарате связываются, как в фокусе, все вопросы — от экономических до культурных.

И это понятно. В конце концов государственный аппарат — это тот самый рычаг, та самая машина, через которую наша партия, победоносная руководительница пролетариата, направляет всю свою политику; в конечном счете если посмотреть с точки зрения перспективы, то наш госаппарат есть та самая организация, которая потом должна, охватывая миллионы, охватывая поголовно всех трудящихся, составить собой известный этап в переходе к государству-коммуне, от которой мы еще, к сожалению, очень и очень далеки. Так вот, товарищи, Владимир Ильич спрашивает: если встает так вопрос о государственном аппарате, то чем его чинить, куда мы должны обратиться, за какие рычаги мы должны ухватиться? И он дает замечательную формулировку. Он говорит: мы должны обратиться к самому глубокому источнику диктатуры; а этот самый глубокий источник — «передовые рабочие».

Итак, во-первых, нам нужно обратиться к передовым рабочим, а во-вторых, к «элементам действительно просвещенным» в нашей стране. Нужно позаботиться о сосредоточении в Рабкрине лучшего, «что есть в нашем социальном строе», «человеческого материала действительно современного качества, т. е. не отстающего от лучших западных европейских образцов».

С этого конца нужно чистить госаппарат.

Элементы, «действительно просвещенные», должны иметь такие свойства: они, во-первых, ни слова не возьмут на веру; во-вторых, ни слова не скажут против совести (совесть не отменяется, как некоторые думают, в политике); в-третьих, они не побоятся признаться ни в какой трудности и, в-четвертых, не побоятся никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели.

И, наконец, в этом же плане развиты и соответствующие требования насчет масс. Эти требования Владимир Ильич в одной чрезвычайно короткой, но выразительной формуле свел воедино: «действительное участие действительных масс». Ибо можно собрать кучу народа, но это не будет действительная масса; можно собрать их так, как будто они «участвуют», но они действительно не участвуют. Отсюда формула: «действительное участие действительных масс».

...У нас многие проблемы встали несколько по-иному. Но основной рисунок нашей политики, нашей стратегии, нашей тактики гениально Владимиром Ильичом предвосхищен и предопределен. И те трудности, которые сейчас переживают наша страна и наша партия, еще и еще раз заставляют нас обратиться к одному из неиссякаемых источников политической мудрости, к завещанию Владимира Ильича.



Александр
Морев



Несладкая жизнь

Близорукая бережливость

Учим ходить и писать

Зачем запугивает школа?

А дети не в счет...

Двойка из-за мухи

Дочь влюбилась

письма

А учебника дома нет

Мой старший сын перешел в шестой класс. Как-то в разговоре «пришлось к слову» Марафонское сражение греков с персами. Оказалось, об этом событии, хотя его «проходили» в школе, сын имеет весьма смутное представление. Хотел я его отослать к учебнику, а учебника-то и нет. Сдан в школу по окончании пятого класса. И сам я тоже не смог сверить, что полагалось знать сыну по этой теме.

Странная сложилась ситуация со школьными учебниками. С того момента, как школьник «прошел» изложенный в учебнике предмет, книга становится как бы запредельной для домашнего пользования. Кто установил, что после годичного употребления учебник брать в руки не полагается? И почему только после, а не до? Помню, я в детстве часто «залезал» в учебники старших сестер, да и свои почитывал еще до начала учебного года, как интересные книжки.

Вопрос, о том, какую «критическую» массу знаний должен усвоить человек в школьные годы, представляется мне чрезвычайно важным. Думаю, и семья может внести в это дело свою лепту, если будет располагать необходимыми источниками информации. Домашний книжный фонд непременно должен включать и школьные учебники: ведь из всей познавательной литературы — это самое доступное. Наверное, не обязательно требовать от детей усвоения необходимого минимума сведений по жесткой школьной программе: этот раздел изучать в пятом, а этот только в десятом классе — ни раньше, ни позже. Люди зреют по-разному. Важна сама установка. Если учебники будут под рукой, то у каждого школьника появится (при желании!) возможность пополнять свои знания.

На мой взгляд, нам не обойтись здесь без продуманной государственной программы, в осуществление которой должны включиться книгоиздательства, книоторговля и, конечно, школа. Идея бесплатных школьных учебников как нельзя лучше для этого подходит. Но, к

сожалению, получается, что прекрасная идея принесена в жертву школьному «порядку» и близорукой «бережливости». Вместо того чтобы раздать детям учебники, их просто-напросто изъяли у семьи!

В. АРХАНГЕЛЬСКИЙ,
отец пятерых детей
г. Ульяновск

Конфеты — мечта?

Давно выписываю журнал, но сама никогда не обращалась в редакцию. А тут такая тоска взяла, что решила написать. У меня двое детей: сыну пять лет и маленькой дочке полтора года. Раньше Толя (так зовут сына) с удовольствием ходил со мной в магазин за продуктами и помогал нести сумку. А тут взбунтовался, поводом послужила печальная история. Пришли мы в магазин за хлебом, сын попросил: «Мама, давай купим конфет или печенья, так хочется». Я ему показала на пустые полки и попыталась объяснить, что в магазине, кроме морской капусты и черных макарон, ничего нет. Не знаю, понял меня Толя или нет, но просить перестал. А когда пришли домой, он расплакался и бросился к отцу со словами: «Папа, мама меня совсем не любит — она мне конфет не покупает». Отец растерялся, и я тоже. Ну как объяснить ребенку, что я его люблю очень, а не любят его дяди и тети из министерства торговли или еще откуда-то, которые лишают детей сладостей? Как и все дети, сын считает, что родители все могут, а потому обижается на меня, думает, я виновата в том, что ему не достаются конфеты. Если бы от меня что-то зависело! Теперь, когда все исчезло с прилавков, «выкручиваемся» как можем. Сама я стараюсь испечь что-нибудь сладенькое: то печенье, то пряники, но и с домашними изделиями у нас перебои, если учесть, что сахарный песок — тоже дефицит и выдают его по полтора килограмма на человека. Хватает только на чай и компот, да пироги по праздникам.

На ребенка смотреть больно! Пришел мой Толя из садика, прижался ко мне и говорит: «А сегодня Дима принес конфетку и меня угостил, а Кате не досталось». Он добрый, отзывчивый мальчик, не попрошайка. Перетаскал все свои изюшки в садик. Но слюнки текут у него, когда кто-то конфетку ест.

Скоро у Толи день рождения. В садике заведено в этот день угощать всю группу конфетами. Мы обратились к родственникам и знакомым во все концы страны с просьбой прислать нам конфеты. А если они не смогут достать?

Как все это объяснить пятилетнему ребенку?

Н. МИТИНА
г. Ковров

Владимирской области

Болезни вопреки

Вот уже несколько лет являюсь подписчиком вашего журнала. Читаю его с большим интересом. Узнала много нового и кое-что использовала. Нам с мужем по 25 лет, сыну — шесть с половиной. Он — инвалид детства. Диагноз — детский церебральный паралич, гиперкинетическая форма. Хотя нам приходится не сладко, но мы не падаем духом, занимаемся с Костишкой. Он ходит, правда, не так хорошо, как здоровые дети. Пробует даже бегать. Рисует как может. Пишет мелом на доске «папа» и «мама». Умеет читать по слогам и складывать слова из пластмассовых букв, освоил сложение в пределах десяти. Конечно, мой сын еще многого не умеет, хотя и это для него достижение.

Сколько таких детей по стране!

Я уверена, каждая мать борется за здоровье своего ребенка и его развитие. Очень хотелось бы, чтобы кто-нибудь из родителей поделился опытом своих занятий с больными детьми.

Я думаю, что совместными усилиями мы обязательно сможем хоть как-то, хоть чуть-чуть улучшить физическое и моральное состояние больных ребятишек.

Напечатайте, пожалуйста, мое письмо. Может быть, кто-то откликнется?

А. ВОРОТНИКОВА
г. Караганда

Надоело так жить

«Мне надоело жить!» Сколько детей в возрасте двенадцати-пятнадцати лет произносят эти страшные слова! А некоторые приводят их в исполнение. «Мне надоело жить!» — так сказала «и я себе. Почему? До того меня довела школа. Нас запугивают плохими характеристиками, плохими отметками,

исключением из пионеров, из комсомола.

Школа — это место, где нас «учат жить по-настоящему». А разве можно научить криками, приказаниями? Попро-буй послушайся, тогда — дер-жись!.. Взрослые! Как вы бываете грубы и жестоки! Из-за этого становится свет белый не мил. Прошу вас, прислушайтесь к моим сло-вам. Дети тоже могут быть правыми, ведь со стороны видней! Если мы в чем-то ошибаемся, то помогайте нам советами, а не окриками. Вы скажете: «Вы этого не по-нимаете». А кто нас научил не понимать! Вы — взрослые! Ваша жестокость! Грубость! Вы обращаетесь с ребенком, как волк с овцой. Выносить это невозможно. Поймите, взрослые — учителя, мамы, папы! Поймите и помогите нам! Тогда таких писем, как это, будет меньше.

Письмо без подписи
и адреса
Новгородская область

И никаких забот...

Шесть лет выписываю ваш журнал и читаю его «от» и «до». Все пыталась понять, что же такое семья. Думаю, без взаимной ответственности за судьбу детей она существо-вывать не может.

Муж, в котором я не чаяла души (да и сейчас он мне дорог), прожив со мной во-семь лет, ушел от меня. Вы-яснилось, что он не любит меня, что я — скучный, не компанейский человек. Жить со мной — такое наказание и мученье для такого, как он. А может быть, все дело в том, что семья оказалась ему в тягость. Получилось так, что детей растили без посторонней помощи, без бабушек и дедушек. Ни в кино сходить, ни на концерт (не с кем детей оставить). К тому же второй ребенок (муж считал, что в семье должно быть двое детей) оказался очень болезненный. И такой жизни муж не вынес. После рожде-ния второй девочки, что на-зывается, загулял, благо к этому времени купили маши-ну. Дома дети болеют, вечно не хватает денег (из-за маши-ны влезли в долги), а он все ночи напролет катается со свободными женщинами. На-конец, подцепил одну, кото-рая обещала только любить и никаких забот. (Своего ре-бенка, чтобы он не мешал, отправляет то к одной бабуш-ке, то к другой.)

И вот наш папа, который считался образцовым работ-ником при погонах и семьяни-ном, бросает семью, променяв двух своих дочек восьмью и трех лет на жизнь в свое удовольствие. Я пыталась вызвать к его отцовским чув-ствам. А он в ответ: «Дети тут ни при чем!» Как же дети ни при чем?!

Разве детям безразлично, есть у них папа или нет? В итоге старшая девочка ста-ла очень нервная, меня не слушает, сестренку обижает, и я не могу найти с ней кон-такта. Все мои старания по-дружить девочек не приводят к успеху.

Возможно, в новой семье муж счастлив, но детей он сделал несчастными. И это его не беспокоит. Как помочь де-вочкам перенести измену от-ца? Как на них повлиять, чтобы не озлобились, не ожес-точились? Что сделать, что-бы обрели они душевный по-кой? Не представляю. Может, кто испытал подобное, что-нибудь посоветует?

Елена А.
Красноярский край

Пора отказаться

У меня трое детей. Родительские собрания в разных классах, в разных школах похожи, как две капли воды. Учителя начинают разговор с того, какие мы плохие роди-тели и какие у нас плохие дети. Следует перечень «про-ступков»; дети бегают, кри-чат на переменах, разгова-ривают на уроках. Нам выго-варивают: «Конец четверти на носу, а ваши дети не знают материала, в журнале одни тройки и двойки. Подтяните отстающих!» И тут же позорят родителей пофамильно. И сидят бедные родители, опустив головы, готовые про-валиться сквозь землю от стыда. Что происходит? По-чему виновными оказываются родители, хотя плохие зна-ния — брак, допущенный учи-телем, которому государство доверило важное, ответст-венное дело — обучение и воспи-тание детей. Это мы, родите-ли, должны предъявлять учи-телю претензии, почему не научил ребенка чему следует.

А вместо этого школа созы-вает родителей и говорит: «Хотите, чтобы ваши дети что-то знали, старайтесь, за-нимайтесь с ними! А не хоте-те — дело ваше, с двойками останутся». Поразительно, не правда ли? Ведь ни я, ни кто-то другой не жалуется учителю на то, что была труд-

ная смена, что не качал насос, останавливались мешалки и так далее. А нам учителя жалуются, что дети — непо-седы, шалуны и не знают физику. Откуда же они будут знать, если школа их не на-учила?

Вы не подумайте, что я хо-чу все переложить на школу. Нет. Мать и отец должны прививать ребенку любовь, уважение к старшим и млад-шим. Ребенок должен чувст-вовать тепло родного дома, должен видеть, как папа и мама ждут друг друга до-мой, встречают с радостью, целуют при встрече. Берут тяжелые сумки из рук. От родителей ребенок должен пе-ренимать честное отношение к труду, к людям. Конечно, следует напомнить ученику спокойно (если сам не сел за уроки), что делу — время. Спросить про школьные де-ла. Но научить ребенка наукам уж будьте добры, вы, учите-ля!

Как-то меня вызвал в шко-лу директор: «Ваш сын убе-гает на перемене домой и не успевает вернуться до звон-ка!» Сын очень просил купи-ть щенка; у нас с ним был уговор, что будет смотреть за ним и ухаживать. Вот он и бегал домой, чтобы щенок не оставил лужу на паласе. Я объяснила все директору, обещала все уладить. А он мне со злобой: «Чтобы я боль-ше не слышал о щенке, вы-бросьте его к чертовой мате-ри. Вашему сыну надо учить-ся, а не собак выгуливать!»

А разве нельзя это соче-тать? Почему такое нежела-ние понять ребенка, загля-нуть в его душу? Ведь дети так чисты, наивны, доверчи-вы, а школа видит в них только нарушителей дисци-плины, чуть ли ни диверсан-тов.

...В дневнике у дочери по-явилась двойка за поведение на уроке алгебры. Пошла выяснять, что произошло. Учительница жалуется: «Ва-ша дочь махала на уроке руками перед своим носом. Это что за очередная выход-ка?» А оказалось все до смеш-ного просто. Дочка пояснила: «Села муха на руку, я ее со-гнала, она отлетела и села на нос, я и с носа ее согна-ла. А учительница стала кричать: «Встать! Давай дневник!» — И поставила двойку». Дочка рассказывала и плакала.

Или поступила мне очеред-ная жалоба на сына от клас-сного руководителя: «Саша разговаривал на уроке гео-

метрии, выясните, в чем де-ло». Неужели учительница не могла сама все уладить? Нет, не стала ни в чем разби-раться. Зачем? Есть классный руководитель. А та в свою очередь матери доложила. Уже трое взрослых против одного ребенка ополчились. Я понимаю, что мой сын — подвижный мальчик. Но я знаю и другое — увлечь, что называется, заигнотизиро-вать любого непоседу и гово-руна может интересный урок, когда дети внимают каждому слову учителя. Но даже если ребенок провинился, почему надо это превращать в тра-гедию? Та же учительница могла сказать: «Дети, внима-ние! Саша Мастеров что-то интересное рассказывает Ан-тонову. Расскажи, Саша, и нам, мы тоже хотим знать». Саша, конечно, смутился бы. А учительница бы мяко заме-тила: «Ну ладно. Коли это тайна, я не настаиваю. Толь-ко в другой раз постарайся, Саша, меня не отвлекать. Договорились? Да?» И все. Зачем же на детей страх на-гонять? Замечания писать, родителей вызывать? Ведь это их только против школы, против учителей настроивает и отбивает охоту учиться.

Неужели не ясно, что никто не спасет школу, кроме нее самой?! До тех пор, пока учителя не избавятся от невы-держанности, раздражитель-ности, от нелюбви к детям, ничего не изменится. И те же собрания, на которых с роди-телей «стружку снимают», не выручат школу. Давно пора от них отказаться!

А. МАСТЕРОВА
Волгоград

СОВЕТЫ

Фотографии для продажи?

Уважаемая редакция!

Я давно выписываю Ваш журнал, он мне очень нрав-ится. Но вот пишу впервые. Я оказалась в затруднитель-ном положении. У меня трое детей, старшему сыну тридца-ть лет. Он занялся фотогра-фией. Дело хорошее. Я под-держала, купила фотоаппа-рат, химикаты — все, что на-до. Увлёкся парень, стало у него неплохо получаться. А через некоторое время сын мне говорит: «Буду продавать фото, где изображены куль-туристы и каратисты». Я опеши-ла: «Да как можно, сынок?»

Он стал доказывать, что ничего в этом постыдного нет. Не может же он у меня постоянно просить денег на фотобумагу, химикаты, тем более что семья у нас не маленькая и с финансами трудно. Привел сын и такой довод: «Я же вкладываю свой труд».

Как будто убедил, я согласилась. Но сомнения меня не покидают. А что если увлечется торговлей и появятся у него дурные наклонности? Каждый день с сыном беседую. Внушаю, чтобы работал качественно и не заламывал цену, ведь ребята, которые покупают, сами денег не зарабатывают, а пользуются родительскими. Поставила сыну условие, если узнаю, что халтурит или просит дорого — запрещаю заниматься фотографией.

Но все равно на душе тревожно. Может быть, я все-таки зря разрешила тринадцатилетнему сыну заниматься такой трудовой деятельностью?

Р. ЮСУПОВА
г. Навои
Узбекской ССР

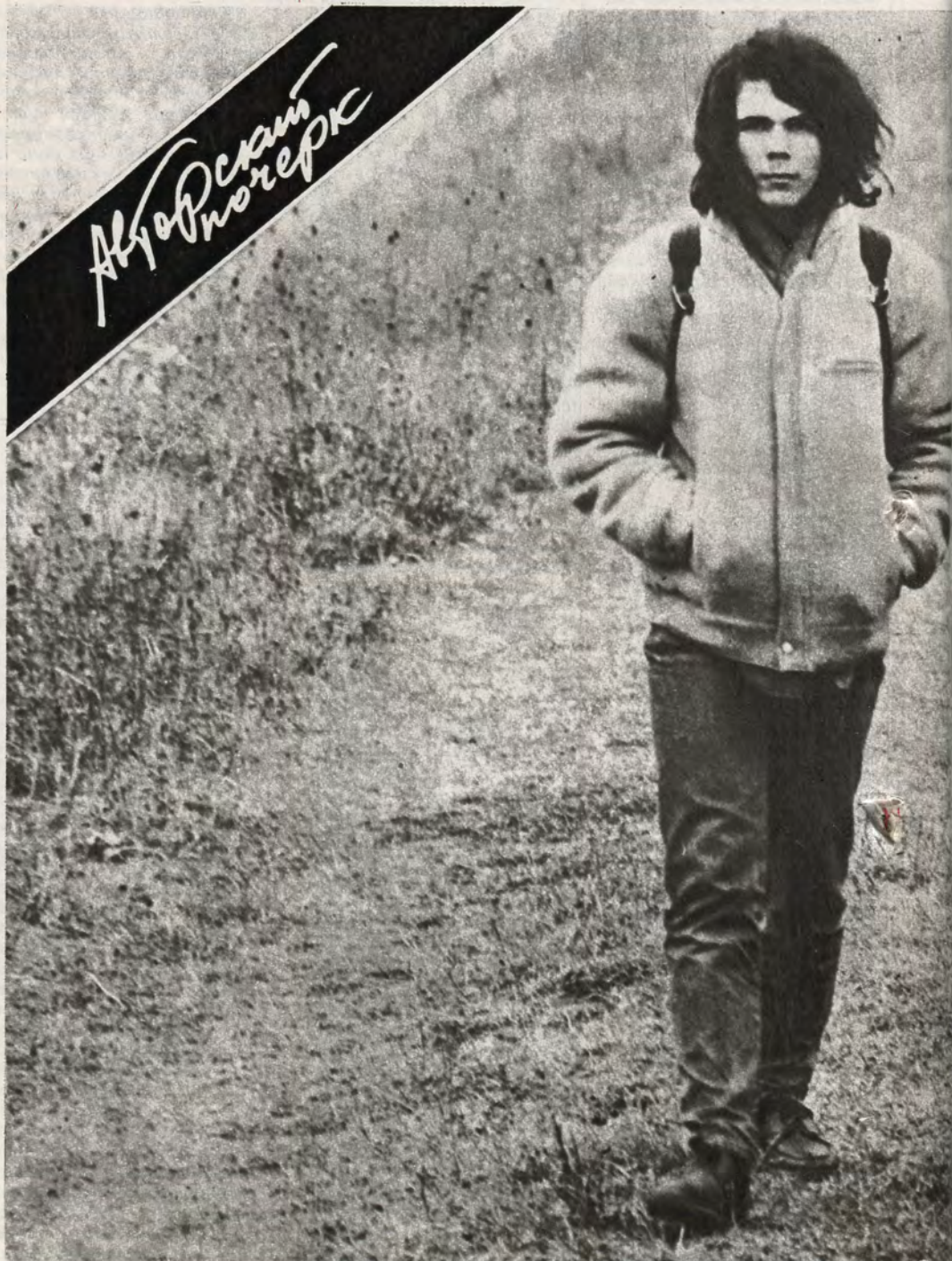
Как относиться к тому, что у детей появляется собственный заработок? В этой ситуации наибольшие трудности испытывают родители, которые ранее всегда и во всем контролировали поведение своих детей, ограничивали их самостоятельность. С появлением денег возникают опасения, что «ребенок выйдет из-под контроля». К тому, что родители боятся соблазнов, с которыми могут встретиться их дети, добавляются еще неосознаваемые опасения, протест против того, что их ребенок отвоевывает большую свободу в действиях. Все мы вынуждены сознаться, что не так-то просто дать подростку свободу и независимость. Даже самые опытные воспитатели при этом испытывают чувство утраты, сожалеют о том времени, когда дети полностью зависели от них. Все мы склонны самообольщаться: на самом деле воспитание наших детей определяется не только нами, родителями, но и другими людьми — взрослыми и сверстниками, которым несть числа.

Своим трудом заработанные деньги, действительно, являются для детей своеобразным сертификатом на большую свободу, большую независимость. Особенно в тех семьях, где ведут счет каждой копейке и детей скупо

наделяют лишь самым необходимым. То, что мальчик не хочет вводить в расходы семью, а прикладывает собственные усилия, чтобы самоутвердиться, похвально. Предположим, «доходы» подростка от продажи фотогра-

можно мириться. Но, конечно, надо пресекать, искаженное увлечение деньгами, когда отношения купли-продажи, выколачивание прибыли доминируют над всем. Нельзя же оправдывать условиями жизни и правилами рынка

Можно понять тревогу матери за сына. Вокруг столько отрицательных примеров, когда ради красивой, независимой жизни в ход идут любые средства... Да еще подросткам частенько приходится сталкиваться с социаль-



фий будут расти и вырастут настолько, что он перестанет просить деньги у родителей. Хорошо ли это? Если запросы подростка минимальны и его «заработка» хватает, чтобы их удовлетворить, с этим

появление, распространение и диктат вымогателей, с которыми нам приходится сейчас встречаться. В этом случае нравственные принципы уступают место принципам наживы.

ной несправедливостью, когда обесценивается честный и добросовестный труд.

Как спасти, как уберечь детей от вступления на скользкий путь? Единственное, что может удержать, — это ранее

воспитанная совесть, неразрывно связанная с уважительным отношением к себе и другим. На примере жизни своей семьи ребенок должен убедиться в преимуществе вечных человеческих ценностей, которые и помогают

и станут в общении с окружающими тем тормозом, который удержит его от противоправных поступков.

Условия, которые выражают позицию мамы: не наживаться за счет других, таких же безденежных, как сам, де-

Такие занятия — благоприятный повод для того, чтобы поддерживать у ребенка познавательный интерес, приобщить его к самостоятельному труду.

Работа фотографа связана с жестким технологическим

лаборатории» (даже если для этого приходится всякий раз устраиваться в ванне или другой темной комнате) возникает возможность остаться наедине со своими мыслями, переживаниями, усилиями, а это отвечает потребностям подростков, склонным к раздумьям и самоанализу. В этом возрасте очень важно в чем-то утвердиться, обрести себя. Фотография как раз этому способствует. Проявленный и отпечатанный снимок — тут же на месте получаемый результат — вызывает глубокое чувство удовлетворения достигнутым.

Очень важно, чтобы сын чувствовал Вашу поддержку и участие. Приготовьтесь сдерживать свое раздражение и мириться с неудобствами, связанными с фотографическими делами сына. Как не пойти на уступки, если это для него интересно, если все это способствует его духовному росту?

Конечно, фотодело само по себе требует немалых затрат: нужно оплачивать химикаты и бумагу; со временем появляется потребность в более совершенном фотоаппарате и удобном увеличителе, в книгах по фотографии. Поэтому, поощряя усилия сына, не обольщайтесь насчет того, что он начнет много зарабатывать на продаже фотографий и окупит расходы. Со своей стороны не отказывайте ему в материальной поддержке. Приготовьтесь время от времени ссужать его небольшой суммой на приобретение необходимых «орудий производства».

Помните, многое зависит от того, какие цели ставит перед собой фотограф, на что он ориентируется. Фотография, — с одной стороны, ремесло в хорошем смысле слова, когда от человека требуется владение определенными навыками и умениями, доведенными почти до автоматизма. И в то же время фотография — это искусство, которое содержит в себе новизну, неповторимость, творчество. Настоящая фотография развивает эстетическое чувство, формирует художественный вкус.

Подростковый возраст, который педагоги связывают с борьбой ребенка за собственную самостоятельность и независимость, знаменателен более всего тем, что все оценки взрослых подвергаются сомнению (увы, мы, взрослые, даем немало поводов к этому). Трагедия для взрослых и



стать подлинно самостоятельной и независимой личностью (человек наживы — всегда жертва своей страсти, раб обстоятельств). Прочно усвоенные нравственные принципы, совесть мальчика

дать качественные снимки, — справедливы и обоснованны. Но вот угрозу отлучить от фотографии «проводить в жизнь» не стоит. Напротив, надо всячески поощрять увлечение мальчика фотоделом.

режимом, сознательно подчиняясь которому, человек должен основательно и последовательно планировать свои действия и распределять усилия.

Во время работы «в фото-

трудность для подростка заключаются в том, что мы всеми силами отстаиваем не только право распоряжаться жизнью и поведением ребенка, но и пытаемся отстоять правомерность своих мало-подвижных оценок и принципов. А подросток настаивает на преимуществе своих взглядов и праве опираться на свои оценки, а не на опыт взрослых. Может быть, потому в подростковом возрасте столь популярны образцы массовой культуры, что они наглядны, легки для восприятия, стандартизированы. Учитывая спрос, мальчик распространяет фотографии культуристов, каратистов — продукцию на потребу дня. Возможно, Вы это не одобряете. Но опять же пускать в ход запрет не стоит. В этой связи было бы очень кстати познакомить сына с человеком, который мог бы заинтересованно и квалифицированно оценить его фотографии не только по исполнению (ракурс, качество печати), но и высказаться по поводу нравственной позиции человека, который тиражирует культ силы. Ведь тот же культ силы прекрасно уживается с нищетой духа, которую еще Авиценна называл худшим видом нищеты.

Повысить профессиональный уровень и художественный вкус, безусловно, помогут занятия в фотостудии или фотоклубе, куда стоит направить мальчика. Наверняка в городе, где Вы живете, устраивают фотовыставки. Посещая их (неплохо, если Вы составите сыну компанию), мальчик расширит свой кругозор, познакомится с фотолюбителями. Благотворное влияние увлеченных, преданных фотоискусству людей способно пересилить поклонение примитивной стандартной культуре, которая так привлекает подростков.

И еще. Старайтесь направить сына на путь совершенствования своих возможностей. Можно отработать технику, можно овладеть новыми приемами. В фотографии есть немало интересных ответвлений: искусство пейзажа, портрета, сюжета, искусство цвета, коллажа и так далее. В каждом направлении есть мастера мирового класса и у нас и за рубежом. Достаточно вспомнить работы Картье-Брессона, Ахломова, Бальтерманца, Пескова, которые широко публикуются во многих изданиях. Обратите на них внимание сына. А почему бы вам не увлечь сына созданием

«семейной хроники в лицах»? Фотографии родных и знакомых, запечатленные им, создадут своего рода семейный музей.

Стало модным ссылаться на то, что, дескать, на Западе даже дети миллионеров не гнушаются при случае подрабатывать на собственные расходы и родители им в этом не мешают. У нас тоже наконец-то стали изыскивать для подростков возможности подрабатывать, поскольку усилия школы приобщить детей к производительному труду без оплаты лишь навредили истинно трудовому воспитанию. Но, решая задачу подготовки детей к трудовой жизни, нельзя сводить проблему «дети и деньги» только к материальной заинтересованности, к чисто деловым отношениям, в которых «золотой телец» становится единственным мерилем человеческих отношений.

К. ОСНИЦКИЙ,
кандидат психологических наук

ситуация

А ей семнадцать лет...

Когда это произошло? Когда стала замечать, как «тает» моя губная помада? Или когда дочь стала чаще вертеться перед зеркалом?

Я давно знаю телефонные голоса всех ее друзей по школе, поэтому незнакомое «здравствуйте!» застало врасплох. Как быть? Безумно хотелось расспросить, растормошить. Хорошо, что в тот момент дочери не было дома. Она — домоседка, погулять не выгонишь, а тут из школы вернулась в пять часов — и это в субботу-то! Отказалась обедать, разговаривать, затихла в комнате!

Теперь к телефону подходит только сама. Стараюсь не вслушиваться, но отдельные слова подтверждают догадку: ОН. Разговоры тянутся по 30—40 минут — вечность! И однажды меня осенило: а не сходят ли они вместе в хозяйственный магазин?

Как все легко решается у молодежи! Уже через двадцать минут с порозовевшими щеками, высоко заколотым хвостиком, она выбежала из дому.

Я выскочила на лоджию. Кто же ждет мою дочь? Вот

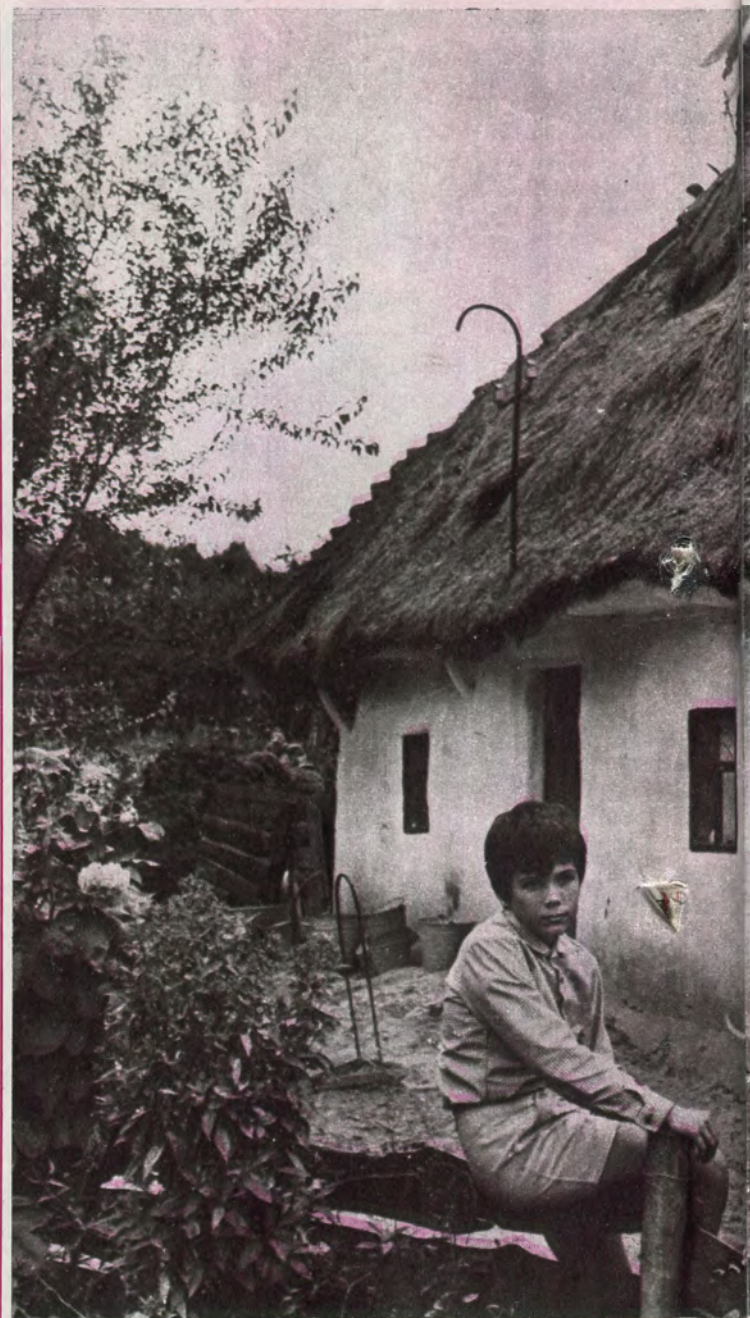
тот, в черной рубашке, или рядом с ним — в помятых брюках? Уж не этот ли с собакой?

...А напротив шагал жираф. Ноги до плеч, короткие светлые волосы, — по возрасту — около двадцати пяти. Что он

Что делать? Кто поможет?

Татьяна явилась через три часа. Магазины были давно закрыты. Ужин остыл. Тихонько открыла дверь своим ключом, разделась, поставила на место (!) туфли...

Только не ругаться! Надо



все время смотрит вверх?

И тут — через дорогу, прямо к нему (!!) летела моя Танька! Он замер, улыбка — в пол-лица, вот-вот упадет от радости. Они быстро удалялись — моя дочь и ее длинный спутник.

Еле расцепила затекшие пальцы. Все! Он же почти вдвое старше! Как быть?

успокоиться. Кажется, начинаю чувствовать, где находится сердце.

И началось! Каждый день (часы не проверяй!) в 18.00 — звонок. А потом до девяти вечера — тишина дома такая, что слышно, как звенит посуда в серванте от моих шагов по комнате. Вы говорите, передачи интересные по теле-

визору были? Не знаю. Долгое время никак не могла привыкнуть, что дочь где-то гуляет. И с кем? Всякий раз выскакивала провожать на лоджию; но ребята убегали другой дорогой.

...Но однажды часы остано-

Опять звонок — Ритуля обязательно должна первой узнать результаты этих «переговоров». Новый звонок — Димка, как всегда, не знает домашних заданий.

Телефон заработал снова около девяти. Говорила моя

Слава». — «Что случилось?» — «Да на работе полез проводку исправлять, током ударило. Проводом ударило по лицу, он упал. В больницу увезли, вот и звонил...»

В тот вечер мы долго разговаривали. Решили, что на

месяц ему исполняется 26. Что подарить? Татьяна — школьница, сама еще не зарабатывает, поэтому покупать дорогой подарок неуместно. Да и вообще мы стараемся обходиться без покупных подарков.

Дочь попросила пять рублей. Потом несколько вечеров пытала — «Не смотри!» Даже на прогулки не осталось времени. Выучит уроки — и за дело. Еще в младших классах освоили девчонки принципы вязания макраме. Дома у нас висит несколько забавных зверюшек из ярких ниток. Наконец: «Мама, закрой глаза!» Передо мной — красно-бело-голубой человечек, огромный, веселый и добрый, в смешном синем берете и больших ботинках. Он «прожил» в моей комнате всего одну неделю, до выходного.

Если честно признаться, я очень боялась отпускать дочь на день рождения ее друга. Что у него за дом? Что за приятели у этого вполне взрослого Славы?

Таня вернулась домой около шести. Оказалось, они были вдвоем, посетили кафе, угощались мороженым.

Нормально ли все это? Ведь семнадцать и двадцать шесть лет. И интересы, и взгляды на жизнь должны быть совершенно разными. Что у них общего? Зачем такому взрослому человеку школьница? Долго ли до беды...

Как-то не заметила, что уже несколько вечеров Таня дома. Мне опять спокойно, привычно, тепло. Оказалось: поспорились. Она обиделась. Спрашиваю, что же случилось? В ответ — такие горькие и обидные слезы: «Он разговаривает со мной, как с ребенком! Он, он... поставил меня на кромку тротуара и вел за ручку! Он поднял меня на руки и вынес из автобуса!!!» Слезы-горошины сыпались и сыпались. Я растерялась. Где-то в душе моей прыгала радость (может, отстанет?!), но и плачущую дочь было жалко. Как могла объяснить ей ситуацию. Она поняла, успокоилась.

И снова — звонки, долгие тихие разговоры по телефону, а потом ликующее: «Я пойду гулять? Уроки все выучила!»

Наверное, нельзя запрещать.

А разрешать?

В. НОВОЖИЛОВА
г. Горький

вились. Из предварительного разговора я знала, что молодые люди собирались в кино. А звонка не было. Погрустневшая Танька бесконечно хлопала холодильником, крошила хлеб, бесцельно слонялась по комнатам. Около семи — звонок. Чувствую — говорит Галка, с которой они недавно поспорились в школе.

подруга. В одиннадцатом часу вечера телефонный звонок показался особенно резким. Стало не по себе. Тихий голос попросил позвать Танюшу. Она долго молчала, слушала, не перебивая. Положив трубку, вошла ко мне, села в ноги: «Мама, ты не ругайся, что он так поздно позвонил. Он в больнице». — «Кто?» — «Да

следующий день после школы она сходит в больницу. Самостоятельно напекла домашнего печенья, взяла яблок. Все это как-то сблизило нас. Мы стали больше общаться. Таня рассказывала, что услышала от Славы, чем он интересуется, как идет его выздоровление.

И — снова загадка. Через





ЗАБЫТЫЕ

Над этим текстом, как и над несколькими последующими стоит рубрика «Забытые». О чем и о ком речь?

«За столом никто у нас не лишний, по заслугам каждый награжден» — помните эту песню? О заслугах говорить не будем но, скажем, пятирублевое пособие, которое мать получает на ребенка — это помощь или награда?

Или нечто третье, для чего нелегко подобрать подходящее название? Облики забытости, заброшенности, социального отщепенства — различны. Мы начинаем с рассказа о детях, которые от рождения — без родителей.

Да, они не остаются без заботы.

Но — и об этом дальше рассказывает О. Кондратьева — забота эта (какая-никакая, но она — есть) кончается за порогом детского дома.

Здесь общество слишком рано забывает о своей ответственности.

Зато мы, увы, не скупимся на заботы запоздалые.

Сколько сегодня разговоров о детской преступности, сколько решительных мер предлагается, сколько комитетов создается...

А ведь думать надо раньше: сегодняшние малолетние преступники, они — из тех давних питомцев домов ребенка, из позавчерашних детсадников, у которых одно было воспитание, что на них не орал; из вчерашних школьников, на которых педагоги махнули рукой — ленивой рукой.

И очерк В. Чередниченко, заметки А. Цукермана, хоть над нами и нет рубрики — «Забытые» — о них же.

А как же нам действовать? Давайте решать сообща.

И — немедленно: ведь мы уже у края... А то и — над обрывом.

МЫ НЕ ЖАЛЦЕЕМ ДЕТЕЙ!

(Репортаж из Дома ребенка)

Это — дом для маленьких детей. Для очень маленьких, от нескольких месяцев — до трех лет. Малышковый дом...

От большинства малышей — отказались родители. Большинство детей в 22-м московском Доме ребенка — с врожденными патологиями. «И сами родители от них отказываются, — негодует врач Елена Григорьевна, — что за время такое пошло, — а врачи им в этом, «помогают»!»

Здесь есть группы «органиков» — заходить в них жутковато: дети-микроцефалы, с крохотной «безмозглой» головкой («маленькие они трогательные, беспомощные, — говорит Елена Григорьевна, — а вырастают — злобные, жестокие, держат их в семье, действительно, нелзя»). Обложенная подушками Машенька — «не жилец, — еле тянем ее», объясняет врач. Машенька реагирует на голос: расплывается в улыбке. У нее — длиннющие ресницы и миндалевидные глаза. Гидроцефалы — почему-то все светленькие, редковолосые, — может, такими и положено быть... Даунячья группа — сонное царство, малыши спят на веранде, в спальных мешках. А один еще топчется в кроватке. В цивилизованном мире, информирует нас Елена Григорьевна, на болезнь Дауна маму исследуют на ранних сроках беременности, и по одной клетке определяют хромосомные изменения. И — нет несчастья для родителей, нет муки для детей... У нас даунов — в избытке.

«Нормальные» группы — те, где дети психически сохранены. У «годовничков» весело, оживленно. Десять человек, и каждый чем-то занят: убаюкивает куклу: положил ее себе на колени, раскачивается и тянет «а-а!» — потешно. Кто-то тянется за мячом, а мяч — огромный, скользкий — не дается. Кудрявенький мальчонка недовольно орет: не хочет переодеваться, косит глазом на игрушки... Но не вырывается: дети здесь не своевольные, приученные к дисциплине, — не домашние. И на первый взгляд, без всяких уродств, обыкновенные. Почему от них отказались?

— Лена, — поднимает с пола плотную, увесистую девочку Елена Григорьевна, — с деформированной ручкой... Но ведь до чего ж хороша девка, а?

Да, не повезло Лене с ручкой: вместо пальцев — искривленные то ли обрубки, то ли культики. Но мордашка... Не приютская девочка, кинозвезда эта Лена: огромные, сверкающие, — правда, как звезды! — синюющие глаза, густые каштановые волосы, кудри, взгляд прямой, открытый, взрослый. Удивительно разумная девочка. «Дядя!» — кричит она внезапно, и голос у нее тоже под стать: громкий голос, требовательный. И — ловко хватает изувеченной ручкой куклу.

«Неужели только из-за этого от нее отказались?» — как-то с трудом укладывается такая мысль в голове. Замечательный же ребенок!

«Да, — подтверждает Елена Григорьевна, — папа наотрез отказался: не хочу урода! Мама, звонили мы ей, уговаривали, — стала навещать...»

А Витя — беленький, тихий, как мышенок. Испытующе смотрит — и идет-таки на руки, прижался щечкой к плечу и замер. «Ленка-то его обижает, — говорит воспитательница, — игрушки отнимает. Маленькая, а чувствует: сдачи не даст...»

Ну, у Вити вообще — никаких изъянов, ровненький, складный малыш. Он что — тоже с патологией поступил? «Ох, да все они к нам с патологиями поступают, — вздыхает Елена Григорьевна, — нормальный-то никто не приходит... Лечим их, заботимся, — вот и выправляются...»

А как все-таки их родители, — неужели можно оставить именно такого, а именно больного, беспомощного ребенка, — безо всякой надежды на то, что его кто-то когда-то усыновит, что у него, хоть в принципе, будет нормальный дом, семья? Ведь не секрет, что будущее в нашей стране у таких детей — самое печальное. Такой Дом ребенка, где детишек, действительно, холят и нежат, — отнюдь не показатель для нашей системы социального призреия,

скорее, исключение... Из этих — ласковых — рук они разойдутся по инвалидным, по детдомам, и уготовано им, в лучшем случае, стать неквалифицированной рабочей силой, в худшем — тяжелым калекам — просуществовать безрадостную жизнь в замкнутом пространстве, без сердечного призора, без минимального тепла...

А что ждет здоровых, но — об этой проблеме у нас долго не принято было говорить — цветных малышей, бездумно рожденных, за ненадобностью отброшенных своими родителями? Кем они станут при имеющемся в нашем обществе — и на это надо смотреть открытыми глазами — крайне низком уровне культуры национальных отношений? Изгоями? Даже домашнему — с заботливыми, опекающими его родителями — ребенку с иным цветом кожи жилось ой как нелегко! А — беззащитному?

Как, интересно, избавить от грядущих издевательств, унижений Маечку? Переправить в Африку багажом? Ведь таких детей редко усыновляют — при полном здоровье...

«Да, мать полностью самоустранилась от какого-либо участия в судьбе ребенка, — констатирует Елена Григорьевна, — и я считаю, что это неправильно! Даже в случаях крайней патологии, когда, действительно, невозможно содержать ребенка дома — он, скажем, инвалид, требует постоянного ухода, а мать вынуждена работать, — ну почему бы ей не навещать его в субботу, в воскресенье? Да к тому же «дауненку» прийти — ноготочки ему обстричь, погулять, просто приласкать? Свой же ребенок!»

Странная вещь... И в родительский инстинкт, что ли, проникла потребительская психология? Хороший товар — беру, плохой или «так себе», не нравится — не беру? Ну, в магазине это понятно, но чтоб так же относиться к ребенку? «Он косой, мне не нравится!», «Мальчик, у нас мальчики уже есть — мы хотели девочку...» — такие рассуждения — что, норма или пато-

логия? А если все же патология — почему она так расплодилось в обществе?

Общество занялось сейчас благотворительностью. А может, и не понадобились бы такие широкомасштабные усилия, если бы каждый исполнял простейшие человеческие обязанности (грустно, что о них приходится напоминать...) по отношению к своим близким, к старикам, к несмышляным? Может быть, обществу не придется вытаскивать самое себя из пропасти, если оно обеспечит изначальные условия для человека — чтоб он мог оставаться человеком; чтобы мать не отказывалась от ребенка оттого только, что ей некуда его принести — в прямом, грубом смысле; чтобы инвалид не становился непосильной обузой — смешно ведь говорить о том, что можно прожить на тридцатипятирублевое пособие!

Думается, именно социальная незащищенность, лишенность «простого советского человека» необходимых для человеческого существования материальных — не то что благ, примитивнейших условий, — приводят к обыденной, будничной, ставшей привычным состоянием для большинства, ожесточенности, которая, накапливаясь, образует отравленную атмосферу; и все мы ею дышим. И прорывается в самых неожиданных местах: «Он косой, мне не нравится! Не возьму урода!» Нет, в нормальном обществе, в здоровой среде такая мысль не возникает...

Как ни странно, зловещую — иначе не скажешь — роль играют в процессе разрыва естественных связей между матерью и ребенком врачи.

Вот что рассказывает Елена Григорьевна.

История первая, со счастливым концом. Игоря Т. привезли в Дом ребенка девяти-месячным. У него были укороченные ручки, ножки, деформированные пальцы, косоглазие, не поднималось веко... Не красавец. Да еще ослабленный, отстающий в развитии — в больнице с ним общаются некому, лежат в своих кроватках, хорошо, если покормят — бывает, что рукой махнут: не ест, значит, не голодный! Но взгляд — живой, осмысленный... Через полгода мальчишка пошел, заговорил. Разыскали его мать. Звоню, рассказываю, говорю: из Дома ребенка вас беспокоят, у нас воспитывается ваш сын... В трубке — гробовое молчание. Прошу: мы не уговариваем его забирать, но хотеть приходить вы к сыну можете? Он же разумный мальчик, через какое-то время поймет, что он — сирота... Наконец голос прорезался: какой, спрашивает, ваш адрес? Двух часов не прошло — я звонила в час, а это около трех было, — вижу в окно: бежит женщина, за ней мужчина, следом девочка, а за ними и старушка. Привели мы их к мальчику, они все рыдают, персонал плачет, — такое вот было...

И что ж выяснилось? Мать Игоря неделю в роддоме проуговаривали (она все никак согласиться не могла): откажитесь! Он у вас — совершенный идиот, все равно долго не протянет, откажитесь!

Мой звонок для них был, что гром с ясного неба: они уж его похоронили...

А сейчас — счастливы, звонят, навещают. Игорек недавно по телефону со мной разговаривал, не забыл меня...

История вторая. Самая романтическая.

Доставили девочку — с башенным черепом, поперечной бороздой, седловидным носом, — ну, словом, тоже — набор. С сопроводительной: некурабельный ребенок. Мы как глянули — девка стреляет глазами в 6 месяцев за игрушкой тянется... Развивалась нормально, тоже вроде Ленки — такая непоседа, такая забияка оказалась! Я — давай звонить родителям! Звоню-звоню с месяц, — никто не подходит! И, наверно, это судьба: дай, думаю, позвоню последний раз, это уж под Новый год было, — берут трубку! Бабушка, потом выяснилось. «Я, — говорю, — по поводу вашей Оленьки». А она: «А что с моей Оленькой?» — «Вашей, — объясняю, — внучки Оленьки!» — Мертвая пауза. А у нее, оказалось, дочь Ольга и внучка — Оленька, совпадение... И вдруг — крик: «Какая внучка! Она же умерла!»

Так мало того, что мать застрашала, у вас, сказали, родилась маленькая обезьянка! Будет глубокой идиоткой — если, конечно, выживет, — вынудили отказаться, — так еще и бабушка, когда все-таки не выдержала, справлялась через месяц, объявили: умерла ваша девочка! А? Тоже счастливый конец — у второй истории: взяли девочку домой, все счастливо.

И есть еще истории — и третья, и четвертая... — врачи в этом Доме ребенка изо всех сил стараются обеспечить своим питомцам возвращение в родную семью.

То есть стараются исправить сотворенное ранее зло. Неужели мало родителей, самостоятельно, по своей воле отказывающихся от своего ребенка, чтобы умножать их число еще и уговорами? А в роддомах, когда ребенок появился на свет с внешними уродствами, такие уговоры стали правилом. Физические недостатки так пугают роддомовских микропедиатров, что они приписывают несчастным детям и другие расстройства. Убеждают матерей, что малыш неизбежно будет идиотом, психически неполноценным человеком, обузой, хомутом на шее... И мать, потрясенная свалившимся на нее горем, признает такие доводы справедливыми: а что, скажите, остается делать человеку, которого уверяет специалист, врач?

Необязательно, впрочем, и наличие внешних уродств. Достаточно, чтобы ребенок родился недоношенным, или с темором, или орет, не замолкая, — гиперактивным, — чтобы его объявили тоже психически неполноценным, поврежденным в уме.

Как, спросите? Почему — признаки разные, а обвинения — одни? И о каком, строго говоря, уме, какой психике можно говорить, не видя ребенка в развитии?

Ну не понравился малыш, страшненький, — что ж он, сразу и дурак? Строго говоря, именно так и получается. Все диагнозы определяются в роддомах — «на глазок». И отговаривают родителей, в общем-то, не из зловредных каких, из гуманных целей: зачем-де вам с таким заморышем, страхолюдком, задохликом мучиться? Они сочувствуют родителям, но не жалеют детей. Вот и рассылаются ежедневно из роддомов в больницы увечные маленькие комочки, не знающие, что в житейских расчетах взрослых людей они всегда лишь товар: «хороший — беру, плохой — не беру»...



ВОЗВ

Ж. БЫКОВА



Фото И. Тимошенко

ПРАВЛЕНИЕ К СЕМЬЕ

...Мы идем с Галиной Евгеньевной Беликовой в Дом ребенка № 22. Проваливаясь по колено в снег, пробираемся к входу. И через пять часов — след в след — возвращаемся назад; никто нашего маршрута не повторил, никто не пожаловал ни к одному из восьмидесяти обитателей Дома...

Виновата: одна бабуля была, суежилась вокруг неизлечимо больного внука. Надеж-

ды на выздоровление никакой, но есть хоть возможность помочь и ему, и обслуживающему персоналу. И сразу стала рассказывать нам, как благодарна врачам, что пускают к внуку, потому что в том, другом Доме, она этого была лишена — там боялись инфекции.

Пока ходили по этажам, знакомились с детшками, увидели, как принимали новенького: принесла молодая, но уже многодетная мама. Она тихо, так, горько плакала, а персонал вполне по-бабьи ее утешал:

— Не бойся, досмотрим, выходим, а уладится у тебя всё — и заберешь. Не на век ведь расстанешься...

Только малыш ничего не понимал: пока его торможили-переодевали, он тарашил глаза.

Быть может, — и даже наверняка, — окружающие воспринимали эту сцену без особых переживаний. Мне же сразу стало не по себе: не могу спокойно смотреть, как разлучаются мать и дитя. У меня это — точно знаю — еще с войны.

С той, большой войны — вон сколько прошло... А бед столько, словно она не прерывалась. И говорим мы о возрождении, о спасении — народа, общества, страны. И много спорим, с чего начнется наше возрождение — с культуры, экономики, политики? Уверена: с создания нравственных и материальных предпосылок для восстановления родственных связей и самой главной из них — между матерью и ребенком.

С ходу, конечно, никаких выводов не сделаешь; кто и по каким причинам пользуется правом оставлять своего ребенка на попечение государства? Да это и не вошло в нашу задачу. Но есть категория детей, как вы узнали из заметок Г. Беликовой, которые оказались в Домах ребенка с благополучия и даже по настоянию врачей родильных домов. Вот о них я и завожу разговор на встрече в Центральном институте травматологии и ортопедии.

— Ходила я по Дому ребенка, очень хорошему, чистому, такому домашнему и, честное слово, если бы не годы, взяла бы малыша, и не самого здорового. Даже знаю, кого именно. Когда сказала Елена Григорьевна, что к нему вернулась мама («Еще как ходит, ежедневно, как помогает, как ухаживает!»), то к радости за него примешалось какое-то чувство утраты...

Неквалифицированные, чудовищные советы и уговоры микропедиатров при нашем убогом дородовом диагностировании — это ведь только часть проблемы. В Доме полно здоровеньких деток. Вот Елена Григорьевна и предлагает дать законную возможность передоверять своих детей государству только тем мамам, которые имели несчастье родить ребенка с глубокой умственной отсталостью. Остальным — если дома нет подходящих условий для лечения.

— Все не так просто, — не соглашается со мной Татьяна Михайловна Андреева, невропатолог, наш давний автор. — «Безмозглых» и злобных — в Дом ребенка, а интеллектуальных — домой? А кто может дать гарантию, что дауночек не вырастет злобным и опасным для окружающих, если даже дебил способен совершить убийство, и не из злобных побуждений, а просто так, по неспособности осмыслить ценность человеческой жизни. Ведь один из них на

вопрос следователя: «Зачем ты это сделал?» ответил же: «Я больше не буду».

Да, вы правы: у нас нет закона или законов, защищающих права ребенка. Есть конституционно закрепленная обязанность родителей заботиться о воспитании детей. (Видимо, забота о здоровье входит в понятие «воспитание».) Если судить по уровню детского здоровья (где-то на пятидесятом месте в мире) и угрожающему росту преступности, эта статья явно не работает. Но я не берусь утверждать, и никто, наверное, не возьмется, что все родители злостно уклоняются от выполнения своих конституционных обязанностей. Есть родители и родители. Вот и вы, беседуя с работниками Дома ребенка, почувствовали, что обманутыми «советами» микропедиатров чаще оказываются матери из распавшихся или распадающихся семей. Можно «придавить» их законом? Можно. Но на какое существование мы их обречем? Не увеличим ли страдания ребенка? Выход мне все-таки видится в улучшении жизни семьи, которое приведет и к потеплению нравов. Законы о защите прав ребенка безусловно нужны, но выполнение их зависит от социальной климата в стране, от гражданской зрелости общества.

— Татьяна Михайловна, существует ли документ, которым в роддоме руководствуются, определяя полноценность или неполноценность ребенка?

— Думаю, что есть инструкция, которую можно толковать и так, и эдак. Но беда в том, что врачи и не заинтересованы в точности диагноза. Как никто не удосужился подсчитать, что выгодней и дешевле государству: платить ли пенсию матерям инвалидов с детства (конечно, не ту мифическую, на которую невозможно существовать, а реально позволяющую жить достойно) или содержать огромную сеть учреждений соцобеспечения, которые тоже влезают в копеечку. Но они уже функционировать, и чиновник от медицины предпочитает «нажать» на мамочку и сослать младенца в Дом ребенка.

И еще: почему мама должна писать заявление об отказе от ребенка в роддоме? Это далеко не лучшее место для принятия серьезного решения. Почему она не может ограничиться согласием на лечение, оставив за собой право на ребенка? У ней было бы время подумать, а у врачей — уточнить диагноз. И даже если пороки так очевидны, что уточнения диагноза не требуется, почему надо так настаивать на отказе, как это делают врачи роддомов? Скольких великих людей не досчиталось бы человечество, если бы их родители не проявили доброту и милосердие?! За нас в большинстве случаев решает наша бедность, нищета убивает милосердие.

— Значит, возможен только эволюционный путь с «копорой» на благосостояние и воспитание чувств?

— Конечно. Вот вам пример из врачебной практики. Я, врач, пришла к больному ребенку. Он крошечный, и для него пневмония чревата всякими внезапными ухудшениями, справиться с которыми можно только в больничных условиях, где есть необходимая аппаратура. Но молодая мама наотрез отказывается от госпитализации. Это ее законное право. Я могу только объяснять и уговаривать, а она — понимать (это во многом зависит от ее меди-

цинской осведомленности) и соглашаться, если в ней развито чувство ответственности за жизнь другого человека. Эта мамочка сопротивляется — она против больницы, обстановки, ее не оставят на ночь возле ребенка... Она может назвать сто причин, резонных при менее тяжелом состоянии ребенка. Оставив рецепты и предписания, я ухожу. На следующий день положение еще отчаянней. Уговоры в два голоса (с заведующим отделением) результатов не приносят. Если ребенок умрет, как вы думаете, кто будет отвечать по закону? Врач. Потому что не сумел убедить. Вот если бы ему дано было право принудительной госпитализации по витальным показаниям, беда бы не произошло. Но у нас принудительно можно лечить только алкоголиков, если это можно назвать лечением, и психических больных. Сколько бед это законное «право» отправляет в психушки принесло, мы только теперь узнали. Так панацея ли закон?

— Не только согласна с Татьяной Михайловной, — вступает в беседу Людмила Константиновна Михайлова, заведующая детской поликлиникой ЦИТО и инициатор всего этого разговора, — но хочу привести в подтверждение несколько примеров из близкой мне области — ортопедии. Сегодня по количеству больных это недуг вышел на первое место: у двух третей выпускников школ нарушения опорно-двигательного аппарата. Что может быть ужасней — косолапое общество! Отношение к этим отклонениям и к их лечению очень хорошо подтверждает мысль Татьяны Михайловны о том, что наша беда не в отсутствии законов, а в нашем одиночии.

Ортопедические нарушения, кстати сказать, генетически предопределенные, могут остаться предрасположением, а могут дать клиническое проявление и даже сделать человека инвалидом.

Как к этому относятся родители? По-разному. Хотя знают, что детей надо приводить в порядок в медицинские отведенные сроки, иначе неизбежны болезненные состояния, ограничения в выборе профессии и прочие неприятности.

Но у нее, у мамочки, еще один ребенок, нелады с мужем, нет помощи от бабушек-дедушек. А чтобы делать с ребенком корригирующие упражнения, возить в бассейны, покупать ортопедическую обувь, нужны время, деньги и насущная потребность в том, чтобы вырастить его здоровым.

А в наших житейских обстоятельствах это зачастую своего рода подвиг. Но вправе ли мы требовать от человека подвига? Нет, мы, общество, обязаны создать нормальные условия для лечения! Обязаны, но не создаем.

Врачи тоже относятся к своим обязанностям по-разному. И у них на то свои причины: не хватает мест в стационарах и санаториях, в поликлинике плохое оборудование; о детском протезировании умолчу. Сейчас взрослые — «афганцы» — поведать миру, каково им ходить в наших «испанских сапогах».

Врач может работать, не жалея ни себя, ни своего времени. Но можем ли мы требовать подвижничества от каждого врача? А вот создать нормальные условия работы для каждого врача — должны. Но в эпоху тотального дефицита всего на всех не хватает. И начинает врач из двух зол выбирать

меньшее: в первую очередь помогает самым тяжелым больным. Но когда очередь доходит до легких, они уже стали тяжелыми. А ведь основа лечения — профилактика! Убедили мы вас в том, что не отсутствие Его Величества Закона всему виной?

— Убедить, пожалуй, убедили, но как трудно расставаться с черно-белой логикой: этого обвинить, этого защитить, обязать, заставить. Так привычнее.

— Ну давайте тогда еще раз обратимся к семье, — предлагает Татьяна Михайловна. — Я согласна с Роланом Быковым, что теперь уже нужны законы, защищающие детей от родителей. Но право, слабо представляю, как можно вторгнуться в интимный мир семейных отношений с любовью регламентацией. Как, например, можно отменить то, что не вводилось со времен Домостроя, но тем не менее практикуется. Я говорю о битье. Человек же убежден: «Это ребенок мой, а слов он не понимает». Или такой вариант: «Мой ребенок, хочу — лечу, хочу — не лечу».

Откажись мама учить ребенка — у нас Закон о всеобщем обучении. И на этом основании ее заставят отдать ребенка в школу. А здоровье — это так, для лозунгов. Тут спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Или вот такой пример. Я как-то прочитала в газете не статью — крик души педиатра одной из окраинных районных поликлиник Москвы. Подопечные ее — в основном лимитичны, много матерей-одиночек. Общение с ними привело ее к такому выводу: десяти процентам этих женщин вообще надо запретить иметь детей: уровень их развития не позволяет доверить им жизнь ребенка. Как врач я ее понимаю. Но запрет на рождение детей — это уже из истории другого государства, всем миром осужденного за это и другие преступления против человечности! А то, что общество должно взять шефство над этими женщинами, если оно всерьез обеспокоено участью детей, это бесспорно.

— Но почему вас не коробит право отказаться от ребенка, данное государством? Это разве гуманно, это не ущемляет его прав?

— А вы газеты читаете? — неожиданно спрашивает Людмила Константиновна. — Я недавно прочитала, что мать в Ленинграде сбросила пятимесячного ребенка с моста на лед. Почему не отдала в Дом ребенка? Как и почему осталась одна в этом глухом и слепом мире? Что ее заставило убить свое в муках рожденное дитя? А если мы откажем в праве отдать ребенка в приют, не увеличим ли число таких несчастий? Мы уже все запретили, что могли. Больше нечего. Мы только теперь начинаем всерьез осознавать, как долго были пасынками, обузой для матери-Родины, которая скупо, по крохам, по остаточному принципу отпускала средства на наши насущные потребности. И самыми обездоленными в этой обстановке одиночества и отчуждения от общечеловеческих ценностей оказались самые маленькие наши граждане. И теперь есть только один путь, о котором вы сказали в начале нашей беседы, — создание материальных и нравственных предпосылок для восстановления родственных связей.

СТАНИСЛАВ
РОМАНОВСКИЙ

СПРАВКА

На исходе августа я поселился в лесном поселке в избе егеря.

Здесь останавливались ягодники, грибники и охотники; былолюдно; и я уходил в лес, чтобы побыть в тишине и собраться с мыслями.

В лесу меня сопровождал Роман — шестилетний сын егеря.

Плотный, с круглыми карими глазами, он как бы невзначай оказывался около меня и громко провозглашал:

— Писатель!

— А имя-то у меня как? — спрашивал я. — Я же тебе только что его называл.

— Я забыл, — признавался Роман. — Назовите имя еще раз. А потом у муравейника спросите. Я сразу отвечу!

Я называл имя-отчество.

Роман, шепча, запоминал его.

Мы подходили к муравейнику. У самой дороги шевелилась его серая богатырская шапка. На ней лежали две белые палочки. Их положил сюда Роман — облизывать с палочек муравьиную кислоту.

У муравейника Роман говорил:

— Что же вы не спрашиваете у меня, как вас зовут?

— Как меня зовут?

— Писатель?

— А имя?

— Вот имя-то я опять забыл.

Справедливости ради Роман, хотя и не мог запомнить мое имя, наизусть помнил лес вокруг поселка — каждое деревцо, каждый пенек и грибную высыпку и домой мог привести с закрытыми глазами, в какую бы даль мы не забредали.

...Утром, после воскресенья, ему идти в детский сад, а он не хочет. Мать угрожает ему и так, и эдак, сулит ему шоколадку за послушание. Роман хнычет и, одеваясь с закрытыми глазами, бормочет:

— Я не хочу в садик!.. Не хочу, и все... Я не пойду в садик...

— Еще чего! — сердится мать и выпроваживает сына на улицу.

Я вижу из окна, как Роман, низко нагнув голову, бредет, словно невольник, еле передавая ногами в резиновых сапогах.

Следом за ним, опустив хвосты, бредут две собаки — Буран и Серый.

Роман начинает бегать и играть с собаками, а они — прыгать вокруг него, пока мать не выйдет на крыльцо и не кричит громким голосом:

— А ну марш в садик!

И Роман, и собаки опрометью бегут по главной улице поселка. Собаки скоро возвращаются; и хозяйка, улыбаясь, говорит мне:

— Пришел. Куда же он денется?

Вечерами Роман приходит в мой закуток и любит смотреть и слушать, как я печатаю на машинке. Он разглядывает напечатанные листки, восхищенно качает головой и говорит:

Ой-эй-эй!

Я знаю, что это восклицание у Романа выражает крайнюю степень удивления или восторга, и спрашиваю:

— Почему «Ой-эй-эй»?

Он отвечает шепотом:

— Потом скажу.

Послушал, не пришли ли родители, тихо ли в доме, не подслушивает ли кто, и попросил полным голосом:

— Станислав Тимофеевич! Напечатайте мне справку, чтобы я не ходил в детский садик.

— Что? — не понял я.

Роман повторил слово в слово:

— Станислав Тимофеевич! Напечатайте мне справку, чтобы я не ходил в детский садик.

Сперва меня удивило, что он отчетливо, без подкаски, выговорил мое имя-отчество. А потом до моего сознания дошел сам смысл просьбы; и он, этот смысл, потряс меня: шестилетний ребенок просит выдать ему охранную грамоту, дарующую свободу!

Да что же с ним там творят, в детском садике?

Роман смотрел на меня с великой надеждой. Я растерялся под его взглядом, опустил глаза и пробормотал:

— Я не имею права выдавать такие справки... К тому же у меня нет никакой печати.

Роман взглянул мне под опущенные веки и сказал:

— А вы все равно напечатайте.

Я помолчал, подумал и спросил:

— Кто у вас директор детского садика?

Роман ответил отчетливо, как бы диктуя каждое слово:

— Валентина Владимировна.

И я напечатал следующее:

«Директору Лесного детского сада Валентине Владимировне

СПРАВКА

Дана настоящая Васильеву Роману Леонидовичу в том, что он никогда не бросит товарища в беде, знает и любит лес, покровительствует муравьям и всему живому и сущему. Он любит своих родителей, и родители любят его.

Просим Вашего разрешения Васильеву Роману Леонидовичу посещать детский сад вплоть до поступления в первый класс начальной школы.

Далее следовали три подписи: отца, матери и моя.

В левом нижнем углу документа я старательно нарисовал круглую печать: в середине Дятел долбит дерево, а по ободу круга слова, которые любила повторять моя первая учительница — Валентина Федоровна:

«Терпение и труд все перетрут».

Печать получилась выразительной, а на беглый взгляд — даже внушительной.

Пришли родители, и я зачитал справку вслух.

Родителям она понравилась.

А Роман разрыдался.

— Что с тобой? — спросил отец и взял сына на руки.

— Не ту справку напечатали! — навзрыд плакал Роман. — Ой, не ту!

— Почему не ту? Вот смотри, здесь твоё имя, отчество и фамилия полностью. Настоящая справка. С печатю. Вот Дятел. Лесной врач. Подлетел к дереву: «Как вас зовут?» — «Сосна Васильевна». — «Которое место у вас болит?» — «Вот это». — «Сильно болит?» — «Очень сильно». — «Лечить будем. Я же доктор». Вот он и лечит — всех личинок удаляет.

Роман слушал, раскрыв рот. Слезы высохли на щеках.

— Сходи-ка умойся, — попросила мать. — Такую справку неумытым не дают.

Роман ушел и долго гремел рукомылником.

...В понедельник утром мать попросила отца:

— Подвез бы ты Романа на тракторе в садик.

— А чего тут подвозить-то? — удивился отец. — Смешно.

Однако трактор завел, и Роман вместе со справкой был торжественно отвезен в садик.

Вернулся он вечером страшно довольный и с порога крикнул:

— Станислав Тимофеевич! Айдайте в лес!

— Погоди, — сказал я. — Ты отдал директору справку?

— Отдал, конечно! Она ее прочитала, хотела мне отдать обратно, да я не взял. Я сказал: «Справка на Ваше имя напечатана». Валентина Владимировна ее в папку положила. Сейчас справка в папке лежит. Айдайте в лес!

Круглое лицо Романа сияло. Шестилетний человек уже напрочь забыл о том, что первоначально он просил выдать ему справку о Свободе.

А я-то не забыл!

Что там происходит, в детском саду? Почему он туда ходит, как невольник?

На другое утро я объявил Роману, что вместе с ним иду в детский сад.

Детский садик — пятистенок с изломанной верандой, черный от дождей, — встретил нас нежилкой тишиной.

В прихожей мы оставили обувь и в одних носках прошли в директорскую. Директора там не было.

А была истопница — Валентина Петровна, жилистая женщина лет пятидесяти, — печку топила.

Мы познакомились, и я спросил:

— Директор будет?

— Не будет директора! Никто не хочет с детьми заниматься! — разгневалась истопница. — Директор нацелилась ехать в город работать аппаратчицей. И воспитательницы не ходят на работу. Тоже нацелились в город. Вот посмотрите — кармашки пустые!

Истопница показала на бумажные кармашки на стене, где должны храниться и обновляться задания для детей.

— Такого еще никогда не было, чтобы малые дети были брошены на произвол судьбы! Я к заврону ездила и все ему рассказывала. А он глупость сказал...

— Какую? — спросил я.

— Прямо говорить неудобно. Ему на пенсию скоро идти. Он сказал: «Мы изучим этот вопрос!» А чего тут изучать-то? Тут все на виду.

Говорила Валентина Петровна громко, и на ее голос в директорскую набились дети. Большею частью худенькие, молчаливые, они со вниманием и уважением слушали истопницу.

По лицам детей я видел, они мало что понимают, но им нравится взрослый разговор и они считают за честь присутствовать при нем.

С особенным любопытством дети поглядывали на меня.

— Свежего человека увидели! Мужчину, — улыбнулась мне истопница и попросила:

— Вы уж расскажите им чего-нибудь! Пожалуйста.

Я чуть-чуть было не отказался, не умею, мол, не приходилось; чуть было не брякнул что-то вроде: «Мы изучим этот вопрос», но взглянул на лица детей и сразу понял, что тут и изучать ничего не надо и уметь ничего не надо, а надо просто побыть с детьми и поговорить с ними.

О чем получится.

— Вы пройдите в залу, — сказала истопница. — Там и побеседуете с ребятами. Зала — бывшая горница в пятистенной избе — была большой комнатой с беленой печью и столиками для еды и игры. Были и игрушки, и книжки, правда, немного.

Я сел на маленький стульчик.

Истопница — на высоком порошке. Дети улеглись на полу вокруг и стали смотреть мне в рот, что я им расскажу.

Я растерялся и довольно долго молчал.

А потом сказал ненатуральным голосом:

— Дети! Слушайте внимательно. Я вам загадаю загадку. Назовите, пожалуйста, еду... или пищу... Ею питались... или питаются... все люди в мире. Нет такого человека во всем мире, который бы не питался этой пищей. Как она называется?

На лицах детей ничего не отразилось. Они молча смотрели мне в рот.

Маленький мальчик с белым лицом подполз ко мне и протянул надкушенный ломтик хлеба.

Я взял хлебушко и спросил малыша:

— Как это называется?

Малыш не ответил.

— Он говорить не умеет — сказал Роман.

— Почему? — растерянно спросил я.

— У него задержка с речью, — подала голос истопница. — Родители пьют без просыпу. Он хоть и в годах, а говорить не умеет еще.

Мне стало не по себе.

Я показал детям хлеб и спросил ненатуральным голосом:

— Дети! Как это называется?

— Хлеб, — довольно дружно ответили они. — Хлебушко...

— Правильно! Молодцы! — похвалил я. — Только отгадка неправильная. Загадка-то какая? Назовите пищу, которой питаются все люди в мире. А хлебом не все питаются. Например, эскимосы живут во льдах. Там рожь или пшеница не растет. И хлеба они в глаза не видели...

Я объяснял им загадку и чувствовал, что дети совершенно не понимают меня. Они покинуты и директрисой, и воспитательницами, которые бегут от них сломя голову в большие города...

Оставлены они и районным начальством, шестидесятилетним заведующим роно. А ведь он мог бы оправдать всю шестидесятилетнюю жизнь, если бы обиходил хотя бы один вот этот детский садик...

Пока я подыскивал новую загадку попроще, с пола встала большелобая девочка и, картавя, сказала:

— Пища, которой питаются все люди, это молоко мамы.

— Правильно! — воскликнул я, потрясенный. — Пять с плюсом... Нет, с тремя плюсами!

В это время в зале объявилась огромная серая крыса. Дети гонялись за ней, швыряя в нее чем ни попадя, конечно же, не попадали и возбужденно визжали. А крыса вспрыгнула на стол и, сбивая игрушки, скользнула с него в дыру за печью...

А дети все визжали, бегали, прыгали!

Тут я сообразил, что мне самое время сыграть с ними в «ловушки» или в догонялки, как зовут эту извечную игру теперь. Вот ее они приняли сразу! Дети без усталости гонялись за мной, а потом я за ними; и столько радости было в этой игре!

Когда я выдохся, они всем садиком вцепились мне в ноги и побуждали бегать еще, хотя у самих бежать тоже не было сил.

Мы все вместе посидели на полу, отдыхали и дети затеяли кучу-малу.

Куча-мала росла; а потом мы стали играть в прятки. Детям страшно нравилось, что найти меня было несложно, а я их искал долго-долго — взаправду и понарошку.

Потом мы с Валентиной Петровной читали им сказки Пушкина.

Уйти из садика было совершенно невозможно; и я пробыл здесь до вечера. Стемнело. Истопница зажгла свечу.

— Свет никак не наладят, — сказала она. — Проводка обветшала. Током овцу убило. Вот уж детки-то поревели, так поревели! Экое урево. Насилу их уняла.

После посещения детсада я страшно устал и дал себе слово больше не бывать в нем никогда.

«Какой толк от моих визитов?

Никакого.

Наверное, был бы толк, если бы я постоянно, всю жизнь, бывал здесь.

А так — наскок, налет, порыв, ахи, охи...

Детей только расстраивать, да и себя тоже.

И все-таки...

Все-таки на другое утро опять вместе с Романом, по его просьбе, я пошел в детский садик.

Откровенно говоря, это была не просьба, а напоминание однокашнику:

— Садик не проспи.

И я не проспал.

Я стал ходить в садик сперва как на поденную работу, а потом — по душевной потребности. Я научился понимать разговор лесных детей; и он перестал мне казаться рычащим, зверушечным и обрел человеческое звучание.

А дети из неразличимой массы стали людьми значительными.

У каждого — свой характер, свои способности и страсти.

Каждый интересен — по отдельности и все вместе тоже.

И о каждом, без исключения, ничего не выдумывая, можно написать отдельную увлекательную повесть.

Изредка я встречался с директором садика и штатной воспитательницей; но внутренне они давно были за тридевять земель, в больших голубых городах; и эти люди были мне не интересны.

Да и ребятам тоже.

...Может быть, большого проку от моих хождений в детский сад и не было.

Но малый прок, думаю, был.

Кое-чему, скажем, новым играм и загадкам, я научил ребят. А они научили меня видеть в любом ребенке — Человека.

Не карапузика, не кукленка, не человечка, а — Человека.

Самая же реальная польза от меня, пожалуй, была вот такая. Да и то не от меня одного. Мы с Романом поймали в лесу диковатого, желтого, невероятно сильного кота, завернули его в мою штормовку и в ночь под воскресенье заперли в детском саду. Что там было, можно только догадываться. Кот передумал всех крыс и при первой же возможности удрал обратно в лес.

Марийская АССР



Алчарский
почерк

ОЛЬГА КОНДРАТЬЕВА

АУ, ЛЮДИ!

Нас не испугаешь цифрой, отражающей рост числа детей в детдомах. Эта цифра — стыд и позор любой цивилизованной страны, да и не очень цивилизованной — тоже. Но дело не только в ее величине и даже не в том, что более половины обитателей детдомов — сироты при живых родителях. Кое-кому из них — об этом свидетельствуют письма в редакции газет и журналов — лучше в интернате, чем в пьяной и скандальной семье. И наше не очень богатое государство отпускает в год на содержание ребенка в детдоме больше, чем приходится в иных семьях. И еще не перевелись добрые, понимающие воспитатели, изюм всех сил стремящиеся — насколько возможно — заменить отца и мать.

Увы, чем теплее рука взрослого, тем холоднее и беспритворнее ребенку может показаться мир, ожидающий его за стенами интерната, за его высоким забором, за дорогой, по которой в интернат возят продукты и белье из прачечной. До того окружены государственной заботой «интернатские», что не знают, сколько стоит билет в трамвае и булка хлеба. Не знают, как строятся отношения внутри семьи, поэтому впоследствии им крайне трудно выполнять роли мужа и жены, матери и отца. Социальная неприспособленность усугубляется чрезмерно ранним выходом во взрослость — после 8 класса, в 15 лет, в том возрасте, когда даже «домашние» дети, более защищенные — семейными традициями, накопленным житейским опытом, — и то далеко не всегда способны противостоять пагубному влиянию. А для многих выпускников школ-интернатов направление в ПТУ оказывается путевкой — в жизнь бланного мира. Мальчики начинают промышлять воровством, девочки — проституцией...

Героини нашей истории не назовешь совсем уж неблагополучными. Хотя бы потому, что, не покидая интерната, они закончили десятилетку и с превратностями взрослой жизни столкнулись не в 15 лет, как большинство интернатских, а в 17. Но давайте посмотрим, какова цена этого так называемого благополучия.

Во время одной из командировок я познакомилась с двумя подружками, выпускницами школы-интерната. Дружили они между собой крепко. Но жизнь оказалась сильнее дружбы, и разошлись пути-дорожки неразлучных девочек. Так и буду рассказывать о каждой в отдельности, хотя познакомилась с ними, когда еще жили они в одном маленьком городке.

Галя

Когда-то в их детдом приезжал корреспондент, он даже заснял двух подружек вместе — Зою и Галю. Я видела эту фотографию в журнале многолетней давности — две бледные девочки, беленькая и черноголовая, поливают из лейки большой фikus и вопросительно смотрят в объектив.

После окончания школы-интерната надо было как-то определиться в жизни; но как? Учиться на «отлично», им, детдомовцам, казалось лишним; все равно что поверх пальто надевать еще и шубу... Поэтому вузы им не «светили» — и не только престижные, но и любые. Даже если

поступишь, как жить на одну стипендию в окружении беспечных, разодетых в пух и прах однокурсниц? У детдомовских собственная гордость...

Надо было получить профессию, которая позволила бы зарабатывать хорошие деньги. Но ведь и это дело непростое и нескорое... А после однообразной, регламентированной детдомовской жизни хочется всего как можно быстрее! И ударились Галя в любовь. Только так, казалось ей, могла она добиться если не успеха, то хоть стабильности. Чтобы было «как у всех».

...Мы шли с Галей по танцующим деревянным тротуарам районного городка, и она показывала мне то на один деревянный дом в переулке направо, то на другой — где-то на горе. В одном доме жила ее первая школьная «любовь», в другом — вторая. Обе «любви» после армии завербовались на стройки Крайнего Севера, а дома были просто памятниками бывших романтических привязанностей.

Вскоре после окончания школы родила Галя сына. Этим завершилась ее третья любовь (так не хочется ставить кавычки!). Надо было жить, ставить ребенка на ноги. Галя записала сына на свою фамилию, устроилась работать на ферме, вселилась в комнатку в общежитии. И снова стала ждать очередной любви. Та не замедлила явиться в облике не очень уже молодого разведенного мужчины, любителя выпить, с тяжелой рукой и нелегким характером. Но у него была квартира, и Галя решилась.

...В углу самой маленькой комнаты Галя поставила свой сундучок, покрытый лоскутным одеялом (теткин подарок) и — заплакала.

Зоя

Лет восемь назад у Зои было худое и большеглазое лицо — детдомовского ребенка и одновременно — словно бы заколдованной принцессы. «Расколдуи и увези!» — молили ее глаза. Не увезли и не расколдовали — ни мама, ни папа, ни бабушка с бабушкой, хотя таковые имелись и проживали в полном здравии. Жизнь приоткрывалась медленно. Увидено пока было немного. Лишь однажды одна из учительниц взяла Зою на лето в маленький пыльный поселок к своей матери; да как-то раз приезжал отец, тогда они и снялись на память в райцентровской фотографии.

После окончания школы-интерната Зоя пошла работать на ферму, заключив с совхозом трудовой договор на два года.

Когда я встретила Зюю, она уже отработала на ферме положенный срок. Из худощавого полуподроска превратилась в цветущую девушку с румянцем во всю щеку; только глаза смотрели так же

грустно. В начале лета Зоя написала заявление на третий год работы на ферме. Случай необычайный, но объяснимый: уйти с фермы — означало начать другую непривычную жизнь. А Зоя этого боялась... Она размышляла: учиться — на стипендию не прожить, денег почти не накопила, ведь заработок стал ощутим лишь в второй год работы, когда перешли на бригадный подряд. Сменить работу — на какую? Профессиональные пристрастия как-то не сложились. Хотя если уж честно самой себе признаться, то было у Зои это пристрастие — ее «буренки». Однако, повязывая перед дойкой цветастые платки, все девочки говорили и мечтали о другой жизни — вот та будет настоящая! И Зоя стеснялась думать и говорить «не как все»: еще засмеют или посмотрят как на «чокнутую». Ну как объяснить кому-то, что на живых рогатых своих подопечных переносила она неустраивавшие тепло и привязанность. С какой любовью подбирала им имена! Как их теперь бросить: всегда грустную Улыбку, спокойную Аленушку, шаловливую Лапушку и самую любимую — Лею, Леюшку, обидчивую и избалованную попрошайку. И как остаться, когда твои сверстники упархивают в другую жизнь! А здесь... Как ни отмыкайся после дойки, как ни перестирываешь платя, все равно вечный запах силоса! Не уничтожить, не залить духами «Серебристый ландыш».

Зоя мучительно решала свою первую в жизни дилемму все дни напролет. Раздумья начинались в четыре утра, когда она садилась в грузовик, держась за влажные от ночного дождя борта, и глядела из-под брезента на бегущий мимо знакомый мокрый пейзаж. Ежедневная однообразная работа не отвлекала от дум. С половины пятого до пяти подбирали рассыпанный корм, выскребали навоз, подстилали чистые опилки. Затем готовили к дойке аппараты. Дойка — с пяти до семи часов. Потом завозили корма — сено, солому. Доярки обливали корм закваской, ведрами, вручную — сколько их на себе за смену перетаскаешь! Потом снова надо чистить дощатый пол. С девяти до десяти завтрак в совхозной столовой. После завтрака опять не продохнуть — та же уборка, да еще надо чистить коров, разгружать посылку, перегонять коров на сухое. С двенадцати до двух — опять дойка, теперь обеденная. Этим кончалась первая смена. Если работать во вторую, все было то же самое; только доек не две, а одна.

Дела привычные дела, Зоя пыталась определить, жалко ей все это будет оставить или нет. Пожалуй, нет. Каждый день одна и та же тяжелая работа. А в городе? На заводе примерно то же. Но необязательно же идти на завод, можно, например, в теплицу. То огурцы снимаешь, то помидоры, то с цветочной рассадой возишься. И круглый год — запах свежей земли и зелени! И как-то незаметно внушила себе Зоя, что работать в теплице — и есть ее мечта.

В сентябре неожиданно для всех увелили с маху на Йошкар-Олу искать помидорно-огуречное царство. Царство нашлось, но таких, как она, Золушек с руками до локтя в черноземе, было в нем полным-полно. В ее услугах не нуждались. Сказали — приходи в декабре, может, обра-

зутся вакансии. Но есть-пить надо и в октябре, и в ноябре. Зоя обошла отделы кадров нескольких заводов, но и туда ее не взяли. После долгих мытарств очутилась Зоя в небольшом селе в двадцати километрах от своего родного городка. Устроилась воспитателем в детский сад. И затосковала. «Глупая, — убеждала она себя, — чего тебе надо? Руки по ночам не ноют, запах силоса слышен разве что во сне». И все же каждые выходные срывалась с места и ехала «домой», в бывшее свое общежитие. Своей преемнице Светлане Зоя оставила толстую тетрадь с подробной характеристикой каждой коровы. Ездилась с ней на ферму, помогала доить.

С третьего Зонного года работы путеподорожки подружек все больше и больше расхищались в разные стороны. Галя сидела дома с ребенком, старалась приноровиться к свекрови, терпела мужнины пьянки, обиды, а потом и побоя. Умом понимала: так жить больше нельзя, но как? И некуда сбегать из дома, так и не ставшего родным.

...В этой истории я изменила лишь имена. После встречи с девочками мы долго переписывались, и у меня накопилась целая папка писем, написанных Галей и Зоей.

Галя:

«Живу нормально. Сережа здоров. Хочу поспорить с тобой. Ты пишешь, что я стала жить с нелюбимым ради сына и что это мужество. Смею заверить, что ты так не думаешь. И я тоже. Это малодушие и страх перед жизнью. Будь во мне хоть капля мужества, не кинулась бы я в это замужество, не подумав как следует. А это было именно так. И теперь я очень осторожно — насколько могу — обдумываю каждое свое решение и, уж если захочу изменить свою жизнь, то не рвану куды глаза глядят. Живем снова как прежде. Бывает и ругань, и руки в ход пускают».

Письма от Гали приходили с большим перерывом, но тональность их не менялась.

«Живу нормально. К мужу привыкла. Сейчас мы живем намного лучше, чем раньше, хотя пьет он не меньше. Снова сойтись с ним уговорила его мать. Так что внешне все хорошо».

А душа болит. Стараюсь не думать о прошлом, о том парне, которого я так любила. Спасаясь от мыслей и от жизни равнодушным, стараюсь абсолютно ничего не принимать близко к сердцу. Но вчера я увидела сон о нем. И этот сон взорвал меня, и все чувства вырвались наружу, но высказать их не могу и некому, ведь я замужняя женщина. Даже в церковь сходить не могу, так как в доме больной ребенок... (Не удивляйтесь последней фразе: по моим наблюдениям, несмотря на сугубо атеистическое воспитание, среди детдомовцев не так уж мало верующих — может, от этой их тотальной «безпорности» в жизни? — О. К.).

После этого горестного письма была долгая пауза, не меньше чем в год. И вот новое письмо, с новым адресом: деревня Долгово.

Галя:

«Пишу тебе с нового места жительства. Мы уже разошлись с мужем. Вернее, не уже, а опять. И теперь насовсем. Мне так надоело мучиться, и я ушла. Ты знаешь, ведь от него только и пользы было, что деньги приносил, да Сережу не обижал.

А так пьяный нервы мотал, и все. Ни любви, ни привязанности друг к другу не было. Так что я не только свою жизнь облегчила, но и его. Он мне как-то сказал, что у него есть женщина. Может быть, женится. Дай Бог ему счастья».

Я работаю на ферме, а Сережу вожу в садик. Вечером беру его на ферму с собой. А утром прихожу с дойки — он еще спит. В кино ни разу не ходила. Уже год. Так хочется! Вообще-то Сережу есть с кем оставить, но все боюсь, как бы люди чего не сказали. Вот так и живем. Дом, садик, работа...»

Через месяц пришло другое письмо, по тону и даже по почерку совсем отличное от предыдущих.

Галя:

«...Знаешь, я вроде бы влюбилась. Хотя об этом боюсь даже думать. Вот тебе осмелилась написать. Это произошло так внезапно. Вроде ходила и не замечала, и вдруг как вспышкой ослепило. Всего четыре дня назад. Сейчас обеденное время, я сижу, гляжу на будильник и жду, когда надо мной раздадутся его шаги. У меня сейчас некоторые изменения. Я переехала в каменный дом, пока к бабке, так как мою квартиру еще не освободили, а ту, где я жила, хозяйка продала. А когда освободят ее, то мы с ним будем соседями. Дойка у нас сейчас два раза, и весь день я дома. Он работает агрономом, старше меня на пять лет. Мне кажется, что я ему тоже нравлюсь. Вчера я давала ему сумку, теперь жду, когда придет и принесет. Муж развод не дает. Придется ехать самой. Сейчас вроде маленько попривыкла на новом месте, успокоилась, так что все у меня хорошо».

Когда Зоя убеждала себя и других в том, что она отправилась на новое место исключительно в поисках работы, она лукавила. В том поселке жил Генка, давний ее приятель. В тот год он вернулся из армии, устроился на завод в большом городе, домой к родным ездил на выходные, благо родной поселок был недалеко. Он-то и перетащил Зою в это место, жить устроил у своей матери. Закончилась эта эпопея тем, чем и должна была кончиться — они поженились. Снова перебрались в райцентр. Из общежития Зоя была уже выписана, сняли полдома у одинокой бабки. Пришлось Зое вернуться на ферму, другой работы для нее не было. С фермы и ушла в декретный отпуск. Радостное ожидание первенца обернулось горем: ребенок родился мертвым. Сказался тяжелый физический труд дойки. Тогда они с Генкой и решили: уедем! Жилья нет, работы подходящей по здоровью тоже. Были планы махнуть к Генкиному другу на север, но потом неожиданно (уже с помощью другого друга) устроились в Московской области. Получили квартиру, родилась дочь. Казалось бы, все хорошо. Но...

Зоя:

«...Перечитала твое письмо и решила написать ответ. Хотя совсем не знаю, что и писать. Все однообразно, одно и то же. Какое-то уныние на меня нашло. Не могу найти свое место в жизни, работу, чтобы нравилась. Так все это меня огорчает!

И семейной сил, как оказалось, трудно. Изю всех сил стараемся приобрести что-нибудь в квартиру, а денег не хватает.

Стыдно, но покупаем с помощью Гениной мамы. Так что квартира у нас полупустая. Но это ладно, это временно. Плохо то, что подруга я здесь не приобрела. Вожусь только с соседкой Ниной. Но с ней мы просто знакомые».

Галя:

«Извини за долгое молчание. Как видишь, у меня опять новый адрес. Здесь нам дали квартиру. Рядом хлев, огород, участок под картошку. И ферма здесь лучше, правда, ходить далеко, километра два будет, идти через всю деревню. Хочу несколько лет пожить хозяйством, сейчас взяла двух поросят. Куплю овец, кроликов...»

«Изменений в моей жизни почти нет. Заработок каждый месяц разный. В этом месяце получила 170 рублей. Сейчас начались расстелы, будет и заработок. Еще я шью детскую одежду и сдаю в комиссионный магазин, так что деньги есть. Правда, в этот месяц я порастратилась: купила в комнату шторы, кое-что из мебели, одежду себе и Сереже. Двести рублей улетело. Заняться в деревне всегда есть чем, тут ты не права. Ведь надо печку истопить, скот накормить, прибрать, приготовить, постирать, хочется и почитать, и повязать. Надо три раза в день сходить на работу, и поспать хочется. Знаешь, я ложусь частенько за полночь, а встаю в три часа, чтобы в четыре быть на рабочем месте. Утром после работы обычно ложусь отдыхать, по утрам ничего не делается у меня. Живем неплохо, но мечтаю о лучшей жизни. И верю, что сбудется!»

Зоя:

«У меня все по-старому! Сижу с дочкой дома, куда работать пойду после декрета — ума не приложу. На ферму боязно, хватил, нарабаталась. Так жалко, что нет у меня специальности!»

Друзей по-прежнему нет. В выходные и праздники даже сходить не к кому. Гостили как-то раз у Генкиного друга, но он местный, у него здесь отец и мать, товарищи. В праздничные дни они с женой идут то к родителям, то к друзьям. Очень хочется обратно в свой город, к своим девочкам в общежитие, хотя умом понимаю, что нечего нам там делать: ни жилья, ни работы... А все равно хочется».

...Цитировать эти письма можно долго. Уже несколько лет, получая их, думаю всегда об одном. Вина общества перед воспитанниками детских домов — многократная! Первая из них — что их родители, члены общества, его граждане, оказались ненадежными людьми. Вторая вина в том, что, взяв на себя воспитание и образование этих детей, общество выкормило-вырастало, но не подготовило к жизни, не обезопасило от того, чтобы начало самостоятельной судьбы не превратилось в набивание шишек, одна другой больнее; не готовят к самостоятельной жизни в самом интернате; ничем в сущности мы не помогаем и за его порогом. Правда, все эти вины вкладываются одна в другую, как матрешки. Не будь первой, не было бы и остальных...

Остается надежда на одно — на людское милосердие, не предусмотренное никакими социальными программами, на добросердечие и радушие тех людей, с которыми столкнутся в жизни эти девочки, эти мальчики — «ничейные» дети. Ау, люди!

АЛЛА БОССАРТ

АУТСАЙДЕРЫ, «ЧУЧЕЛА» И ДРУГИЕ

...Из интервью с заведующим сектором проблем борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди несовершеннолетних Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности В. В. Панкратовым.

— Как сегодняшние сложности в разных областях жизни отражаются на структуре подростковых правонарушений?

— Подростковая преступность делится как бы на два больших «блока»: корыстную и насильственную. В целом преступность снижается. Чем дальше мы уходим от жестоких и трудных послереволюционных, военных и первых послевоенных лет, чем больше общество наращивает «культурный слой», тем меньше совершается особо опасных насильственных преступлений. Конечно, это говорит о позитивных сдвигах в культуре народа. Но тревогу вызывает высокий всплеск корыстной преступности: квартирных краж, ограблений киосков, контейнеров и так далее. Крадут джинсы, магнитофоны, модные диски, ну все, что котируется на «молодежном рынке». И дело не в материальном ущербе, он для общества практически неощутим. Дело в деформации ценностных ориентаций подростка, которые он понесет с собой во взрослую жизнь.

— Что, по-вашему, можно сделать, чтобы изменить существующие, не вполне нормальные отношения школы, семьи и подростка?

— Дело в том, что сейчас происходит бессмысленное, на мой взгляд, деление, приводящее и к потере государственных средств, и, что особенно драматично, к потере детских, человеческих судеб. Эти три потока — девятый класс, ПТУ и техникумы. Есть и четвертый — подростковое исправительное учреждение... Важно понять: образование должно быть непрерывным. Это имеет и самый серьезный криминологический смысл. Потому что непрерывность — это отсутствие остачек, а главное — тупиков. И значит — уверенность в перспективе, уверенность молодого гражданина в том, что никакие дороги перед ним не закрыты и только от него зависит выбор одной из них.

— Владимир Васильевич, ваш сектор разрабатывает методику профилактики подростковой преступности. Какие ее формы наиболее эффективны? Как она внедряется?

— Во-первых, нет разрыва между общими проблемами и криминологическими. Ввести трудовое воспитание, облегчить обучение в школе, обогатить работу по месту жительства — все это и профилактика правонарушений, ранняя и потому наиболее действенная. Эти вещи на слуху, их подсказывает здравый смысл. Но есть одна проблема, которую необходимо решить в государственном масштабе, и ее решение могло бы очень мощно продвинуть всю работу с несовершеннолетними. Вот если бы меня разбудили посреди ночи и спросили: «Панкратов, о чем ты мечтаешь?» — я бы не задумываясь, ответил: «Чтобы в каждом исполкоме был отдел по делам несовершеннолетних и молодежи». Не по делам преступности, а по всем молодежным проблемам в комплексе. Причем в рамках того же исполкомовского штатного расписания, без привлечения новых кадров. Сюда можно взять одного инспектора из руно, из отдела спорта, из отдела культуры, из той же комиссии по делам несовершеннолетних и так далее. И этот отдел занимался бы проблемой трудо-

вых ресурсов — раз, досугом — два, школьным обучением — три, работой по месту жительства — четыре, семьей — пять и так далее, пальцев не хватит. Должно быть некое «организационное сердце», которое бы заводило всю эту систему работы с подростками, систему, которая пока существует в значительной степени формально, на бумаге. Знаете, сколько людей — формально — занимаются подростками? Пятнадцать человек на каждого трудного подростка! Мы все кричим о недостатке кадров... В каждом районе 20 учреждений и общественных формирований, которые имеют непосредственное отношение к несовершеннолетним правонарушителям: прокуратура, милиция, суд, дружины и так далее. Всего же на район всяческих подразделений, которые должны отвечать за состояние дел с подростками, — 80. Не людей, заметьте, а именно структурных подразделений. Наставники на производстве, скажем, — это не сто человек, а одна воспитательная форма. И таких форм — 80! Где же они, спросите вы? А учителя, шефы, а комсомольские оперотряды, а общественные воспитатели, а бесчисленные комиссии, инспекции, отделы, общества... Но учителя лишь шапочно знакомы с шефами, наставники не знают жэковских педагогов, а тренеры детских спортивных школ понятия не имеют о работе комсомола! Прокуратуре удастся координировать деятельность правоохранительных органов, и это очень важно. Но далеко не достаточно! В Старицком районе Калининской области прокурор взял на себя роль «координатора за всех». Он попросту вышел из терпения — то и дело приводят подростка: давай санкцию на арест. Ну сколько же можно! Неужели нельзя иначе? А ну, ведите их всех сюда.

И вот в беседах с подростками он анализировал: каким из учреждений, кому из воспитателей лучше предьявлять «рекламации». И совместно с этими учреждениями решать: кто что должен сделать, чем помочь подростку — в каждом отдельном случае. И успех — почти стопроцентный! Вот чего можно добиться, если подойти неформально и координированно.

Необходимо искать и всячески поддерживать энтузиастов. Работа с несовершеннолетними, — она важна не только для несовершеннолетних, но и для взрослых. Это одна из эффективных форм развития социальной активности граждан. Взять хотя бы прием подростков на работу. Ведь то, что многие директора заводов отказывают в приеме под разными предлогами, говорит о социальной безответственности этих администраторов: им не хочется возиться, отвечать за подростка. Для производства, может быть, на первых порах он, действительно, балласт. Но для общества его фактическое приобщение к труду — необходимо.

Вокруг проблемы подростка нужно формировать общественные силы по всем направлениям. Если каждое из подразделений будет максимально заниматься своим делом, снимет свой пласт, свое «кольцо» с пирамиды подростковой преступности, пирамида начнет становиться все ниже...

Пока же при восьмидесяти подразделениях, «работающих» с подростками, в стране насчитываются десятки миллионов профессионалов, «работающих» по преступным «специальностям». И если уж мы взяли проводить параллели, сошлюсь на цитату из обращения сотрудников исправительно-трудовых учреждений Чувашии в МВД СССР, о котором говорится в беседе Юрия Шекочихина с Александром Гуровым, начальником Управления по борьбе с организованной преступностью МВД СССР.

«Подростки и молодые люди проходят «воровскую» закалку не в тюрьмах и колониях (как утверждает пресса), а по месту жительства, в школе, ПТУ, где они находятся под пристальным вниманием и контролем преступных элементов... Вот уже шесть лет, как подросток, приходящий в СИЗО и ВТК, имеет стойкие воровские установки... Сегодня именно молодой осужденный диктует свои порядки в колониях. Думаем, что и армейская «дедовщина», проявляющаяся особенно сильно в последнее время — те же 5—6 лет, — свидетельство похожего процесса призыва в армию «стайных» мальчиков, выращенных под гнетом уголовной романтики. Настала пора сказать всю правду о трагедии молодого поколения, на которое все больше и больше усиливается влияние уголовного элемента...»

Не принимая эту декларацию за основу, не отмахиваясь от ужасов колоний, особенно для малолетних, — нельзя не признать, что больной участок нашего общественного организма нащупан верно. И колония, и армия усугубляют болезнь, но зародилась она — на воле, на «гражданке». Там, где 80 мифических нянек не видят и не хотят видеть, как теряет «глаз» их беспризорное дитя.

По данным НИИ прокуратуры СССР — воспитателями детских домов и интернатов работает более 60 процентов лиц, не имеющих высшего образования. Хотя этот показатель, возможно, и не основной, но он «проговаривается» об официальном отношении к «трудным» подросткам. В колониях для несовершеннолетних работают те, кто (в лучшем случае) готовился к преподаванию в общеобразовательной школе и представления не имеет о личностных особенностях своего «контингента». «Трудным» нет доступа в «элитные» школы или, скажем, в «Артек», их отбрасывают на обочину. Лучшие учителя, как правило, работают с лучшими детьми. Худшие — соответственно с худшими. Но ведь это абсурдное соответствие. «Трудный» — не оценка личности. Это оценка того, что кому-то трудно найти к нему подход, трудно с ним общаться. Значит, надо не клеймить такого подростка, а искать наиболее квалифицированные подходы к нему. Что под силу, согласитесь, отнюдь не отставному строевику, а наиболее интеллигентному, знающему, опытному педагогу. Как знать, если бы рассредоточить якобы «трудных» по лучшим коллективам, отдать их лучшим воспитателям, а не сосредоточивать, как это практикуется, всю шпану, двоечников, все хулиганье в ПТУ и СПТУ,

словно в резервациях, может быть, картина подростковых правонарушений существенно бы видоизменилась.

Почему вообще возможна так называемая дедовщина? Почему недостаток нравственного чутья принимает такую густую, зверскую форму — узаконенный, безнаказанный садизм старшего и сильного по отношению к младшему и слабому? Именно садизм, то есть бессмысленная жестокость, и именно безнаказанный, потому что все происходит нередко на глазах у старших офицеров, прапорщиков, старослужащих.

Любое детское, подростковое, молодежное сообщество, особенно замкнутое, подвержено своеобразной дедовщине. Отбраковка в форме и масштабах! Страдал ведь и нелепый, насморочный Кюхля со своими нелепыми впршами, — и вспомним, от кого страдал. От лучших, рафинированных отпрысков российского дворянства. Школа, наставник затем и нужны, чтобы вправить вывихи возраста. Не играть на его парадоксах, а регулировать их. Не высмеивать вместе с классом, а хвалить и отмечать поэтические успехи, скажем, Вильгельма Кюхельбеккера, поднимая его в глазах Пушкина и Горчакова.

Причиной многих бед было и будет аутсайдерство. Причиной худших бед была, есть и будет система аутсайдерства, развитая во всяком тоталитарном государстве. Дедовщина в армии — лишь частный аспект «дедовщины» в стране, дедовщины, основанной на **моральности** силы.

Меняясь, смягчаясь, обстоятельства меняют акценты. «Сила» — уже не обязательно бицепсы. Это может быть «прикид», «фирма» — в одном подростковом коллективе, внешние данные — в другом, «связи» — в третьем, спортивные успехи или какие-нибудь яркие способности — в четвертом, неординарная квартира, престижные родители — в пятом... И так далее. Но все равно — сила. Все равно категории вневременные, оцениваемые всеми, подчеркиваю, всеми, в том числе и взрослыми, именно как нравственные, моральные преимущества.

Учитель, вообще взрослый, редко является авторитетом для подростка. Авторитет подростки ищут в своей среде, это известно. Но «чувство взрослости», стремление стать и выглядеть старше заставляют их невольно копировать и тех, кого они отбрасывают. Поэтому третирование учителем, условно говоря, «слабых» — странных, чуждых, слишком или недостаточно умных, слишком или недостаточно самостоятельных, толстых, тонких — иных — взрослая отбраковка страшна не сама по себе. Она страшна тем, что как бы дает детскому коллективу право на дедовщину. Коллектив подростков не понимает аморальности преследования многими одного. Сильными — слабыми. Заметьте, с какой особой страстью и удовольствием подростки «разбирают», осуждают товарища. Как популярны в их среде всякие бойкоты, судилища, как распространены физические расправы — пусть даже символические, бескровные, но унижительные — компании над одним. Бывает, что даже пресса

(именно молодежная) поддерживает такие самосуды на том основании, что избитый — лгун, жадина, ябеда и вообще сволочь распоследняя. Удивительно, но редкий воспитатель, да и вообще далеко не каждый взрослый понимает, что узаконенное право применения большинством силы по отношению к меньшинству — это не что иное, как моральная норма фашизма.

Выброшенные на обочину ищут свой путь. Долгое время модель быковского «Чучела» была единственной моделью подросткового аутсайдерства. «Странность» порождала изгойство, а оно, в свою очередь, еще большую странность. Об истинных последствиях говорить, вероятно, боялись. Или эти последствия не были так очевидны, как сейчас. На молодежь и подростков распространилось общее резкое повышение общественной температуры: все социальные реакции проходят в последние 5—6 лет крайне бурно — не только негативные. Как бы там ни было, подростковая среда преподносит сейчас такие сюрпризы, по сравнению с которыми горькая история Ролана Быкова про «Чучело» выглядит безобидной сказкой.

«...Я считаю себя фашистом и горжусь этим. Часто говорят: как можно, ведь ваш вождь Гитлер уничтожил 20 миллионов наших! Коммунисты сейчас открещиваются от Сталина. Но ценности, которые нам навязывают, не меняются. Я утверждаю: только фашизм представляет собой реальную альтернативу вырождению нации...»

Это письмо владивостокского студента приводит в статье «Фашики» Виталий Еремин в «Неделе». Автор комментирует: «Они воспитывались не в югендфольке. Они носили пионерские галстуки. Их пестовал не гитлерюгенд. Они были, а многие до сих пор являются членами ВЛКСМ. Их отцы — не эсэсовцы, а нормальные советские граждане и даже члены партии... Среди «фашиков» сегодня молодые люди разных национальностей. Тех самых, которых фашисты считали низшими расами. То есть у нас нет никаких оснований видеть в них, «фашиках», врагов, возросших на другой национальной и идеологической почве. Это наши фашисты... И прежде чем начать их отчитывать за ту кашу, которая варится в их головах, мы должны спросить кое-что с самих себя».

Чем «фашики» отличаются от прочих неформалов — панков, хайрапов, роке-ров, металлистов и других? Тем, что не создают свою субкультуру, не восстают против цивилизации взрослых, образуя свою, в достаточной степени беззастыдную, анархическую и созерцательную, — а пытаются довести эту взрослую, административно-командную цивилизацию до логического конца. Не думаю, что идеи национального превосходства могут быть так серьезны и ценны для подростков. Для подростков гораздо ценнее идея силы. Поэтому «фашики» близки к таким молодежным образованиям, как люберы, культуристы. Поэтому они нашли общий язык не с кем иным, как с «афганцами». Хиппи и их многочисленные последователи «подставляются» обществу, провоцируют

взрослую цивилизацию, дразнят, раздражают ее. «Фашики» стремятся прежде всего себя обезопасить. Вписаться в силу — силой. Не случайно среди «наших фашистов» так много уголовного элемента.

В последние годы появилась еще одна группировка подростков, близкая к «фашикам» по своим установкам, — «орлята Сталина». Они совершают полоумничество в Гори, собирают и читают труды «отца народов», жгут антисталинские публикации и занимаются прочей ерундой.

Все-таки я склонна думать, что при всей внешней идеологичности ряд диких для наших условий молодежных объединений, сформированных в последние годы, — во-первых, не так уж и дики, и, во-вторых, в общем-то не так уж тяготеют к политике.

Если бы не сортировка детей, которая начинается еще в детском саду, а в школе твердо узаконивается, — и социальное расслоение общества не получало бы, возможно, такого развития. Кроме того, отбракованные ищут компенсации, ищут своей социальной ниши. В конечном счете — ищут и находят друг друга. Таким образом, отбракованные сами становятся обществом, образуя огромную отрицательную силу.

Но в каких же целях происходит эта пресловутая отбраковка? В целях порядка. Если же порядок становится самоцелью, среди мер его наведения начинают обязательно преобладать репрессивные — как наиболее простые. Наше формальное воспитание десятилетиями строилось на запрете, который загонял все болезни, все проблемы, парадоксы и трудности вглубь, рождая при этом очередной парадокс, очередную болезнь — величайшую аморальность морализаторства. Но когда ничего нельзя: ни шуметь, ни высказываться, ни действовать, ни думать самостоятельно, — то и все можно. Только втихаря. Лишь бы не пострадала репутация.

Если общественное мнение хотя и трудно, но, я бы сказала, увлеченно перестраивается (историки, экономисты, социологи, деятели искусства лавиной обрушивают на голову публики горькие истины), то школа продолжает охранять свою неприкосновенную репутацию, отстреливаясь из своего форта последними патронами.

Нигде — ни в райкомах, ни в обкомах, ни на заводах, ни в научных учреждениях, ни в колхозах, — не встретишь такого враждебно-настороженного отношения к прессе, как в школе. Получить допуск в «ящик» легче, чем добиться аудиенции у директора школы, если пришел по жалобе, с конфликтным письмом или, что страшнее всего, по поводу ЧП. Да по любому поводу — раскинутые крылья школьных работников, осеняющие непогрешимость их ведомства.

И покуда воспитательная система не искоренит практику сортировки подростков, покуда инвентаризацию не заменит равенство, пока на смену фарисейскому морализаторству воспитателей не придет нормальная, демократическая, человеческая мораль, а подростки не обретут юридические и личные права, — будут множиться толпы на обочине. Будут «чучела» и будут «фашики». И последних, боюсь, будет гораздо больше. Нельзя об этом забывать.





ЧТО ПРОИС- ХОДИТ В КА- ЗА- НИ ?

АЛЕКСАНДР ЦУКЕРМАН

Послonyaвшись без дела по улицам, он отправился в гостиницу. Как все командированные в часы досуга, думал о доме, о детях, которые все удаляются, взрослея. С наступлением темноты улицы быстро пустели и лишь на Баумана было еще оживленно. Он свернул в переулок, плохо освещенный и почти безлюдный. В низине у мостика навстречу шли трое подростков. По возрасту примерно одних лет с его старшим сыном, четырнадцати-пятнадцателетние. Крепкие, рослые, спортивные. На всех одинаковые лыжные шапочки, надвинутые на глаза, спортивные куртки, тренировочные брюки.

Поровнявшись, один из них толкнул мужчину плечом, явно умышленно. Тот обернулся и с недоумением посмотрел на него.

— Ты чего, мужик, чем-то недоволен? — заметив интерес к себе, спросил подросток.

— Мог бы извиниться, мальчик.

— А-а, — понимающе прогудел он и, сцепив замком руки, неожиданно ударил под подбородок. Мужчина упал. Из рта хлынула кровь. Подошли двое других и стали избивать ногами. Били равнодушно, без всякой охоты, словно исполняли какой-то варварский ритуал.

Утомившись, подростки подхватили мужчину под мышки, волоком оттащили в ближайший двор и там бросили. Случайные свидетели торопливо задерживали занавески на окнах, шепча проклятия, понимая, что на месте прохожего мог оказаться любой из них, независимо от возраста, заслуг перед обществом, профессии и личных качеств.

Жестокость всегда вызывает омерзение, но особенно отвратительна жестокость человека, прошедшего специальную подготовку в секции, тренированного во имя бла-

Александр Цукерман
Почерк

гих целей. Как же такое могло случиться? Старались ради блага, а получилось во зло.

Отвлечь трудных подростков от улицы с помощью спорта — изобретение не сегодняшнего дня. К этому средству обратились в Казани, предоставив в распоряжение ребят пустующие в вечернее время физкультурные залы школ, ПТУ, разрешили оборудовать под спортивные секции бесхозные подвалы. Дело, казалось бы, хорошее и нужное, проводилось для галочки. Для организаторов этой кампании главным было — «охватить» побольше молодежи. И как грибы после дождя стали возникать всевозможные псевдоспортивные сообщества, далекие от идеалов спорта и тем паче от общечеловеческих идеалов. Возглавили их в большинстве своем люди, не имеющие ни спортивного, ни педагогического образования, никогда прежде не работавшие с детьми. Хотя и были среди руководителей клубов и объединений бескорыстные энтузиасты, искренне стремящиеся помочь ребятам повзрослеть с влиянием улицы...

Да, в стране не хватает дипломированных тренеров-педагогов. Но примут ли этот довод родители тех тринадцати подростков, которые погибли в Казани в уличных драках за последние два года? А за один 1988 год 152 человека получили ножевые ранения, 42 — черепно-мозговые травмы. Уже более десяти лет Казань лихорадит от разгула хулиганствующих группировок, в которых немало ребят, прошедших через спортивные подростковые объединения. На их счету — зверские убийства, массовые побоища, рэкет, изнасилования. По данным МВД ТАССР, на первую половину 1989 года в Казани существует 63 молодежных группировки (по данным горкома комсомола, 102) общей численностью более полутора тысяч человек. Каждый десятый из участников уже судим, а среди признанных лидеров под судом побывал каждый четвертый.

До недавнего времени местные власти, заботясь о благополучии в отчетах, закрывали глаза на реальное положение дел. Кто, дескать, из нас в детстве не дрался? Сама мысль об организованной преступности в нашей стране казалась кошмарной. Но вот «вдруг» внимание правоохранительных органов Казани привлекают странные совпадения. Арестовывают, к примеру, лидера группировки и сразу же активизируют ее члены, чтобы преступной активностью снять подозрения с задержанного. В считанные минуты они могут собраться (а это полтора-два парней) в заданном месте; когда необходимо, рассредоточившись по два-три человека, прибыть одновременно на противоположный конец города. В группе — жесточайшая дисциплина, тщательно продумана конспирация: главарей знает в лицо строго ограниченный круг.

Или такой факт: подросткам-членам группы, не достигшим определенного возраста, не разрешается курить и употреблять спиртные напитки. И этот запрет соблюдается неукоснительно — чего, увы, пока не может добиться ни комсомол, ни школа, ни спорткомитет. Добровольно выйти из группировки почти невозможно, даже если удастся собрать солидную сумму откупных. Впрочем, один верный способ выйти из нее есть — ногами вперед.

Поначалу кое-кто полагал, что достаточ-

но выяснить причины вражды между подростками, устранить их, и «никаких проблем». Но все оказалось гораздо сложнее. В то время, как враждующие группировки выясняют между собой отношения велосипедными цепями и обрезками арматуры, их главарь могут сидеть за одним столом в баре и договариваться о месте и времени следующего побоища. Групповые драки возникают беспричинно или из-за пустяка и служат достижению двух целей: нагнетанию страха на улицах и утверждению собственного права на незаконные действия. Второе скорее средство, чем цель, средство формирования личности правонарушителя. В группировках действует жестокий закон, нарушение которого карается беспощадно. Нельзя, например, без команды главаря покидать место побоища, нельзя отказываться от принадлежности к своей группировке, если оказался на вражеской территории. Нарушителя закона стаи коллективно избивают, ставят на колени и, встав кругом, мочатся на него. Подобную жестокость, безусловно, не могли измыслить сами дети, ясно, что здесь приложили руку матерые уголовники.

Это только при беглом взгляде групповые драки могут показаться ребячьими шалостями. На борьбу с группировками отвлекаются значительные силы милиции, оголяются большие участки. Но главное их назначение в криминальной субкультуре — через нагнетание страха среди населения создавать благоприятную атмосферу для вымогательства, шантажа и других тяжких преступлений. Жестокий закон круговой поруки делает их практически неуязвимыми для закона.

К призывному возрасту половина ребят попадают за решетку. Две трети из оставшейся половины, получив тяжелейшие увечья в драках, признаются негодными к воинской службе. Да они и не очень-то рвутся в армию, предпочитая службу тюрьмы. Ведь после отсидки поднимается их авторитет в стае, деятельность отсидевшего срок приобретает ярко выраженную уголовную направленность.

Наиболее организованные и агрессивные группировки сложились в тех районах Казани, где есть социальные перекося. А их немало. Почему-то в новых микрорайонах города забыли построить кинотеатры, стадионы, магазины, и жители вынуждены ездить в районы старой застройки, вызывая недовольство местных жителей. Взаимные претензии нередко служат поводом для возникновения вражды. Увеличивают социальную напряженность и такого рода контрасты. Рядом с помпезными строениями административных зданий, скажем в Старотатарской слободе, соседствуют освещенные по окнам в землю бараки и хибары. Именно в подобных городских районах обстановка наиболее криминальная. И не случайно в Бауманском районе, вблизи салона игровых автоматов, совершается наибольшее число преступлений подростками (убийства, тяжелые черепно-мозговые увечья). Салон-то единственный на весь большой город.

Сам по себе напрашивается вопрос. А что же школа, куда смотрят родители?

Представьте на миг, что вы оказались в Казани. Чудесный зимний вечер. Вы отправляетесь на каток, допустим, в Старый парк. Легкий морозец пощипывает лицо.

Соблазнительно искрится лед. Немного, правда, настораживает безлюдье в парке, но какие могут быть мрачные мысли при такой тишайшей погоде. Вы входите в раздевалку и...

Вдоль стен на низеньких скамейках сидят человек сорок подростков одной компании и с одинаково скучающими лицами. Время от времени переговариваются между собой, сплевывают под ноги. Сразу же хочется уйти, но выход перекрыт. Несколько человек заходят со спины, с притворным интересом рассматривают посетителя. Слышатся реплики, хотя невозможно заметить, кому они принадлежат. Вы начинаете кожей ощущать, что вокруг — масса, именно масса, бездушная и глухая к доводам разума, враждебная, способная поглотить все живое — растоптать, подмять, не терзаясь угрызениями совести.

Тысячелетия человечество пестует идеалы, пытаясь создать модель для подражания. Добродетели, ум, талант, виртуозное владение ремеслом всегда вызвали у людей преклонение и двигали жизнь вперед. И этим подросткам, учащимся средних школ и ПТУ, воспитателям, наверное, много раз говорили о том же. Но ничего, кроме пренебрежения, злословия, жестокости, не читается в их глазах. В подобных группировках подростки не чувствуют ни ущемленности, ни неполноценности перед человеком более эрудированным, талантливым. Они на редкость самоуверенны, циничны. И самоутверждаются физически, силой, втаптывая в грязь любого непохожего на них за интеллект, знания, за душевное совершенство, то есть за те качества, которыми не обладают и приобрести которые можно, лишь затратив определенные усилия. Но напрягаться из них никто не хочет. И они предпочитают растрачивать со всем своим убожеством в однородной агрессивной стае, черпая уверенность в сплоченности и разнузданности желаний.

Примечателен диалог. Подростку четырнадцать лет. Зовут Ильшат, учится в восьмом классе. Под правым глазом синяк. Есть подозрение, что Ильшат участвовал в групповом избиении одноклассника. Он все отрицает. «Ты любишь читать?» — «Да». — «Какие книги тебе больше нравятся?» — «Все». — «Кто такой Гайдар?» — «ПIONEР-герой». — «Какую ты любишь музыку?» — «Всякую». — «И рок?» — «И рок». — «Какая из рок-групп самая любимая?» — «Все». В таком духе все его ответы. Говорит уверенно, почти не задумываясь, и ничуть не смущается, когда ему разъяснили, сколь он невежествен. Зато в ответах, касающихся избиения одноклассника, был предельно собран, отвечал после долгого обдумывания, тщательно взвешивая каждое слово. Еще в чем чувствовал он себя как рыба в воде, так это в планах на будущее. Собирался стать слесарем по ремонту радиоаппаратуры, что наряду с ремонтом бытовой техники, автомобилей, с работой за стойкой бара, в пивной палатке, на приемке стеклопакетов рассматривается в среде подростков из группировок как желанная синекура, обеспечивающая безбедную жизнь, предполагающая достаток благодаря возможности обманывать, красть, вымогать, жульничать. Таким образом, и общественная ценность профессии у этих ребят определяется размахом извращения из нее нетрудовых доходов. И в этом



зле меньше всего повинны заблудшие подростки.

Как и всюду в стране, в Казани педагоги, идеологические работники единодушны во мнении, что всякий труд у нас одинаково почитен. Но хочется усомниться в таком утверждении. Работа слесаря-инструментальщика, выполняемая с точностью, превышающей тысячную долю миллиметра, заслуживает большего уважения, чем труд того же дорожного рабочего, инструмент которого — лопата. Однако заработки у них практически одинаковые и, следовательно, престижность в глазах непосвященных — равная.

Только в первом случае надо обладать определенными данными и учиться, во втором — «ишачить». Естественно, гораздо привлекательней для подростка третий вариант — место в автосервисе, с стойкой бара и т. д., позволяющее иметь солидный левый доход, для чего достаточно быть лишь готовым преступить закон. И эта готовность возводится в привычку путем многократных противозаконных действий в группировках. Потому-то Ильшат не очень огорчился, когда ему разъяснили, что Гайдар — не пионер-герой, а известный детский писатель. Много важнее ему было выдержать испытание в соблюдении закона круговой поруки, поэтому он так осторожен и точен в ответах на другие вопросы, ибо в той жизни, к которой он себя готовит, это очень важно — верность законам группировки обеспечит ему безнаказанность. Пока же среди себе подобных он оттачивает умение лгать, изворачиваться уже не в детской игре «попашку», а балансируя на острие ножа и имея перед собой экзаменаторами настоящих милиционеров. И я знаю, что до тех пор, пока в обществе сохранится искаженное представление о престижности труда, а из легальной государственной работы можно будет извлекать противозаконные солидные доходы, Ильшату не нужно будет культурное наследие, потому что оно не имеет для него практической пользы. Он останется глух ко всему, что не касается личного благополучия.

Еще диалог. Этому парню уже лет восемнадцать. Рост под 180. Лицо веселое, неглупое. Представится он не спешит.

Принадлежность к группировкам не отрицает, но и не бравирует этим. Он их называет «конторами».

— Рано или поздно «шалости» кончатся тюрьмой. Вас не пугает такая перспектива?

— Возможно, кончатся, а возможно, и нет. Кому как повезет. И потом в тюрьме тоже живут. У каждого в жизни бывают трудности на пути к цели. Тюрьма — одна из таких трудностей.

— Вы сказали «на пути к цели». Какая же у вас цель?

— Как у всех нормальных людей: достаток, возможность иметь в жизни все то, что имеют современные деловые люди. Газеты и мы читаем. Разве есть еще такие, которые живут ради светлого, призрачного будущего? Большинство из нас — из малоимущих семей, и нам ничего не светит в жизни. А в «конторах» путь к достатку много короче, хотя и связан с некоторым риском. Здесь мы узнаем вкус власти, настоящей власти кулака, и у нас есть шанс выбиться в люди, иметь машину, твердый приличный заработок и не бояться с наступлением темноты выйти на улицу. Молодняк у нас в день рублей по десять имеют, отнимают у одноклассников. Посчитайте, сколько это выходит в месяц. За такие деньги их родителям вкалывать и вкалывать.

Убийственно примитивный расклад: не нужно приобретать знания, изучать ремесло, напрягаться. Достаточно лишь убить в себе все человеческое: жалость, сострадание, уважение к закону, старшим, обществу — и путь к достатку открыт, «хотя и связанный с некоторым риском». И как ни странно, именно каннибальская прямолинейность смысла жизни и отсутствие вразумительной альтернативы у общества делают эту «философию» популярной в среде подростков, предоставленных самим себе.

Сейчас проблемой группировок в Татарии занимаются многие ведомства: правоохранительные органы, комсомол, народное образование, а казанская зараза распространяется все шире. Зарегистрирован небывалый всплеск детской преступности. Больницы пополняются подростками с тяжелыми увечьями.

Одними карающими мерами невозможно решить проблему, да милиция и не способна сегодня на это из-за низкого уровня технической оснащенности и других объективных причин. Борьба с группировками осложнена еще и тем, что виновником, скажем, тяжелой травмы, полученной в групповой драке, может быть кто-то один, от силы — двое-трое. Правоохранительные органы обязаны выявить именно их. Но задержать виновных на месте преступления не всегда возможно, потому что внутри стаи действует тот самый жестокий закон: один за всех и все за одного.

А что же семья? Разве родители не могут повлиять на своих ребят? Увы! Родители детей, вовлеченных в преступные группировки, практически не имеют на них влияния. В стаях насаждаются презрение, пренебрежительное отношение к семье, формально мотивированное тем, что родители со своей моралью оказались неспособными обеспечить безбедное существование, остались в дураках. Фактически такая неприязнь — необходимое условие процветания группировок. Кстати, лишь в тех семьях, где родители способны быть выше личных интересов, социально активны, идеология группировок оказывается бессильной. Но таких семей немного. Как и многие другие общественные институты, наша семья находится в глубоком кризисе, и надеяться на ее помощь в столь трудном деле по меньшей мере глупо. Семья своего ребенка защитить не в состоянии. И у того нет иного выхода — или со всеми, или против всех, что равносильно самоубийству.

А что касается популярного до недавнего времени призыва: «Всем миром навалиться...», то нам хорошо известно, как плохо работают лозунги, если не имеют ни морального, ни материального обеспечения, если зиждятся на песке.

Криминогенная обстановка в Казани, Набережных Челнах, Ростове-на-Дону и многих других крупных промышленных городах не изменится до тех пор, пока не ослабнет в них социальная напряженность. Не решится проблема профессиональной занятости молодежи, не повысится уровень культуры.

Альберт
Борисов



Продолжение. Начало —
на первом развороте журнала

знаком с его работами —
ведь Гнисюк уже два десятка лет
фотокорреспондент журнала
«Советский экран».

Вся панорама советского кино
предстает со страниц многих изданий,
преломленная не только линзами
фотоаппарата Гнисюка, но и его
личным отношением, творческой манерой.

Он не воспроизводит
действительность, он ее создает —
системой своих образов.

А образы его —
прекрасны. Обратим внимание
на такое обстоятельство:
ведь понятие прекрасного
для очень большого числа людей
связано именно с обликом любимых
и популярных актеров и актрис.

А всех их увидел
и постарался показать в них
самое лучшее, самое доброе,
самое красивое именно Гнисюк.
— Не много ли комплиментов! —
скажет ревнивый профессионал.

Ведь только что мы говорили
об анонимности фотографии
как искусства!

Да, это так, но разве размноженные
в десятках и сотнях миллионов
экземпляров снимки,
которыми любят вся страна,
весь народ, так уж
нуждаются в имени!

«В лесу родилась елочка»
тоже имела конкретных авторов,
они давно уже забылись, но
разве песенка стала от этого
менее привлекательна! Она давно уже
народная — в лучшем смысле
этого слова. Так же народна, наверное,
и фотография Миколы (так зовут
его все друзья и коллеги) Гнисюка.

Три мира Миколы Гнисюка —
так мы хотели назвать этот небольшой
материал о творчестве
признанного и любимого автора.

Но потом появилось название
более краткое и емкое — «Сын».
Однако что же это за миры Гнисюка!

На самом деле-то, наверное,
их неизмеримо больше — столько,
сколько настроений у человека,
сколько мгновений у ночи,
сколько оттенков у заката,
сколько трелей у майского соловья.

Но три мира — мир кино,
мир фотографии и мир семьи —
все же главные;
на них и стоит художник Микола Гнисюк.

Мы сознательно отобрали
для показа на наших страницах
самые малоизвестные,
еще не печатавшиеся
его работы — семейный круг.
И еще уже — сын. На серии снимков,
которые так непохожи на обычные
семейные фотографии,
перед нами становление человека —
от младых ногтей до принятия
воинской присяги.

Будет ли сын Гнисюка
и сам художником или выберет
иной жизненный путь —
дело будущего; пока же мы
с увлечением и интересом
читаем еще одну повесть
о детстве, отрочестве и юности.

Записки
учителя
из колонии
для девушек

Продолжение.
Начало в №№ 11, 12
за 1989 год,
в №№ 1, 2 за 1990 год

ВЛАДИМИР
ЧЕРЕДНИЧЕНКО

Бывшая староста класса, уже не в сером халате с именной биркой — в простеньком ромашковом платице, спешила мне навстречу, приветливо улыбаясь. Мы, наверное, обнялись бы, годись я по возрасту ей хотя бы в отцы, а так ограничили лишь теплыми словами приветствия. Мы прошли через арку в жилую зону. Отделение уже ждало. Собрались в беседке, долго рассматривали Татьяну — как выглядит, в чем одета, обута, — расспрашивали о жизни на свободе. Кузовлева начала рассказ с того времени, когда принесла документы в вечернюю школу. Секретарь, заглянув в табель, в котором были одни «пятерки», приветливо улыбнулась. Но тут же и нахмурилась, долго рассматривала оттиск школьной печати.

— Послушайте, что это за школа у вас такая?.. Не та ли это?..

Девушка достала из сумочки и положила перед ней справку об освобождении.

— Поверьте мне, — сказала тихо. — Не нужно, чтобы о моем прошлом знала вся школа.

Секретарь равнодушно поинтересовалась:

— Как вы это себе представляете? Я должна скрывать?

Корниенко спрашивает:

— Были у тебя, Таня, еще случаи, когда нервы на пределе?.. Когда могла сорваться?..

— Были, — говорит Кузовлева искрен-

ЗА ЗАКАТОМ- РАССВЕТ

не. — На работе каким-то образом многие узнали о моем прошлом. У нас есть в цеху девица одна — Люба. Подошла однажды, когда я расчесывалась перед зеркалом, потихоньку оттерла плечом и сама начала прихорашиваться. Честно скажу, так врезаться хотелось этой Любаше, но сдержалась, отошла молча. Ну, подерись мы — кого называли б виновной? — Тебя, конечно, — пробасила Бондарь. — Ты же «сидела», деточка...

— А я б ей голову об стену растерла! — не сдержавшись, высказалась Чичетка.

Воспитанницы зашумели, заспорили. Тут уже и мне необходимо было включиться: — Такову, как Любаша, в самом деле лучше обойти стороной. Она не только Татьяну оттирает, нет, это не презрение Татьяна за то, что была в колонии. Любаша ко всем одинакова. Зайдет в трамвай фронтончика, как считаете, уступит ей место?

— Нет.

— Вот и не горячитесь. Хотя вы и из колонии, но опускаться до уровня отдельных невоспитанных личностей, наверное, не стоит...

Вопрос после паузы задала Гукова.

— Говорят, ты, Танюша, вышла замуж?

— Да, ровно месяц назад.

— А кто из наших на свадьбу приезжал?

— Дорошенко...

— Оксана? — воскликнула Шумарина. — Ну как там она?

— Трудно сказать, — признается Кузовлева. — Мать ее снова запила. И с тем парнем, надеялась на которого, плохи дела: не из серьезных намерений он в колонию писал. Что касается работы — ей так и не удалось устроиться.

— Что еще о наших на свободе слышно? — подбросила Корниенко. — Моя землячка, Водолажская, тебе еще не написала?

— Ольга? — искренне удивилась Кузовлева. — Она освободилась?

— Давно уж, неделю назад.

По УДО?

— Условно-досрочно, — подтвердила Шумарина. — И я скоро, наверное, к своему Димочке поеду.

— И я! — почти выкрикнула Корниенко. И тут же сникла. — Вот только не знаю, ждет ли кто.

— Ладно, к черту, — произнесла раздосадованно Неля. — Давай, Танюшка, о хорошем. Как у тебя с мужем? Он знает о твоём прошлом?

— Знает и он, и его родители. — По лицу Татьяны пробежала тень. — Свекровь приняла в штыки. У Володи даже отношения с ней разладились из-за меня.

— Вы живете отдельно?

— Да, сняли квартиру.

— Муж, наверное, много зарабатывает?

Кузовлева в ответ пожала плечами. — Как сказать. У Володи получается «чистыми» сто пятьдесят. И у меня де-вяносто.

— Хватает на все? — удивленно переспросила Чичетка. — Мне этих денег — на день...

— Значит, в семейной жизни все гладенько, — констатирует Катя. — А на работе, с техникумом как? Поступать не передумала?

— Не передумала, — улыбается Татьяна. — С техникумом все по заранее намеченному плану. А вот на работе было...

Кузовлева вспомнила случай, когда, получив зарплату, она подсчитала, что больничный лист ей не оплачен. Пошла в бухгалтерию выяснять причину. А бухгалтер вызывающе так смотрит в глаза и уверяет, что ее больничного листа нет. Татьяна растерялась.

— Я же вам лично две недели назад отдавала! После того, как подписала в профкоме.

— Ничего не знаю, не помню.

— Потерялся, может?

Бухгалтер обиженно надула губы.

— У нас никогда ничто не теряется!

— Что же делать? — спрашивала озлобленно Кузовлева. — Как доказать? Но-вый больничный принести?

— Неси дубликат, — безразлично ответила бухгалтер.

Закрывая дверь, Татьяна услышала, как бухгалтер вполголоса сказала соседкам по комнате:

— Пусть побегает, барыня!

В Кузовлевой все закипело. Но она уже научилась владеть собой, умела становиться выше собственных обид. Внешне спокойной возмратилась в комнату бухгалтера и решительно заявила:

— Если вы не найдете до обеда мой бюллетень, пойду к директору. И жалобу напишу — в газету «Труд».

Спустя час больничный лист был найден.

Письма. Едва ли не каждый день они приходят от бывших воспитанниц, их родителей, родственников. К сожалению, дальнейшая судьба не у всех колонисток складывается так, как у Татьяны Кузовлевой.

«Заранее прошу прощения за то, что не оправдала Вашего доверия, — так начинал свое первое за долгие месяцы после освобождения письмо Оксаны Дорошенко. — Простите, конечно, и за то, что не смогла ответить на два Ваши письма. Наверное, не только моя вина в том, что снова получила срок лишения свободы — 1 год. За тунеядство. Почему так — Вам ли рассказывать. Уж сколько я организаций обошла в поисках работы, везде от ворот поворот, да еще и с оскорблениями: такая молодая, а уже в тюрьме успела побывать. Справка об освобождении — хуже волчьего билета. А паспорт в милиции еще получить надо... Недели две я так помытарилась, плюнула, уехала к тетушке на дачу. Помогала по огороду, тем и кормилась. Мать пьяная приезжала — с матерью поругалась. Она меня ходить по этим конторам гнала, только я не пошла. Просила за меня там, где сама работает, там начальник ее отказал: мало мне матери-зэчки, давай еще дочку. В общем, прошло четыре месяца, и милиция меня разыскала. Чего не работаю, поинтересовались. Ну что им ответить? Здесь, во взрослой колонии, часто вспоминаю Ваши слова, что и режим, и нормы, и требования в ИТК не такие, как на малолетке. Вы обращались с нами как с детьми, а тут... И начальники отрядов, и осужденные женщины ругаются, матерятся так, что становятся дыбом волосы. А пахота — можно загнуться. Работаем в три смены. Голова кругом идет, но норму выпол-

няю. Попробуй не выполни, так накажут, что...

Владимир Иванович, если сейчас есть такие воспитанницы, которые, как Цирульниковы, стремятся поскорее перейти во взрослый лагерь, прочтите им мое письмо. А Цирульникова здесь, правда, в другом отряде. Вам передает привет. И просит прощения за свои былые проделки. Она разочарована страшно. Единственно, что здесь лучше по сравнению с «малолеткой», — курить разрешают. Но больно-то не накуриться. Только во время перерыва, в отведенном месте. А не так, как она думала, что можно курить одну за другой. Мы с Яной дружим, часто вспоминаем вашу колонию. Если бы можно было вернуться, работали бы и вели себя по-другому».

Я вспомнил день родительского собрания, когда встретил на КП приехавших вместе матерей Ольги Водолажской и Оксаны Дорошенко. Говорил с обеими. Анна Анатольевна слушала внимательно, ловила каждое слово, спрашивала. А Дорошенко-старшая, когда речь зашла о будущем ее дочери, лишь отвела в сторону глаза.

— Будет как-то, — неуверенно пообещала она.

Теперь я знаю, что значит это ее «как-то», мать Оксаны уже тогда не была уверена, что найдет достаточно сил, времени и желания, чтобы помочь дочери в первые недели после освобождения, — самые трудные недели. По словам замполита колонии Александры Афанасьевны Кочубей у бывших преступников, устроившихся и выдержавших первые два-три месяца, вероятность возвращения на прежнюю скользкую дорожку снижается в десятки раз. Говорил я об этом и писал Дорошенко-старшей, — ответа не было.

А вот другое письмо, от воспитанницы, которая была у нас активисткой и, верится, твердо стала на путь исправления. Путь нелегкий. Если бы ей, юной и несмысленной во многих житейских делах, кто помог, вместо того чтобы постоянно пытаться столкнуться с этой новой дороги.

«Помните Аню Кошкаркову? Очень не хотелось писать Вам всю правду, но от сестры я вынуждена была уехать в другой город — не с моими силенками оказалось противостоять прежним друзьям. Поехала в Сумы, к тетушке. Только здесь оказалось не легче. До того трудно, что пишу Вам сейчас, а сама плачу».

Тетя Рая меня встретила словами: «Возвратилась, тюремница!» И все же накормила, угол отвела. До того времени, пока не устроилась на работу и в общежитие. Но уже через неделю начала сгонять с квартиры. Долго, мол, устраиваюсь. А как быть, если даже с направлениями из милиции и бюро по трудоустройству принимать нигде не спешат? Уже октябрь, очень холодно, а я в летних босоножках и в кофте.

Вы, помню, говорили: верь в добрых людей. Ну и где они? Где? Соседи, которые при встрече со мной хватаются за сумочки и карманы? Или, может, та милостивая женщина из ЖЭКа, которая выбивается из сил для того, чтобы не прописать меня? Или добряк-участковый, который тоже мило улыбается, много обещает, но по лицу его видно, что никогда эти обещания не выполнит?

Так где же они?..

Владимир Иванович, сил моих больше нет так жить. К старому я не вернусь никогда, но я либо тетю Раю пришибу, либо с собой что-нибудь сделаю.

Можно было бы на квартиру пойти, но платить чем? Натурой? Не хочу. Может, повезет, выйду замуж — стану верной женой.

Только я вас прошу: не рассказывайте в отделении о моих трудностях, пусть не падают девочки духом. Очень возможно, что пока мое письмо дойдет до Вас, она все-таки выгонит меня из дому. Даже пятилетняя Наташка и та злобно настроена против меня. Тетя Рая говорит: пойду, заявлю на тебя, что ты над нами издеваешься. А как я издеваюсь? Спокойно улыбаюсь, когда она разрывается в оскорблениях. Ну, а что делать? Тоже кричать и брызгать слюной?»

Я пошел с этим письмом в воспитательскую, показал Заре. Надежда Викторовна нахмурилась, упавшим голосом сказала:

— Надо ехать. Кто поедет — вы?

— Если руководство отпустит. Утром пойду к Дине Владимировне.

В общежитии на столе у дежурного администратора меня ожидало еще одно письмо — от Водолажской. «Вот уже третий месяц я живу на свободе и даже не верится, что это на самом деле так, — сообщает Ольга. — Сплю ночью, а под утро просыпаюсь, жду звонка, построения на зарядку, на завтрак, на работу. Но открываю глаза — нет решеток на окнах. Я дома! И сразу так радостно становится на душе!»

Кажется, совсем немного времени, а я так много успела сделать: прописалась, комиссию прошла, поступила в училище. И на работу устроилась — нянечкой.

Ой, ну это я уже наперед забежала. Расскажу все по порядку. Встретили меня дома отлично. Собрались за столом все наши родственники. Я не знаю, как мне и отблагодарить их. Ни одного упрека, ничего грубого. Подарили мне одежду. У мамы первую неделю глаза от слез не высыхали. Первое время казалось, что мама не верит, боится, чтобы я не вернулась к прошлому.

Видели бы вы, Владимир Иванович, глаза моей мамочки, когда она придет с работы, а в доме чисто, кушать приготовлено, и я дома. Раньше я и не предполагала, что дома так чудесно. Хотя бы и просто так полежать с книгой и почитать. Согласитесь, в колонии не полежишь...

Обязательно передайте всем девочкам, что на свободе прекрасная жизнь. Все цветет, светится, бурлит, люди все счастливые, и так обидно, что девочки сейчас в колонии, а ведь их ждут мамы, которые не спят ночами, дарят свои слезы подушкам.

За меня переживать не нужно, я никогда не посмею подвести Вас, Ваше отношение ко мне и доверие — это самое теплое воспоминание о колонии...»

Утром на КП мне сказали, чтобы зашел к начальнику колонии. Я пытался угадать причину вызова. Заря успела сказать Дине Владимировне о письме Кошкарновой и моем желании помочь ей?

Оказалось, повод другой.

— Завтра, освобождается ваша Корниенко, знаете?

Я кивнул.

— За Катей — не приедут, — сообщила Васильченко. — Надо будет отвезти. И еще одно задание будет по Кривому Рогу. Знаете Лагутникову из пятого отделения?

— Знаю, но не очень хорошо.

— Найдите сегодня время узнать лучше. Ей скоро освобождаться, но родители, отказавшись от дочери еще задолго до суда, продолжают стоять на своем. Принимать Люду после освобождения не хотят. Надо зайти к ним — выяснить обстановку.

— Это сделаем, — сказал я, пометая в блокноте. — Но есть еще вопрос. Помните Аню Кошкарнову?..

Я дал Васильченко прочитать письмо от нее. Дина Владимировна, читая, темнела лицом.

— Если бы на всех нас могло хватить. Если бы к каждой можно было поехать... А у Кати ситуация будет, пожалуй, не легче, чем у Кошкарновой. И у нее дома не понятно, что творится...

На автовокзале я купил билеты на утренний рейс до Кривого Рога и отправил две телеграммы: одну — матери Корниенко, другую — Водолажской Ольге.

...За полчаса до звонка пробудки вышли с Катей за КП.

Свобода!..

Корниенко остановилась, уронила к ногам вешевой мешок. Еще темно, но даже при тусклом свете уличных фонарей вижу — в глазах заблестели слезы. Жадно вдыхает воздух. В потертых джинсах, облегающем свитере Катя уже не похожа на себя вчерашнюю. Дай Бог ей больше никогда не надевать серый колонийский халат.

Идем по старому городу. Молчим.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю Катю.

Она недолго думает.

— Когда-то рыцари были в тяжелых металлических доспехах. У меня такое ощущение, что я эти доспехи сняла.

Когда уже сели на автовокзале в рейсовый «Икарус», выезжали из города, Корниенко добавила:

— А еще есть чувство, будто я сегодня родилась.

Далеко за окном автобуса, на горизонте, с трудом пробиваясь сквозь грязную вату облаков, серел рассвет.

Катя, прижавшись лицом к стеклу, рассматривала колхозные угодья.

— Ну, что там? — говорю. — Все спыхано. Однообразие. Скучно!

— А мне ни капельки! — ответила Корниенко. — В зоне однообразие, не здесь...

Около часа ехали, не разговаривая. И снова я побеспокоил свою спутницу.

— Катя, это правда, что твой отец — подполковник милиции?

Девушка при упоминании об отце вздрогнула, сникла и, казалось, перестала дышать.

— Представьте себе! Уже полковник!.. произнесла с неожиданной гордостью. — Живет он в Саратове. У него другая семья...

Окончание следует

Ю. ГИППЕНРЕЙТЕР,
доктор психологических наук

ДАВАЙТЕ

Можно предвидеть: познакомившись в предыдущей беседе с методом позитивного разрешения конфликтов, родители непременно споткнутся на нескольких каверзных вопросах.

Вот первый. Не приведет ли предлагаемый метод к подрыву родительского авторитета?

Давайте обсудим различия между двумя понятиями: авторитет и авторитарность. Авторитарным называют человека, который стремится к власти и, пользуясь силой, добивается от другого подчинения. Авторитетен тот, чье влияние на поступки других основано на признании и уважении его мнения и личных качеств: компетентности, справедливости и т. п.

Для маленького ребенка родители — предмет почитания. В глазах малыша папа — самый сильный, самый умный, самый справедливый; мама — самая красивая, самая добрая, самая замечательная. Этот естественный авторитет родители получают как бы в дар от ребенка — просто потому, что они взрослые, а он еще мал, неумел, слаб. В первые годы жизни такой естественный авторитет дает ребенку очень много. Он бессознательно «впитывает» манеры поведения, вкусы, взгляды родителей. Но со временем соотношение сил меняется. Происходит неизбежное выравнивание возможностей детей и родителей. Может случиться, что папа уже не знает, как решить задачу, с которой справляется сын, а мама — не прочла столько книг, сколько ее дочь.

Наступает критический момент, когда авторитет родителей перестает держаться на преимуществе возраста.

Что же тогда происходит?

Родители оказываются перед драматическим выбором; и не только оказываются, но и делают его, часто не отдавая себе в том отчета. А выбор этот — между заслуженным авторитетом и авторитарностью.

Второй путь — абсолютно тупиковый. Власть, рассчитанная на беспрекословное подчинение или страх наказания, перестает действовать. Ребенок рано или поздно вступает в борьбу за самостоятельность, за право реализовать свои потребности и цели — и делает это со всей энергией своих юных сил. Дело порой доходит до открытой «холодной войны». И самое опасное — часто ощущаемая родителями невозможность повернуть назад.

На наш взгляд, выбор один: понять, что путь насилия над ребенком безнадёжен и рано или поздно приведет к разрыву отношений. Дочь перестанет быть дочерью, мать для нее превратится в чужого чело века и недоброго чужого...

Взрослый теряет авторитет, если начинает полагаться на запреты, давление, приказ. Он сохраняет авторитет, если остается образцом силы и опытности. Но не силы приказа, а духовной, личностной силы; и опытности, воплощенной не в механическом запасе знаний, а в мудром поведении.

ных ситуациях? И чем старше дети, тем дороже может стать плата за приобретение собственного опыта! Как же поступить правильно?

Универсального ответа здесь, конечно, нет. Но стоит помнить, что, систематически ограждая детей от опасности, мы, может быть, подвергаем их еще большей

ца скомканы, на полу вода, ванна не сполоснута...» (я-сообщение).

Марина: «Это все Сашка, он никогда за собой ничего не убирает!»

Саша (гневно): «Неправда, ты тоже там все побросала!»

Марина: «Нет, ты!»

Саша: «Нет, ты!»

Мама: «Мне неприятна эта сцена (я-сообщение). Марина, ты хочешь сказать, что после тебя остался в ванной порядок?» (активное слушание).

Марина: «Ну, не совсем порядок, но уж не такое, как после него...»

Саша: «Вот именно, «не совсем порядок!»»

Мама: «Сейчас, Саша, я послушаю и тебя. Значит, кое-что и ты не убрала?» (продолжение активного слушания).

Марина: «Ну, может быть, кое-что...»

Мама (Саше): «И тебе, Саша, обидно, когда тебя одного обвиняют во всем?» (Саша кивает). Значит, я поняла дело так, что каждый согласен, что он внес свой «вклад» в беспорядок. (Мама резюмирует ситуацию.) А папе теперь неприятно туда входить (активно слушаю папу), да и мне, признаться, тоже (я-сообщение). Что же будем делать?» (Ключевой вопрос, когда все выслушаны и страсти поутихли.)

Саша: «Пусть уберет каждый свое». (Мама выждала, пока предложение поступит от кого-нибудь из детей.)

Мама: «То есть на каждый носок и каждую лужицу прикрепим надпись: «Саша», «Марина». (Чувство юмора обычно очень помогает разрядить обстановку.)

Саша (улыбаясь): «Ну уж не до такой степени».

Марина: «Я готова вытереть пол и вымыть ванну, а он пусть уберет все остальное». (Еще одно предложение.)

Саша: «Ладно, я согласен».

Мама: «Ну что ж, мне кажется, это решение всех устраивает. Вы когда делаете это, сейчас или после ужина?» (Детализация решения.)

Саша: «Да чего там, давай сейчас. (Марина кивает.) А что значит «убрать все остальное?»»

Мама: «Ну что ж, мне кажется, это все остальное?»

Мама: «Пойдем посмотрим. (Идут все вместе.) Что тебе кажется надо сделать?»

Саша: «Ну полотенца, ну носки... еще мыло и мочалка...» (Детализация решения.)

Дети быстро справляются с уборкой, ужин проходит в мирной, интересной беседе. Инцидент забыт, а дети приобрели еще один ценный опыт «беспринципно-го» решения конфликта.

Наш цикл закончен. Мы назвали его «Азбука общения» — и недаром: в восьми кратких беседах удалось затронуть лишь самые основные проблемы необозримого «мира общения», обсудить, да и то в общих чертах, лишь самые основные «психологические подходы» к грамотному построению наших взаимоотношений с детьми. Надеемся в будущем продолжить этот разговор; а ориентирами для его продолжения будут ваши вопросы, мнения, предложения, успешный или горестный опыт общения в семье.

РАЗБЕРЕМСЯ

Беседа восьмая

Окончание.

Начало в №№ 9—12

за 1989 год.

№№ 1—3 за 1990 год.

Метод, с которым мы вас познакомили, помогает проявлять мудрость в трудных для вас и вашего ребенка ситуациях и удерживает от опасного крена в авторитарность.

Второй вопрос-сомнение: Не слишком ли много времени требует процедура беспринципного разрешения конфликтов?

Действительно, здесь не обойдешься «по-военному», командой из трех-четырех слов; приходится потратить 10 минут, а то и полчаса. Но, во-первых, заметьте; это — время не потраченное, а обретенное, дети и вся семья в эти минуты обретают опыт доброжелательного общения, взаимного уважения и понимания.

Во-вторых, при неправильном разрешении, а точнее — неразрешении конфликта он имеет свойство возобновляться. И часов, уходящих на бесплодные пререкания и ссоры, право же, наберется гораздо больше, чем потребуются их для разумного решения.

В-третьих, многие родители отмечают: с применением правильного метода конфликты начинают возникать все реже, а решаться все быстрее.

Третий непростой вопрос: как быть, если не удастся найти устраивающее всех решение?

Опасение не найти оптимального решения, как правило, не подтверждается.

Правда, это опасение естественно возникает, если наблюдать со стороны, как «коса находит на камень». Но в том-то все и дело, что наш метод предполагает заинтересованность обеих сторон в совместном решении. В этом случае пробуждаются изобретательность и готовность идти навстречу друг другу.

А вот такой еще вопрос: если ребенку грозит опасность, а он настаивает на своем, что и здесь нужно искать «совместное решение»?

Если от экстренности ваших действий зависит жизнь ребенка, то, конечно, нужно действовать энергично, не допуская возражений.

Однако приказ, запрет как главные методы предотвращения любой опасности, не до конца осознаваемой ребенком, не годятся. Обычно горячие споры вызывает такой вопрос: нужно ли позволить малышу догореть до горящей свечи, если он не подчиняется слову «нельзя» и продолжает тянуться к огню?

Одни родители считают, что они должны настоять на запрете, другие же — что следует дать ребенку обжечься, если уж он так настаивает.

Не та же ли альтернатива встает перед нами во многих и многих других жизнен-

ных ситуациях? И чем старше дети, тем дороже может стать плата за приобретение собственного опыта! Как же поступить правильно?

В то же время успешная практика совместного разрешения конфликтов может послужить хорошей школой воспитания в ребенке качеств, необходимых для разрешения внутренних конфликтов.

И еще один последний вопрос: А как вести себя, если конфликт разгорелся между детьми?

Хуже всего, если родитель к поднявшемуся крику добавляет свой повышенный голос: «Сейчас же перестаньте!», «Вот я вас сейчас обоих!» Пожалуй, еще хуже, если он берет сторону одного из детей; как правило, таким оказывается младший. Это может привести к избалованности младшего и стойкой обиде и ревности старшего.

В большинстве случаев неплохо оставлять детей разбираться самим. Можно послать «я-сообщение» примерно такого рода: «Мне не нравится, когда в доме поднимается такой крик», «Мне хотелось бы, чтобы дети разбирались со своими делами сами, а не жаловались мне».

Но бывают случаи, когда родитель втягивается в разрешение детского конфликта в качестве посредника. Тогда оказываются очень полезными уже известные нам способы: и активное слушание, и «я-сообщение», и «метод три».

Начать нужно, конечно, с активного выслушивания каждой из сторон.

Очень важно при этом соблюдать следующее правило: если вы в данный момент слушаете одного ребенка и он начинает чувствовать, что вы вникаете в его проблемы, дайте каким-либо образом знать другому, что и он будет столь же внимательно выслушан. Будьте уверены, другой ребенок очень ревниво следит за тоном вашего разговора, а отсутствие выговора, миролюбивые нотки в вашем голосе могут привести его к заключению, что ваши симпатии — на стороне «противника». Поэтому, пытаясь выслушать переживания одного, хорошо взглядами, прикосновениями, кивком головы посылать другому сигналы: да, вы помните и о нем тоже и в следующий момент будете готовы выслушать его внимательно.

Рассмотрим такой вот подробный разговор родителей с детьми, состоявшийся как-то вечером по не очень приятному поводу. Я постараюсь прокомментировать высказывания и действия родителей.

Папа: «Знаете, ребята, я зашел сейчас в ванную и мне было очень неприятно увидеть там полный беспорядок: полотен-

И. КУЛАГИНА,
кандидат психологических наук

ШКОЛЬНАЯ ОЦЕНКА И ОЖИДАНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Фото Н. Амелченко, г. Минск



Каких оценок ждут родители от своего ребенка-школьника?
Казалось бы, странный вопрос — конечно, хороших.
И действительно, большинству родителей
(за исключением тех немногих, которым вообще все безразлично)
хочется, чтобы учителя хвалили их детей
и ставили «пятерки» и «четверки».
Но эти общие пожелания не всегда совпадают с реальностью;
а в ней многим взрослым
приходится чаще видеть в дневнике не «пятерку», а «тройку»,
слышать не о восторженном отзыве учителя,
а об очередном «разносе».

Можно ли считать, что родители правы в своих не слишком радужных ожиданиях, если эти ожидания вновь и вновь подтверждаются? А учитель? Всегда ли он точен, требуя от ученика качественной работы, — ведь он постоянно видит, как тот работает и что можно от него ждать? И как все это отражается на самом ребенке, его самочувствии и успехах? Попробуем вместе подумать и вспомним некоторые старые психологические работы.

Школьная оценка — это не только отмет-

ка в дневнике, не только привычный для каждого ученика штамп «отличник», «средний» или «неуспевающий». Любое мимолетное замечание учителя, похвала, легкая улыбка, наклон головы в знак одобрения или, наоборот, пренебрежительный тон — это все тоже разные оценки, чутко улавливаемые детьми. Совокупность оценок, получаемых школьником за неделю, четверть, год, колебания, однообразие или неожиданные перепады в оценках влияют на его состояние, уверенность в себе,

собственное похимание своих возможностей. Такое влияние усиливается еще и тем, что учительское мнение о школьнике — мнение «в общем и целом», а не только об очередной контрольной — безошибочно угадывают все дети. И часто отношения одноклассников оказываются непосредственно связанными с оценкой учителя, постоянно «подпитываются» ею.

Одна из бед любого человека (а учителя, может быть, вдвойне) — в консервативности, стабильности образов тех, с кем он общается. Однажды сложившись, этот образ в своей первоначальной форме застывает чуть ли не навсегда. А «вдвойне» мы сказали потому, что именно дети вовсе не вмешаются в этот неподвижный образ. Даже в любой отдельный момент их жизни сказать о любом из них только как о «способном, но ленивом», «прилежной девочке» — значит ничего не сказать. Тем более мешает застывший образ ученика взаимодействию с ним на протяжении длительного времени. Но дело не только в отношениях учителя и ученика. Стабильные представления создают определенную атмосферу в классе; ученик оказывается накрыт, как сетью, системой ожиданий учителя и одноклассников. А эти ожидания далеко не всегда бывают высокими и воодушевляющими...

Дети, плохо успевающие с первых лет школьного обучения, обычно так и остаются на этом уровне успеваемости. От них и дальше ждут непонимания, низкого качества учебной работы, нежелания учиться. Низкая оценка учителя подкрепляет общие отрицательные ожидания, а ожидания порождают соответствующие результаты и оценки... Получается своего рода *порочный круг неуспеха* — и на все более низком уровне. Известно, как сказывается этот неуспех на развитии: снижается самооценка, исчезают учебные интересы; в подростковом возрасте находят новые сферы для самоутверждения — и не всегда ими становится что-то полезное для ребенка и окружающих. Не имея возможности утвердиться в учебе, особом знании какого-либо учебного предмета, общей эрудиции, — в том, что уважают в классе, — подросток, отрицая все школьные ценности, бунтует, нарушает дисциплину, находит друзей и помогающее самоутвердиться дело вне стен школы, в компаниях, неформальных объединениях. Увы, это знакомо всем — в каждом классе, в каждом дворе найдутся неблагополучные школьники, от которых *ничего хорошего уже не ждут*. Причем скепсис взрослых вроде и обоснован — едва ли не ежедневно он подтверждается дневниками, испещренными низкими отметками и замечаниями о выходках и проступках, которых «следовало ожидать»...

А бывают ли обратные примеры? Чтобы высокие ожидания учителя «подтягивали» ученика, делали его учебную работу более качественной и успешной. Безусловно, да. Самый известный из них — так называемый «эффект Пигмалиона», связанный с именем Р. Розенталя. Учитель, верящий в ученика, подобен мифическому Пигмалиону, создавшему статую — прекрасный образ — и вдохнувшему в нее жизнь. Живительность высоких ожиданий учителя особенно ярко видна, когда они не вполне соответствуют действительности — когда

ребенок еще «не дорос» до них. Суть же этого эксперимента такова. В начальной школе психологи определяли уровни умственного развития учеников и сообщали учителям, что несколько детей (на самом-то деле ничем не примечательных) должны дать интеллектуальный скачок в течение учебного года. Так ожидания непрерывного прогресса в учебной работе и высоких достижений школьников и особое отношение к ним учителя воодушевляли обе стороны. И большинство выбранных детей, действительно выказывали незаурядные успехи и заметно «оторвались» от сверстников.

Советский психолог А. И. Липкина изменила не только установки учителя, настроив его оптимистично, но резко изменила и позицию самого неуспевающего ученика, официально предоставив ему функции учителя. Роль учителя школьник играл, разумеется, не в собственном классе, где он почти безнадежно отстал, а в более младшем — всего лишь помогал такому же, как он сам, неуспевающему малышу. Тем не менее одной заботы о подопечном, для которого он стал авторитетом, и понимания, что ему доверяют, на него надеются, оказалось достаточно, чтобы самому «почувствовать себя человеком» — и постепенно ликвидировать пробелы в знаниях, что прежде самому же казалось непосильным.

Итак, ожидания учителя — реальная, действенная сила. День за днем воплощаясь в замечаниях, в гамме интонаций, мимики, жестов, они вновь и вновь ставят ребенка на место — привычное и постылое. Вспоминается в связи с этим учительница начальных классов, вроде бы очень милая и спокойная женщина, которая одному из мальчиков, не блиставших способностями, периодически говорила: «Опусти руку, все равно чепуху скажешь». «Сядь, все равно ничего не знаешь» или просто мягким жестом сажала его на место. Поскольку атмосфера в классе была достаточно теплой и все эти эксцессы были не слишком громкими, мальчик долго еще продолжал тянуть руку, чуть ли не выпрыгивая из-за парты в жажде что-то сказать. Немедленных последствий такого рода оценки вроде бы не имели — но и поддерживать, развить что-то в ребенке тоже не могли. Те искры, которые, конечно, были, остались незамеченными и постепенно угасали. Чтобы дать им возможность разгореться, нужны совсем иные реакции и действия учителя...

Что же могут сделать родители? Могут ли они помочь учителю либо сами стать Пигмалионами — неуспевающего ребенка сделать «средним», «среднего» — отличником, неорганизованного — усидчивым?

Могут многое, если не теряют чувства реальности. Да, ребенку необходимы поддержка, сострадание и сочувствие при неуспехе. Но когда мы и сами не хотим видеть недостатки ребенка, когда и ему в этом мешаем — предъявляем претензии при неудачах к кому угодно, только не к нему, — это вовсе не поддержка, а эгоизм, неадекватная самооценка. Родители в этом случае тоже пытаются стать своеобразными Пигмалионами; да только созданный их воображением идеал значительно отличается от того реального продукта, который они получают. Рано или поздно,

кстати, они это расхождение замечают. К сожалению, бывает, что очень поздно... А ребенка заметить это заставляет жизнь — и тоже зачастую поздно.

Нужен оптимум. Нельзя ожидать от ребенка без музыкального слуха (и тем более прямо внушать ему), что он будет прекрасно петь и играть. Безусловно, его слух разовьется в ходе занятий, но «лучше всех» он все равно не будет. Родителям необходимо не только *любить* своего ребенка, но и *знать* его — его особенности, интересы и способности. Это второе условие, без которого ожидания взрослых не сбываются. Присмотритесь внимательно: что у него получается лучше всего, к чему он имеет склонность.

Проявляя себя ярко в какой-то одной или нескольких сферах, ученик должен выполнять все остальное на определенном, посильном для него, качественном уровне. Ждать же, допустим, от ослабленного болезнями, астенического ребенка, чтобы он хорошо учился по всем предметам, нереалистично да и небезопасно. Тут может быть срыв в сторону негативизма, отказа выполнять невыполнимые требования. Может быть, он, стараясь оправдать надежды родителей, найдет в себе силы «выложиться»; да только какими это грозит последствиями для его здоровья и благополучия психики?

Школьный возраст, особенно младший, — благоприятное время для влияния близких взрослых на формирующуюся личность ребенка. Ибо, как считают психологи, с возрастом значимость для него ожиданий взрослых убывает. Еще один важный момент: и сами родители, чтобы их ожидания сбывались, воплощались в развитии ребенка, должны быть по-настоящему значимы для него, их мнение — важно и ценно.

«Моральная поддержка» ребенка — одновременно и возможность повлиять и на установки учителя, и на позицию школьника в классе. В этом заключается главная помощь родителей учителю (а не в голословном утверждении: «Наш ребенок лучше, чем вы думаете!»). Даже если учитель и рад бы согласиться с вами, у него нет пока реальных оснований проникнуться этой вашей идеей. Так создайте же такие основания!

Следует иметь в виду: учитель может вкладывать в оценку, прежде всего такую «зашифрованную», как отметка, один смысл, а ученик и его родители — другой. Желательно сначала разобраться — «кто что имеет в виду». Да и другое надо рассмотреть: как сам школьник понимает сложившуюся ситуацию. Обычно дети, особенно в начальных классах, ориентируются не столько на сам уровень оценки, сколько на ее справедливость — в их понимании. Часто, не умея еще оценивать результаты своей работы, они обязательно ждут от учителя высокой оценки вложенного ими в эту работу труда, старания, увлеченности, с которыми они все это делали. И если стараний было вложено много, а результат, несмотря на это, неважный — все равно посредственная отметка воспринимается как несправедливая. Вот взрослым и нужно вместе со школьником тщательно проанализировать работу, отделив результат от стараний. Старания поддерживать, а что касается результата — показать, что он достижим, если прило-

жить еще вот такие и такие-то усилия. Большое и плодотворное поле деятельности для родителей — вместе с ребенком учиться оценивать его учебную работу!

А что делать, если отметка действительно занижена? Например, из-за тех же отрицательных ожиданий учителя? Если у учителя возникла отрицательная установка, задача ученика и родителей — не дать ей закрепиться. Особенно это важно в переломные моменты — в самом начале обучения, при переходе в средние классы, при появлении нового учителя. Мобилизовать силы, удивить учителя одним хорошим ответом или письменной работой — обычно этого уже достаточно для перелома в наметившемся учительском стереотипе. Впрочем, сделать это никогда не поздно, хотя чем дальше, тем труднее...

Отметим, что с завышенными оценками для детей все обстоит гораздо проще. Описанный психологами «феномен горькой конфеты» (получивший свое название оттого, что дошколята отказываются получать конфету в награду за нерешенную задачу — незаслуженная конфета для них становится как бы горькой) в школьной практике встречается нечасто. Чаще всего такие оценки не воспринимаются как завышенные: раз высокая оценка, значит, справедливая, значит, я ее чем-то заслужил. Некоторые неприятности здесь могут произойти от одноклассников. Они обычно отрицают незаслуженно поставленные «пятерки», считая их обладателя «любимчиком» учителя; если же речь идет об оценках более скромного достоинства, то они реагируют скорее снисходительно.

Родителям, стремящимся вникнуть в сложную проблему справедливости школьной оценки, напомним, что редкие завышенные оценки бывают разными. Неадекватно завышенные оценки, которые так не любят ученики в классе, действительно вредны. Но бывает и завышенная оценка-аванс, ориентированная на не раскрывшееся еще возможности развития ребенка.

Здесь высокие ожидания учителя имеют целью подтянуть ученика, в том числе одаренного. Такая оценка-аванс стимулирует активность; ничего плохого в ней нет. И, разобравшись в этом, нужно научить ребенка с уважением относиться к чужому труду и способностям, которыми он сам пока не блещет. Мудрые учителя используют иногда и еще одну разновидность завышенной оценки — оценку шадящую, поддерживающую слабого или неуспевающего ученика. В этом случае доверие и доброжелательность учителя, принятие и умноженные родителями, способны поистине сотворить чудо.

Так как же все-таки родителям, ожидающим школьных успехов, оценивать своего ребенка? Оптимистично — прежде всего. Непременно с известной долей реализма; а для этого нужно знать его сильные и слабые стороны. И наконец, родительская оценка должна быть динамичной — всматривайтесь сами и учите ребенка видеть продвижение к поставленной цели. Вместе с ребенком отмечайте каждый самый маленький его успех на этом пути. Радуйтесь вместе с ним!

Стоит по-настоящему поверить в его силы, помочь ему справиться со своими слабостями и неуверенностью — и ожидания начнут постепенно сбываться.

И. ЗЮЗЮКИН

ПЕДАГОГ ПО ИМЕНИ ПРИРОДА

*Как-то во дворе школы,
расположенной
неподалеку от моего дома,
я несколько дней
наблюдал
одну и ту же картину.
Едва начиналась переменка,
пятеро мальчишек
выскакивали из дверей и со всех ног
устремлялись к укромному
зеленому уголку
в школьном дворе.
Там, среди кустов
и зарослей полыни,
они бегали, прыгали,
прятались друг от друга,
из-за чего-то, как водится,
ссорились
и тут же мирились.
Словом,
несколько минут жили настоящей,
веселой ребячьей жизнью
и по звонку на урок
мчались обратно в класс...
Еще раз
я увидел эту ватагу
в погожий денек.
Они прибежали
к своему укромному уголку,
и его... уже не было!
Там, где они любили играть,
проходила
подземная коммуникация.
И вот
вместо травы и кустов
перед ними
предстала гора
навороченной экскаватором
бурой безжизненной глины.
Они молча побрели в школу
еще до звонка на урок.
Больше я их вместе не видел...*

Каждый из нас может припомнить случаи погорше, когда в ходе стройки или ремонта взрослые походя сваливали вековые деревья, дававшие тень и прохладу, спускали пруд, в котором любила барахтаться ребятня. А тут — всего три-четыре кустика и полынь! Но что-то же значили они в повседневной жизни пятерых мальчишек? Какой вред ремонтники нанесли не только земле, но и детям, уничтожив (уже в который раз, пока я здесь живу!) этот крохотный кусочек живой природы?

Так что же дает природа детям? Чего они лишаются, лишаясь ее? В поисках ответов на эти вопросы я позвонил моей давней знакомой Людмиле Ивановне Новиковой, в прошлом сельской учительнице, ныне профессору, доктору педагогических наук, автору многих книг о воспитании.

— Природная среда и дети? — сразу поняла она, о чем речь. — Специально я этим вопросом не занималась, хотя согласна, проблема очень важная... Но вам повезло. На днях я буду оппонентом на защите одной кандидатской диссертации. Написал ее Михаил Васильевич Шептуховский, декан факультета Шуйского пединститута. Он преподавал и сейчас преподает в школе биологию, много лет руководил клубом юных друзей природы и его диссертация посвящена как раз тому, что вас интересует...

А через некоторое время все, кто имел самое непосредственное отношение к защите — уже знакомая нам Людмила Ивановна Новикова, научный руководитель диссертанта кандидат педагогических наук Маргарита Дмитриевна Виноградова, второй оппонент кандидат педагогических наук Зинаида Викторовна Баянкина и только что защитившийся Михаил Васильевич Шептуховский, ответили на мои вопросы.

— Я хочу начать наш разговор с призыва быть реалистами. Например, в оценке того, в каком состоянии привела урбанизация природу. Чего, к примеру, стоит одно название книги английского историка А. Тойнби, посвященной острейшим духовным и нравственным проблемам жизни человека в современном городе, — «Ас-

фальтовая культура»... Сложившаяся экологическая ситуация понуждает делать трезвые, без всяких скидок выводы. И мне хочется начать с вопроса о том, как бедность природного окружения в городах влияет на самочувствие и поведение современных детей и подростков. Во всем мире, в том числе и у нас, высок уровень детской преступности, в среде подростков все активнее вторгаются наркомания, алкоголизм... Имеется ли, на ваш взгляд, ка-



кая-то связь между этими явлениями и «асфальтовой культурой»?

Л. И. Новикова. Связь самая что ни на есть прямая. По-моему, наиболее точно на этот счет высказался известный французский социолог и мыслитель Ф. Сен-Марк. «Вырождение природы, — говорил он, — вызывает равнозначное вырождение человека. Оно калечит его физически и духовно, угрожает не только его счастью, но и его личности, его равновесию и разуму». Деградирующий человек, в свою очередь, безжалостен по отношению к природе, обращается с ней точно безумец, который пилит сук под самим собой...

М. В. Шептуховский. Алкоголизм, наркомания и агрессивное отношение к природе находятся в одном ряду. Все эти явления присущи вырождающейся личности...

З. В. Баянкина. Острее всего последствия урбанизации испытывают на себе именно

дети и подростки. С природой, с нашими «меньшими братьями» они знакомятся чаще всего по книгам, картинкам, кино- и телефильмам. И это пагубным образом сказывается на уровне их знаний о жизни, их нравственном, эмоциональном и даже психическом развитии.

Л. И. Новикова. Пожалуй, ни в одной стране урбанизация не достигла такого уровня, как в Японии. И тем не менее в этой стране в последние годы стремятся осла-

жить человека и природы. А в нашей биологии, и в педагогике тоже, долгое время господствовали лысенковские взгляды на природу как на что-то такое, с чем можно обращаться, как кому хочется.

З. В. Байякина. Но справедливости ради замечу, что в годы засилья лысенковщины наши лучшие педагоги учили детей уважительному отношению к природе, создавали ее непреходящее значение для нормального развития личности. Пожалуй,

— Вы хотите сказать, что в целом наша школа, за некоторыми исключениями, слабо использует природу как второго учителя и воспитателя?

М. Д. Виноградова. Слабо — это еще мягко сказано. В подавляющем большинстве случаев — никак не использует.

— Но почему? Не может? Не хочет? Или даже не задумывается над этой проблемой?

З. В. Байякина. Начать с того, что наши школьные педагоги, может, и хотели бы, но не в состоянии работать в союзе с природой. Классно-урочная система преподавания сама по себе исключает живую связь с природной средой. Один урок сменяется другим, за математикой следует история, за историей — физкультура, за физкультурой — биология... И все без органической связи с жизнью и окружающим школу миром. Такой системе, кроме классной доски, учебников и тетрадок, больше ничего не нужно... И воспитательная работа, не только классная, но даже и внеклассная, проводится, как правило, в стенах школы. Учитель словно боится выйти с детьми за порог, даже в тот же школьный двор, и как много теряют его воспитанники.

Л. И. Новикова. Абсолютно согласна с вами. Недавно я была на уроке биологии в одной из московских школ. Спросила учеников, почему в последние годы в городе и Подмосковье невероятно много развелось ворон, а многие виды птиц, наоборот, исчезли. Оказалось, никто даже не знал об этом, хотя, чтобы заметить засилье вороньих стай, достаточно глянуть в окно. А на перемене из разговора с учительницей я узнала, что она обо всем этом слышит впервые. Современная иллюстрация к старинной поговорке: «Каков поп, таков и приход».

Что остается в памяти учеников от изучения школьного предмета биологии? Почти ничего, пресловутые тычинки и пестики. Знаете, когда наше телевидение начинает показывать очередной раз зарубежный телесериал, посвященный, скажем, зарождению и эволюции жизни на Земле, я думаю: вот если б и уроки в школе были пронизаны таким же интересом, такой же любовью к природе и ко всему живому! Сегодня состояние экологии ставит под вопрос само существование человечества, и значение такого предмета, как биология, особенно велико.

— Мне кажется, крен в сторону абстрактных, омертвленных знаний не был ни досадным просчетом, ни случайностью. Если задуматься, то авторитарной педагогике живая связь с природой совсем была не нужна, больше того — она ей противопоказана. Все, что находится вне стен школы, враждебно авторитарной педагогике. Там отношения между детьми выстраиваются естественным образом...

Л. И. Новикова. А ведь когда-то мальчишки, да и девочки тоже, росли, подражая дикарям. Чуть чего — в лес, на речку. Мы в своем детстве строили землянки, все наши игры так или иначе были связаны с природой... А сейчас наблюдается какое-то дикарство наоборот. Подростки толкуются в подъездах, на своих «сходняках» где-нибудь за гаражами. Немало и домо-сегодов...

М. В. Шептуховский. Опросы, которые я проводил в школах разных регионов стра-



бить или, по крайней мере, нейтрализовать отрицательные ее последствия, в том числе и в сфере обучения и воспитания детей. В японских школах проводятся уроки «любования природой». Преподавание многих предметов предусматривает регулярные природоведческие экскурсии. Очевидно, не в последнюю очередь благодаря школе японские дети, как показывают исследования, различают в среднем до двухсот оттенков цветов. Наши дети различают только двадцать. Не ручаюсь за абсолютную точность этих цифр, но соотношение примерно таково и оно, как видите, не в нашу пользу.

— Или, вернее сказать, не в пользу нашей педагогики...

М. В. Шептуховский. Замечу по ходу разговора, в Японии и других странах Востока религиозные и философские учения издавна проповедуют идею единства и нерастор-

самый яркий пример тому — В. А. Сухомлинский. Вся его «педагогика сердца» пронизана любовью к природе и пониманием того, как она возвышает и обогащает человека.

Л. И. Новикова. Обнадеживающие примеры сотрудничества с природой можно найти и сегодня. Я знаю школу, где существует традиция в определенные дни начинать занятия в пять часов утра. Учителя и ученики собираются в эту пору, чтобы встретить восход солнца. В Эстонии интересно работает педагог Лео Теннисон, который умеет связывать уроки рисования с пытливым изучением тайн и закономерностей природы...

М. Д. Виноградова. Но ведь это только крупицы интересного опыта! А системы, которая бы органично соединяла обучение и воспитание с природой, у нашей педагогики нет как нет.

ны, показали: коллективные выходы на природу устраниваются так редко, что примерно треть подростков бывает за городом лишь один-два раза в году.

— *Что же происходит с нами? Ведь когда-то знание леса, повадок зверей, птиц, рыб, примет времен года, способность понимать и тонко чувствовать природу считались неотъемлемыми качествами человека. Люди гордились своей близостью к природе не меньше, чем образованием или богатством. А теперь?*

З. В. Баянкина. Возродить былые патриархальные отношения с природой невозможно. Мы не те, да и природа тоже. После долгих лет «абсолютного господства» над ней пришла пора отрезвления. Природы осталось так мало, что теперь во многом от человека зависит, сохранится ли она вообще. Сегодня уже недостаточно просто любить, тонко чувствовать ее. Надо знать, как помочь ей. И одними уроками биологии тут не обойдешься.

— *Но, говоря о природе и необходимости поддерживать с ней живую, постоянную связь, мы все-таки чаще всего имеем в виду дику, неурбанизированную природу. Почему это происходит, по-человечески понятно: основной бор куда приятнее, чем шумные, окутанные чадом выхлопных газов городские кварталы. А между тем природа — парки, скверы, пруды — есть почти в любом городе. Почти у каждой школы — свой двор, участок. Так ведь?.. Но почему даже тот скромный зеленый мир, что окружает наши дома и школы, то и дело подвергается нападению? Причем со стороны именно тех, о чьих интересах мы, беседуя сейчас, печемся, — со стороны подростков? Глядишь, то деревце сломают, то забор повалят, то цветы затопчут...*

М. В. Шептуховский. По поводу природного окружения современных школ я тоже проводил опросы среди выпускников. И вот на что обращаешь внимание: большинство опрошенных не могут сказать, как выглядит двор их школы, что в нем есть и чего нет. А это означает, что все десять лет учебы школа и природа вокруг нее не увязывались в сознании в единое целое.

М. Д. Виноградова. И немудрено. Дети входят в школу рано утром, а выходят во второй половине дня. А если продленка, то и вечером. Судите сами, сколько времени они не видят ни солнца, ни неба, ни зелени, не дышат полной грудью. Разве это нормально?

М. В. Шептуховский. Но почти все опрошенные мной ребята что-то делали для озеленения школы: сажали, поливали, пололи. А не запомнилось ничего, потому что все это делалось формально, под давлением учителя.

Нет, равнодушными к природе дети не рождаются, они становятся такими. Если поговорить с ними по душам, оказывается, у них есть свои идеи насчет того, как должен выглядеть школьный участок. Одни представляют его плодоносящим садом, другие — засаженным дикивинными деревьями и экзотическими цветами, третьи готовы заниматься на нем опытнической работой. Словом, мечтают о том, чего около наших школ, как правило, в помине нет.

— *Неужели достаточно вовлечь детей в благоустройство и озеленение школ и проблема экологического воспитания исчезнет?*

М. В. Шептуховский. Нет, конечно... Любое дело можно заформализовать, ополить. Даже если окружим школы райскими кущами, для воспитания это ничего не даст. Воспитывает не сама природа, а отношение к ней, творческое ее изучение и совершенствование. То есть как раз то, чем советская педагогика фактически не занимается. Не в пример нам, в других странах, скажем в школах ГДР, учеников знакомят с теорией «зеленого строительства», им доверяют составление проектов озеленения детских садов.

Л. И. Новикова. В Чехословакии первый месяц учебы посвящается туризму и природоведческому экскурсиям. Все занятия, беседы с учениками подчинены идее слияния человека с природой...

М. В. Шептуховский. Но при этом не стоит впадать в другую крайность: приобщать детей к природе, преследуя лишь утилитарные цели чему-то обучить, что-то воспитать в них. Этим они сыты по горло в школе. Общение с природой, особенно летом, когда много свободного времени, должно приносить радость.

— *Да, летом за городом, в пионерских лагерях, природы хватает! Но и там педагоги и возматые умудряются отгородить ребят от нее. В буквальном и переносном смысле слова — высокими заборами. Для младших отрядов изредка устраиваются экскурсии, похожие на заурядную прогулку. Да еще в ту пору, когда в соседних хозяйствах становится плохо с кормами, пионеров вовлекают в антипедагогическую, по сути, затею, заготовку веток. Мне кажется, именно летом наиболее отчетливо проявляется наше неумение использовать природу в воспитательных целях.*

В этом смысле сельские мальчишки и девочки находятся в куда более выгодном положении. До леса, до реки — рукой подать. Так что же? Следуя логике наших рассуждений, можно предположить, что духовное, нравственное становление у сельских ребят происходит быстрее и не так болезненно, как у городских?

Л. И. Новикова. В том-то и дело, что любовь к природе, способность видеть ее красоту с генами не передается. Это надо воспитывать изо дня в день.

— *Конечно, плохо, когда дети в чем-то отстают в своем развитии. Но, положив руку на сердце, признаем, беспокоят нас в первую очередь сиюминутные проявления их неразвитости: низкая успеваемость, грубое поведение, эстетическая глухота и тому подобное и не принимаются в расчет отдаленные результаты наших ошибок в воспитании. Скажем, по какой причине в годы застоя в различных ведомствах и проектных институтах развелось столько горе-специалистов, которые с легкостью необыкновенной планировали осушение болот, обводнение пустынь, совершенно не думая об экологических последствиях этих широкомасштабных вторжений в природу? Что было за душой у тех, кто довел Арал до сегодняшнего плачевного состояния, кто разрешил сброс промышленных отходов в чистые воды Байкала, кто наметил и уже было приступил к повороту северных рек?*

Л. И. Новикова. Люди, о которых вы говорите, чаще всего исполняли команды сверху.

— *Допустим. Но ведь и исполнителем можно быть ретивым или не очень... На мой*

взгляд, сказать, что во всем виновата административно-командная система — это еще не все сказать. Ведь наряду с широко-масштабным головотяпством повсеместно наблюдалось и, так сказать, мелкомасштабное. Там заповедный лес спилили на дрова, там в красивую речушку слили мазут. Причем делалось это часто теми, кто в юные годы гулял в заповедном лесу, купался и удил рыбу в чистой воде. Неужели не жалко было живое губить? По-моему, у таких людей утрачены личные отношения с природой. А если их нет, об экологической культуре говорить не приходится...

М. В. Шептуховский. Эту утрату личных отношений человека с природой можно было заранее предвидеть. Педагогика, пренебрегающая природой, растит будущих формалистов, циников, прагматиков. Для таких что Арал, что Байкал...

Л. И. Новикова. Да, многое в нашей школе надо менять. Но почему мы все грехи и просчеты в воспитании, в том числе и экологическом, списываем только на школу? А семья, а все наше общество в целом — разве ни при чем?.. Все умеют ругать учителей. Помогать же...

— *Согласен. Есть объективные трудности и у школьной педагогики, и у семейной: нехватка времени, перегруженность делами и так далее... Но я бы хотел назвать одного педагога, которому все нипочем! Вот он-то использует природный фактор намного успешнее, чем школа и семья, вместе взятые. Имя этого педагога — улица.*

Вы не хуже моего знаете, почему улица столь могущественна — она строит отношения между подростками без тени формализма и заорганизованности, каждому отводит ту роль, какой он более всего достоин. В этом смысле она куда ближе к природе, чем семья и школа. Конечно, полагаться на то, что улица научит детей только хорошему, нельзя — с большим успехом она учит и плохому. Но для меня несомненно одно: школьная и семейная педагогика могла бы многое перенять у нее...

М. В. Шептуховский. Учиться у улицы можно и надо, но копировать ее ни к чему. Дело в другом. Как педагог я должен отдавать себе отчет в том, что ни мой возраст, ни звание учителя сами по себе еще не делают меня авторитетным человеком в глазах детей. Авторитет и уважение приходится завоевывать вновь и вновь. Для меня на первых порах самое главное — установить с детьми дружеские, основанные на доверии отношения. Чтобы пробудить интерес к предмету, я даже стараюсь не обращать особого внимания на их шалости... И вот когда самые непоседливые, самые, что ли, «уличные» из них начинают на моих уроках пересаживаться с последних парт на первые, я говорю себе: кажется, наступил перелом...

— *А после чего он обычно наступает?*

М. В. Шептуховский. После нескольких наших вылазок за город, в лес, на речку...

М. Д. Виноградова. Надо иметь в виду, что Михаил Васильевич — заядлый рыбак, охотник и турист...

— *Сказать правду, в Вашей диссертации, Михаил Васильевич, мне были интереснее всего страницы, посвященные тому, как ваши ученики день за днем вырастали в мир природы. Действительно, никакие слова в защиту природы по силе воспитатель-*

ного воздействия несравнимы с такими наглядными картинками варварского отношения к природе, как следы лесного пожара или останки убитого браконьерами лося, на которые Вы набредали вместе с учениками во время походов и экскурсий...

Но самое большое удовольствие мне доставили те страницы, где Вы рассказываете о зимнем походе, когда ребята наблюдали за одной из самых мало изученных, таинственных обитательниц наших лесов — серой неясытью, ночной охотницей.

М. В. Шептуховский. Поход в самом деле был необычным, в чем-то рискованным. Мне надо было продумать все до мелочей, успокоить родителей, учителей... Да и себя тоже!

— В самый раз спросить: чем дети, которые более или менее часто бывают на природе, отличаются от тех, кто лишен живой связи с ней?

М. В. Шептуховский. Достаточно сравнить, какими мои ребята пришли в клуб юных друзей природы и какими стали... Не буду утверждать, что все они «заболели» биологией и все как один решили посвятить жизнь только ей. Такая задача и не ставилась. Но за что ручаюсь — все они «заболели» любовью к природе. Многие из тех, кто когда-то получал двойки, стали «консультантами» по биологии в своих классах. Я и сейчас их встречаю. Кое-кто уже отслужил армию, обзавелся семьей. Но чуть выдалось свободное время, рюкзак за спину и — за город...

М. Д. Виноградова. Абсолютно согласна, если хочешь по-настоящему узнать ребенка — веди его на природу. А приобщать к ней подростков — даже жизненно необходимо! Многие из них подвержены опасным стрессам, снимать которые легче всего, меняя привычную обстановку на непривычную. Природа у всех, а у детей особенно, вызывает прилив сил, подъем настроения. И педагогу лучше (а для здоровья даже и полезно!) на один день уйти со своими учениками в поход и вернуться домой с хорошим деловым настроением, чем, не сдержав этого, всю неделю покрывать на шумный, беспокойный класс, вступать с ним в конфронтацию...

— За малым дело стало: где взять этот день?

М. В. Шептуховский. Школам сейчас предоставлены большие права. Можно строить учебно-воспитательный процесс так, чтобы он органично включал в себя постоянные встречи детей с природой, давал учителю возможность, когда понадобится, высвободить полный день для природоведческих экскурсий и походов с учениками.

М. Д. Виноградова. Действительно, пришло время, когда школу и природу надо увязывать в единый блок. Без этого любые, даже самые радикальные, реформы в обучении и воспитании не принесут нам успеха.

— Тем более что горький опыт прошлого показывает: школа вне природы не может полностью проявить свою гуманистическую сущность. И хотелось бы надеяться, что читатели журнала, разделив нашу озабоченность состоянием экологического воспитания детей и подростков, поделятся своими мыслями, как вернуть в наши школы великого педагога по имени Природа...

ИЗ ДНЕВНИКА МАТЕРИ

Нашим читателям знакомы уже несколько глав из материнского дневника

Т. Светловой — дневника, в котором тонкие, глубокие наблюдения над повседневностью детской жизни соединены с пристальной, пристрастной даже внимательностью анализа поступков и душевных движений взрослых.

Конечно, жанр дневника здесь отчасти условен; события не непременно отсчитываются день за днем; иногда внимание автора высвечивает какую-то из острых родительско-детских проблем

и движется вслед за нею.

Так и в сегодняшней публикации.

О неразрывном единении маленького ребенка и матери и разрушающих это единение «ясельных муках» детей и взрослых уже высказывался на наших страницах психотерапевт А. Захаров (№ 5 за 1989 год);

теперь — те же ситуации с точки зрения матери и испытавших эти муки трех ее детей.

Что эта проблема серьезна и далеко наперед отзывается в детской жизни, мы, кажется, уже начинаем осознавать. Дело теперь за «немногим» — разрешить ее.

Т. СВЕТЛОВА

Разорванная ПУГОВИНА

Любой мне скажет, что пуповину ребенку перерезают при рождении. И делает это акушерка так быстро, что я, родив троих детей, только во время последних родов и увидела, как это происходит. Не знаю, может быть, меня поднимут на смех, но незримая пуповина и после этого соединяет мать и младенца. И с каждым новым прикладыванием малыша к груди связь эта становится все крепче. Оба тревожатся, если по каким-то причинам расстались даже ненадолго. Уставшая мать ночью может не проснуться от грохота грома; но любой «не такой» вздох своего дитяти, легкое всхлипывание во сне заставляют ее вскопиться и посмотреть, все ли в порядке. Возможно, если в семье много «нянек» (бабушки, тетушки и т. д.), если мама частенько оставляет малыша на своих помощников, связь эта слабее. Но когда оставить сына или дочь не с кем, когда ребенок всегда вместе с тобой, вот тогда-то и крепка эта «пуповина» — крепче, чем до рождения.

И вот исполняется малышу полтора года.

Пора на работу. И маме, и... ему. Он еще ни о чем не подозревает; а у мамы уже задолго до этого сердце сжимается от тревоги: как-то он привыкнет к яслям?!! Вот с первого-то ясельного дня и начинаем мы сами рвать эту пуповину. Рвать грубо, резко, больно — и что ребенку в том, что и мы сами страдаем при этом...

...Со всеми тремя сыновьями я через это прошла. Со старшим — уже двенадцать лет назад. Но даже первые шаги своих детей не запомнила так ярко, как первые дни, недели, месяцы привыкания к яслям. Эти воспоминания слились в единый болезненный клубок, который, несмотря на прошедшие годы, давит на сердце.

...В полтора года Саша еще очень мало и плохо разговаривал, был пугливым и плаксивым. Плохо ел и отвратительно спал. И вот такого ребенка пришлось мне вести в ясли. Можно, можно было как-то дотянуть до декрета (оставалось всего два месяца), но муж настаивал, обвиняя меня в том, что я не хочу приучить сына к коллективу. И я сдалась.

В первый день мы пошли в ясли всей

семей. И все с разным настроением. Муж — торжествуя: добился своего, и Саша будет теперь как все дети. Малыш — не понимая и не подозревая, куда его везут в коляске, радовался совместной прогулке. А у меня такая тяжесть на душе была, такая тоска, что ноги подкашивались.

По дороге домой в ушах у меня стояли вопли сынишки, впервые оставшегося в незнакомом месте, с незнакомой «тетей» и незнакомыми детьми. Дома все валилось из рук; я трех часов не выдержала — стрелой полетела за Сашей.

Все два с половиной часа он прорыдал, стоя на одном месте! То, что от завтрака отказался, понятно; но он даже не позволил посадить себя на стульчик.

Взяла я его — мокрого, в слезах и соплях, на руки; а он так облегченно вздохнул, как будто уже и не ожидал, что я приду за ним. Так и не отходил от меня весь день ни на шаг!

Четыре дня потом, едва увидев забор садика, Саша начинал так дико кричать, что мне впору было к нему присоединиться. От отчаяния и бессилия...

На пятый день Саша слег. Бронхит. Температура под сорок, кашель, хрипы... Не надо объяснять, как чувствует себя мать, когда ребенок болен. Думаешь: лучше бы самой переболеть! А тут мне обвинение от мужа:

— Ты специально его простудила, чтобы в ясли не водить!

Я даже и ответить не нашлась что... Вылечили. Я стала умолять мужа не отдавать больше Сашеньку в ясли.

Мой разговор на эту тему привел его в бешенство, и он пошел... на меня жаловаться в ясли. А Сашу, за время болезни уже успокоившегося и немного повзрослевшего, снова повел в ясли. Уже сам.

Боже, как стыдно мне было идти за ребенком! Что там обо мне подумают?! Как смотреть в глаза воспитательнице?

Саша по-прежнему не садился, не играл, не ел, не позволял высаживать себя на горшок. Плакал, правда, не все время, но находился в каком-то полушоковом состоянии. Так что неизвестно — что хуже...

Воспитательница сама завела со мной разговор. Сказала, что на жалобы мужа о том, что я не хочу приучать ребенка к коллективу, она ему ответила:

— Я работала медсестрой в спортобществе. Работа «непыльная», как говорится. Но когда дочке исполнился год, я пошла ради нее работать в ясли. Чтобы малышка все же была со мной! Так что любая нормальная мать мечтает до трех лет подержать ребенка дома.

Через три дня у Саши повторный бронхит. Вот тут уж муж на сто процентов уверен, что я п е ч а л ь н о простуживаю ребенка. Он строчит на меня жалобу в детскую поликлинику. Я жду комиссию, зная за собой еще один «грешок»: отказываюсь делать Сашеньке уколы, не желая не столько причинять ему физическую боль, сколько наносить психологическую травму. В общем, «семь бед — один ответ».

Я кормила сына, когда в квартиру поступила незнакомая женщина. Представилась врачом детской поликлиники и сказала, что пришла по жалобе мужа. Хорошая такая женщина, душевная. Мы обо всем с ней поговорили: и о «нежелательных» детях,

к каким, видимо, относится мой сын, и о лечении народными методами (травками, растираниями, горячими ваннами и т. д.) вместо антибиотиков. А в заключение она сказала:

— Вы извините, но когда я, прочитав заявление Вашего мужа, шла сюда, я никак не ожидала встретить нормальную, любящую своего ребенка женщину. Пусть лучше муж Ваш сам придет ко мне. Это не с Вами нужно воспитательные беседы проводить, а с ним!

А вскоре я от мужа ушла...

Вторично Сашеньку отдали в ясли уже в 2,5 года. Его младшему братику, Алеше, тогда исполнилось восемь месяцев. Жить на родительскую пенсию и 40 рублей, присылаемые на детей мужем, было уже нелегко. Я пошла работать. В три смены.

С большой благодарностью вспоминаю я и сейчас воспитательницу Нину Алексеевну. Вот кому в ноги надо поклониться за то, как бережно и нежно приучала она Сашу — этого дичка — к новой обстановке! Видела, что боится он белого халата — ради него снимала и получала выговор от заведующей. Не шел он на музыкальные занятия — вначале и не настаивала, оставляла с нянечкой в группе, а лишь потом, постепенно, приглашала; сначала посмотришь, а потом и самому попеть и потанцевать. Это она вовлекала его в игры с детьми, учила дружить и думать не только о себе. Да и Саша, став постарше на год, воспринял ясли как неизбежность. Смирился. Не было таких диких воплей даже с самых первых дней.

Маленький мой Алешенька! А как ты тяжело привыкал к яслям! Тебя мы отдали в год и четыре месяца.

В первый же день сын так кричал, что у него началась рвота. И во второй, и в третий день... И рвота эта закрепилась на долгие годы. Стоило сынишке заплакать, даже не очень сильно, или съесть хоть одну лишнюю ложку даже любимого блюда, как тут же вылетало все обратно. И так до десяти лет...

И он тоже раз в месяц (а то и чаще) обязательно болел: то ангина, то кашель, то отит... Не знаю, стоят ли все выгоды от работы матерей (это я еще больничный тогда не брала — с заболевшими внуками сидела бабушка; меня и на работу-то приняли с условием — больничный не брать!) тех детских слез, отчаяния и болезней... Ведь болеют-то дети в яслях не только и не столько оттого, что инфицируют друг друга, а от тоски.

И вот, уже в новой моей семье, родился самый младший, Коленька. До двух лет он особых переживаний не доставлял. Не болел, был ребенком более-менее спокойным, хотя ночами и вставала к нему 4—5 раз, до года и семи месяцев сосал грудь (еле отлучили!). И вообще это первый ребенок, с которым только я по-настоящему и почувствовала радость материнства: обстановка дома спокойная, да и опыт тоже кое-что значит. Возможно, мне сейчас просто так кажется, но с Колей нас связывала особенно крепкая «пуповина».

А может быть, и со старшими она была так же крепка; просто всегда сильнее ощущается то, что болит сейчас...

Коленьку удалось подержать дома до двух лет. О, он очень сильно отличался от

обоих братьев в этом возрасте... Саша и Алеша заговорили поздно, а Коля к двум годам говорил предложениями. Почти все стихи Чуковского мы с ним рассказывали вдвоем: я начало строчки, а он — конец. Я ведь стихи ему декламировала чуть ли не с первого месяца жизни: ношу на руках, чтобы успокоился, и рассказываю.

Все лето перед яслями Коля пробегал босиком. Купался в тазу, на полянке перед домом, и в речке. Ни разу не чихнул, не кашлянул. Ну, думала я, хоть этот болеть в яслях не будет!

И вот пошли мы с ним в ясли. Я давно его подготавливала: рассказывала, что все дети ходят в ясли, в садик или в школу, пока родители на работе. Показывала, как дети гуляют на площадке с воспитательницей. И Коля за мной повторял:

— Я скоро пойду в ясли, а мама — на работу. Я буду там играть, кушать, спать, гулять. Там много детей и игрушек. Там еще дети поют, танцуют и рисуют.

Все-то он знал, мой просвещенный сын... Не знал одного — как тоскливо и тяжело будет без мамы... Расставание обошлось без рева. Он, правда, весь напрягся, как пружина, даже дрожь пробивала (она надолго еще останется...), пока я его раздевала, но не плакал, а молча ушел за воспитательницей. Часа через два я за ним пришла. И уже с улицы услышала его плач. Оказывается, силенок хватило только на первые минуты, а потом все время прорыдал.

Уткнулся мне зареванной щекой в лицо и, всхлипывая, сказал:

— Не хочу больше в ясли!

Господи, прямо ножом по сердцу! Да я бы с удовольствием вообще не отдавала его ни в ясли, ни в детский сад! И, будь моя воля, сидела бы дома и занималась детьми (одни приготовления уроков со старшими сыновьями сколько времени, сил и нервов забирают!).

Вечером Коля несколько раз устраивал мне настоящие истерики — со слезами и воплями, с топанием ногами, чего за ним раньше никогда не водилось. Без причин. И даже без повода. Дала яблоко.

— Не хочу-у яблоко!

Бросил на пол. Подняла, положила на стол. Топает ногами и верещит:

— Дай яблоко!

Дала.

— Не хочу!

Мне хватило выдержки не сорваться, не перейти на крик и в этот день, и во все последующие. Хотя ох как хотелось отшлепать! Но я не понимала, что ребенок не виноват. Это у него так напряжение дома спадает, прорывается в таких вот «сотрясениях воздуха»...

На третий день мой закаленный ребенок засопливил, а на пятый закашлял. Правда, мы выдержали ровно месяц без больничного на летней закалке (да плюс еще различные мероприятия лечебные дома!). Зато и болел он тоже целый месяц (две недели сидела я на больничном и на две недели приезжали мои родители). Тут уж пришлось и уколы делать, и на электрофорез ездить.

И весь месяц, что ходил сын в ясли, он оставался со слезами. Я подолгу уговаривала его, спрашивала, что ему принести вечером. И в конце концов силой приходилось разжимать его ручонки и отдавать

ревушего малыша воспитательнице. Правда, после моего ухода Коля через некоторое время успокаивался и вел себя «как все» (арт ведь что у нас звучит похвалой! «Как все» — значит хорошо!).

После болезни, за время которой истерики полностью прекратились и я снова стала узнавать своего спокойного и рассудительного сына, Коля, как ни странно, все чаще стал оставаться в яслях без слез. Зато истерики дома возобновились с новой силой. А через 8 (!) дней мы уже снова сидели на больничном, кололи попку и выслушивали угрозы врача:

— Еще раз заболеет — положу его одного в больницу!

Угрозы не действовали. На третий раз Коля проходил в ясли всего четыре дня! И снова кашель, температура, хрипы в груди...

На работе со мной уже едва здоровалась. А я разрывалась между больным ребенком и производственными заботами. Обстановка накалилась до такой степени, что, если бы не ждала квартиру, уволилась бы, несмотря на всю любовь к своей профессии. Самой вполю было истерики закатывать! Ночами спать почти перестала...

Врача в этот раз вызывала со страхом. Боюсь, что действительно уложит малыша в больницу. Я же была уверена, что без меня он не выздоровеет при самом идеальном лечении (а где у нас больницы с таким лечением?). А тут еще в нашем доме ребенок годовалый умер от воспаления легких...

К счастью, пока Колю оставили дома. И вот тут неожиданно я нашла способ, как помочь больному ребенку. Это настолько было необычно, что я вначале сама себе не поверила. Как раз в это время в журнале «Физкультура и спорт» были напечатаны профилактические методики Джуну Давиташвили. Каждая мать знает: когда ребенок болен, то хватаешься за любое средство, каким бы необычным оно ни было — лишь бы помочь, лишь бы облегчить состояние. Вот я и ухватилась за методику Джуну. Коля спал. Температура — 38,7; частота дыхания — 42 в минуту. 20 минут поводила руками над ним, снова проверила частоту дыхания — 30 в минуту!

Сказать, что я была поражена — это ничего не сказать!

Как бы то ни было, но в тот раз мы обошлись без уколов (лекарства, кроме снижающих температуру, конечно, давала; и банки, и горчичники оставила, и массаж грудной клетки делала). И после этого Коля проходил в ясли до самого лета — целых пять месяцев! Хотя бывал и насморк, и кашель начинался, и ушко болело. Но как-то все это (под воздействием бесконтактного массажа и лекарств?) быстро проходило. Был даже такой случай: вечером поднялась температура за 38, Коля жаловался на ушко. Лекарство не давала, а сделала в девять вечера и час ночи бесконтактный массаж. После первого сеанса сын сказал, что ушко не болит, и заснул; но через каждые 20—30 минут просыпался и мочился. К часу температура спала, а утром он проснулся как ни в чем ни бывало, на ухо не жаловался. Пошел в ясли.

Пишу и не знаю, напечатают ли это в журнале... Я вначале даже сомневалась, стоит ли писать об этом. Но потом решила,

что нужно. Ведь Джуну Давиташвили утверждает, что каждая мать должна овладеть ее методикой, чтобы иметь возможность помочь своему ребенку быстрее справиться с болезнью.

А что же с «пуповиной»? Она порвалась. Очень больно и мучительно и для меня, и для Коли. И вот что заметила — не только с Колей, но и с Сашей, и с Алешей. Вначале очень и очень трудно отрываться от ребенка. Не находишь себе места, все валится из рук, думать даже ни о чем не можешь, кроме как о нем, твоём роднёньком, которому так плохо без тебя. Но проходит день, два, три... И ты вдруг замечаешь, что... свобода! Дома за час-два успеваешь сделать столько, сколько иногда и за день не успевала. На работе общаешься с людьми. И даже — чего греха таить! — порой раз в 2—3 месяца можешь вырваться в кино!

Но тем-то и коварна эта свобода, что ты все дальше и дальше отрываешься от своего ребенка. Ты уже не можешь знать о нем все. В яслях на вопрос: «Ну как сегодня Коля?» почему-то отвечают:

— Все нормально. Хорошо кушал. Спал.

Как будто меня интересует только это! А ведь я уже лишена счастья разделить какие-то маленькие, но такие важные для него открытия. Вечерами, после яслей, начинаешь готовить ужин, стирать, гладить, проверять уроки у старших... Свобода уже сыграла свою злую шутку: несмотря на всю любовь к ребенку, ты отрываешься от него, он уже начинает порой мешать тебе заниматься по хозяйству, хотя раньше никогда не мешал. Если бы ему не нужно было завтра идти в ясли, а тебе на работу, ты бы дала ему и постирать рядом с тобой (пусть бы это было дольше, зато сколько удовольствия!), и посуду помыть, и морковку потереть. Но время подгоняет: быстрее, быстрее, быстрее! Ты торопишься, нервничаешь сама и подгоняешь ни в чем не повинное дитя. Даже от вечернего чтения уже нет того удовольствия, как прежде. Часы тикают и висят над головой, как дамклов мач; и ты спешешь, не дочитывая порой странички и пропускаешь строчки.

Так вот с этой-то разорванной «пуповиной» и начинается, как говорил Аркадий Райкин: «Один звякнет, другой стукнет, третий шмякнет, четвертый свистнет»... Не отсюда ли тянутся проблемы подросткового возраста? Не в яслях ли закладывается готовность взрослых детей сдать мать в дом престарелых? Ведь она тоже оставила своего беспомощного малыша в чужом и таком нежеланном для него месте...

Недавно вышло постановление, что мамы смогут сидеть дома с детьми до трех лет. Это уже очень хорошо! Но было бы еще лучше, если бы женщина могла вообще выбирать: работать или сидеть дома и заниматься детьми (особенно если ребенок не один). И чтобы материнский труд считался таким же важным и почетным, как и труд на производстве... И подкреплялся бы материально — возможно, это оказалось бы выгоднее, чем платить матерям по больничному листу и содержать детей в яслях и детских садах? Мечты... мечты...

Говорят дети

Юля, 6 лет

- А наша Земля круглая?
- Круглая.
- А откуда она появилась?
- Вот вырастешь — поймешь...
- Да я и сейчас пойму!
- Понимаешь, все началось с пылинки... Она обростала частичками и постепенно стала большая-большая...
- А я знаю, откуда взялась пылинки!
- Откуда?
- С дороги!

Лена, 4 года

— Мама! Я скоро напугаю тебя вольчим аппетитом!

Маша, 4 года

- Знаете, чем отличается день от ночи?
- ??
- Фонарями!

Марина, 3 года

— Мама, пришей мне дырку к рубашке, а то пуговицу не застегну!

Саша, 3 года

Жалуются, что в детском саду в его шкаф положили чужие сапоги: — Зачем?! Я ведь не кот...

Женя, 3 года

Мама причесывается перед зеркалом. — Мама, ты такая красивая... Как медведь...

Ирина, 6 лет

- Дедушка, в большую комнату не ходи!
- А почему?
- Там бабушка Чумаком лечится.

Сергея, 3 года

- Утром.
- Одевайте меня скорее!
- Куда же ты торопишься?
- В садик! Там меня друзья ждут!
- А что вы делаете с друзьями?
- Деремся!

Записали наши читатели: Н. Дьяконова (г. Ясногорск), Н. Гурова (г. Рыбинск), Миронова (Москва), В. И. (Москва), Овчаровы (Москва).



КИНО

ЛЮДМИЛА
КОВАЛЕНКО

ВСЁ НА ПРОДАЖУ?

*И этот город — этот Вавилон,
И мы живем — это Вавилон...*
Б. Гребенщиков

Кадр из фильма

Спускается по пожарной лестнице взбалмошная номенклатурная дочка Александра — в полной парадной форме геройского дедушки-адмирала, изящно дополненной бабушкиными драгоценностями и вуалеткой с мушками. Растерянно созерцают пустой унитаз генералиссимус Иосиф Виссарионович и его личный доктор, которому, судя по ярко выраженной докторской внешности, Лидия Тимашук уже уготовала судьбу «врача-вредителя». В дурдоме хроники под надзором дежурного психиатра смотрят телерепортаж с похорон Брежнева. Из платяного шкафа выпадает



рок-кумир БГ (Борис Гребенщиков), а за ним следует весь его славный «Аквариум», не прерывая вдохновенного исполнения песни про корабль уродов. Манекенщик суперкласса скучно рассказывает политический анекдот, в эмалированном тазике приходящий батюшка крестит героя-тинэйджера, прогрессивный негр произносит зажигательную речь на русско-ушеском диалекте. А попережку со всеми происходящими на экране смешными, грустными, малопрстойными и абсолютно хулиганскими событиями время от времени возникает в кадре легендарный крейсер и сотрясает душу обалдевшего зрителя очередным историческим залпом... Предполагаю, что примерно такая мешанина останется у многих в качестве впечатления о новом фильме Сергея Соловьева «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви».

Не знаю, многие ли из тех, кому нынче сорок или около того, помнят фильм Анджея Вайды с названием, вынесенным мною в заголовок этих заметок. Между тем на исходе шестидесятых он, помнится, наделал много шороху. Мы, тогда двадцатилетние студенты, отыскали «Все на продажу» по окраинным клубам (картина шла не то по третьей, не то по четвертой, совсем уж некассовой категории), а потом ожесточенно спорили, что же, собственно, автор имел в виду? От эпигратического названия до напоминающего цепь галлюцинаций содержания, все там представлялось нам будто нарочито новаторским, нонконформистским и авангардистским. Слово экзотическая яркая птица с капризным характером залетела вдруг в наш кинопрокат, по той поре преимущественно черно-белый, тяжело-производственный или серьезно-проблемный. Будущий Тарковский еще только угадывался, Феллини со своим «Восьмью с половиной» не каждому был доступен, а о каком-нибудь Бунюэле, скажем, мы и вовсе знали лишь понаслышке. Да и вообще, целый пласт «тамошнего» киноиска остался у нас известен разве что специалистам либо одержимым любителям.

Теперь не то; сегодняшнего зрителя не подцепишь на удочку импортной экзотики. Насмотрелись всякого — и авангардистов, и параллелистиков, и социальных ужасов, и голый в полном смысле слова эротики. Привыкла даже почти запретная прежде терминология — кино «коммерческое» или, наоборот, «элитарное». По зрелом размышлении выяснилось, что за этими терминами не таится ничего ужасного и что рядом могут развиваться разные стили и направления, находя своего ценителя. И пусть себе один слушает «Ласковый май» и Дитера Болену, а другой совмещает любовь к Баху, Рахманинову и группе «Лед зепелин» — из этих фактов можно сделать кое-какие выводы об уровне общей культуры населения: но, право же, не стоит развязывать гражданскую войну.

На фоне такого расслоения «Черная роза» выглядит явлением одновременно странным и закономерным. Странность в том, что по привычке мы продолжаем воспринимать всякий «сюр» неким вывертом для избранных; а между тем Соловьев, проделавший блестящий рекламный эксперимент с довольно-таки непритязательной «Ассой», вроде бы уже занесли в

черный список кинокоммерсантов. С другой же стороны, сама по себе идея «плюралистического бунта» в киноискусстве носится в воздухе давненько. Так что закономерно и долгожданно появление такой вот «Черной розы», где все намешано в одну грустно-веселую разноцветную кучу и поистине «все на продажу». А стоящий за прилавком хитрый Соловьев, и не поймешь, то ли по своему обыкновенно посмеивается над вариантами ответов на свои многозначные загадки, то ли печалится — сколь же неправдоподобна наша современная реальность.

Проломив стену между элитарным и коммерческим в искусстве пытались многие; но либо удары были недостаточно сильны, либо чересчур прочна стенка. Цементировалась она солидными учеными трудами, где даже реализм разделялся на хороший социалистический и прочий, сортом пониже. А уж какие-нибудь более крутые «измы» заброшены были в тупики разлагающегося буржуазного искусства, в коих им и полагалось загнивать... Стоит ли после этого сетовать на духовное оскудение и умственную леньность так называемого «среднего» кинозрителя, равно как и слушателя или читателя? Мы так привыкли записывать все живое в жесткий каркас готовых схем, что почти разучились цевелить извилинами. Непременно тут же клемм подходящий ярлычок и стремимся пристроить нестандартную новинку в одну из обжитых ячеек теории.

«Черную розу», похоже, пристроить будет трудно. И, словно подчеркивая это, в своей рекламной кампании объединение «Круг» с некоторой издевкой предлагает на выбор или чохом: «саркастическая мелодрама и авангардный кино-сейнс по-соловьевски, сюрная комедия и страшный «соц»...» и так далее. И заранее можно предугадать: «Черную розу» обязательно будут ругательски ругать и безудержно хвалить. И непременно кто-то обвинит автора с сообщниками в очередном заговоре и в том, что нет, мол, для них, нынешних, ничего святого.

Давайте говорить начистоту, дорогие ровесники-родители, — нам с вами зачастую трудно дается гласность, слишком уж тяжела гири привычного страха и еще более застарелого ханжества. Иной раз слушаем выступления депутатов на съезде, и сердце замирает: это что же он такое себе позволяет? Вроде бы и не мы с вами как минимум два десятка лет быстрым шепотком пересказывали друг другу политические анекдоты, спорили в своих вечерних кухнях и задавали однообразно-риторический вопрос: «Да куда же они смотрят, куда ведут нас, там, наверху?». Или, может, не мы, таясь, передавали из рук в руки ксерокопии «Архипелага» либо авторхановской «Технологии власти», которую так демонстративно читает на экране Толик «с прибором»? Только и о том не станем забывать, что многие из нас верили и грязные пасквили на покойного Андрея Дмитриевича Сахарова, и тенденциозным комментариям по поводу эмиграции Солженицина и Любимова. Да что мы все о прошлом, давайте-ка посмотрим на себя сегодня, сейчас. Благо Сергей Соловьев охотно предоставляет нам такую возможность. Правда, его зеркало чуточку из «ком-

наты смеха» — так ведь на то и комедия, экзаменующая зрителя в умении посмеяться и задуматься над собой. Иными словами, «Черная роза» испытывает нас на способность взглянуть на себя со стороны и трезво оценить.

И в самом деле, на ограниченной площади московской коммуналки представлено то сегодняшнее состояние общества, которое точнее всего укладывается в библейский образ вавилонского столпотворения. Вплоть до смешения языков — тут тебе и русско-ушеский диалект, и «стритовый слэнг», и старомодный эпистолярный стиль зарубежного дедушки. Причуды авторской фантазии и наблюдательности свелли под одной крышей «мажорку» Александра с ее возлюбленным из разряда элитарной obsługi — и завсегда психушки, диссидента-лимитчика Толика; отставного посла — и люберецкого жителя, предпринимчивого дядю Коку; заномеклатуренного боксера — и одинокого подростка Митю. И каждый из героев, что называется, «отражает и отображает» нечто жестоко реальное. Вот, скажем, не центральный персонаж дядя Кока — взгляните, он вам никого не напоминает? Он врывается в действие, увлеченный гениальной идеей кооперативного движения, в коем «умные люди» уже преуспевают, и главное — не опоздать... Однако при втором появлении кооперативная идея уже забыта, ибо появилась возможность вложить в дело доставшиеся от заграничного дедушки доллары. Но то ли деловая деятельность показала слишком хлопотной, то ли помешали барьеры пресловутых инструкций — и доллары решено просто отоварить, накупив на них разного импортного дефицита. Впрочем, купчая натура дяди Коки уже переключилась в сферу духовную, и он понял, что счастье не в деньгах (даже и свободно конвертируемых), а лишь в святой воде да божьем благословении. И тогда появляется эмалированный тазик, люберецкая кума во все глаза смотрит на экзотичное для нашего среднего человека действо, принимает к себе младенца изменившаяся Александра — и зритель, уставший от смеха, вдруг затихает. Скепсис подсказывает, что режиссер, наверное, снова над нами подсмеивается. Потому что это же мы, утомленные неудачами в построении рая на земле, разом кинулись вдруг в религию, астрологию, телегипноз... А здравый смысл спорит: что же тут забавного, если нет уже сил удерживаться на самом краю нравственной пропасти, куда мы заглянули — и ужаснулись. Да, конечно, поворот мелодраматический, как авторы и обещали в рекламных анонсах; но так хочется верить хоть во что-нибудь!

При всей нарочитой расхристанности режиссерского стиля поражает точность и трезвость взгляда Соловьева на беснующийся Вавилон, где с трудом сохраняет разум лишь один герой — Митя. С недоумением, страхом и безразличностью наблюдает он «пир во время чумы», мучительно пытаясь понять, что же объединяет всех этих людей, каждый из которых способен видеть и слышать только себя. «Корабль уродов...» — комментирует происходящее насмешливый Гребенщиков со свойственной ему внешней (право, только внешней) отстраненностью. Кажется, нет никому спасения от этого всеобъемлющего

сумасшествия, когда крушат старых кумиров, чтобы на смену им немедленно сотворить новых. Когда грязное обывательское любопытство и зависть заставляют заглядывать в холодильники, спальни и даже сортиры знаменитостей. Когда спит разум, порождая чудовищные и отнюдь не иллюзорные деформации мировоззрения и бытия...

...Помните, как в первый перестроечный год Булат Окуджава в каком-то интервью сказал, что единственная его надежда на тех, кому сейчас годика два-три, ибо в них еще не растоптано, не подавлено достоинство? Мне тогда стало страшно: какие могут быть гарантии, если воспитываем-то нынешних младенцев мы и воспитываем по своему образу и подобию... Однако сейчас этот страх ушел и я, мысленно споря со своим любимым поэтом, надеюсь на всех нас. Но прежде всего — на Митю, иными словами, на поколение наших детей, на тех, кому теперь пятнадцать, восемнадцать, двадцать. Понятно, оно, это буйное поколение, неоднородно; есть в нем приспособленцы, жестокосердные, запугавшиеся, ленивые, преступные. Только больше других — тех, кто, почувствовав дурноту в нашем сумасшедшем Вавилоне, нашел в себе силы сунуть голову под кран с холодной водой, а потом... Потом взял ответственность на себя. Обратите внимание: один-единственный, самый младший из всей компании, не побоялся взвалить на себя и чужой грех, и чужую взбалмошную девицу, и ее будущего ребенка. Ну, прямо «как в кино».

Нелепо, разумеется, дословно переносить киношную ситуацию в реальность. И никому не пришло бы в голову даже ради эксперимента заменить нынешний парламент подростковой тусовкой. Мите и его ровесникам предстоит еще накопить знаний, опыта, да и просто силенок — еще слишком хрупки их плечи, чтобы выдерживать такую ношу, под какой и зрелые мужи сгибаются. Сетую на разрушительные тенденции молодежной рок-культуры, мы забываем о том, что именно «отцы» первыми подали пример вандализма, сметаая все, что якобы не вписывалось в извращенную и примитивизированную схему нового общества. И почему-то не замечаем, как явно взрослеет многообразное «неформальное» движение молодых. Мы годами кормили их обещаниями будущего дела и нотациями на тему: «А сейчас делай, что тебе велят». И теперь, когда они рванулись к самостоятельности, каждый по своему разумению, мы вдруг растерялись.

Мы не заметили, как наши дети опередили родителей в развитии и понимании (возможно, стихийном) сути революционных преобразований общества, глубинным осознанием нового мышления, когда главенствует общегуманистические ценности. А мы так и цепляемся за устаревшие и новые схемы, не позволяем раскрепоститься своей мысли и вопим в отчаянии о молодежи, для которой нет ничего святого.

Поверьте, «святого» в них ровно столько, сколько мы с вами сумели им передать. А может быть, даже немножко больше. Наши мальчики, погибая и калечась на чужой земле, по-моему, доказали это своей тяжелой судьбой. Нашего же «святого» часто хватает лишь на то, чтобы обвинить пользующихся ничтожными привилегиями

«афганцев» во всех грехах... Матери, не скрывающие того, что дети для них прежде всего обуза, труд непомерный, претендуют потом на ответное «святое» дочернее и сыновнее чувство. А на что им отвечать-то?

Осиротевший, предоставленный сам себе подросток Митя сохранил в своей душе самое святое — память о маме. Именно эта память и держит его, дает силы взять на себя взрослую ответственность, помогает сохранить верность мечте. Миша Розанов, блистательно исполнивший роль Мити, удивительным образом соединяет в себе тайные и явные подростковые достоинства, которых мы часто и в собственных-то детях не подозреваем, а в чужих и подавно. Нам часто кажется, будто ребенок — что-то вроде пустой коробочки, куда мы по желанию можем вложить собственные мысли, чувства, вкусы, привычки. Отсюда и паника — дескать, насмотрятся дети телевизора и утратят все «святое». А уж такое кино, как «Черная роза», надо и вовсе запретить лет эдак до двадцати, ведь чего там только нет: и голые по экрану разгуливают, и политические анекдоты рассказывают, и на «Аврору» какие-то странные намеки, а чего стоит сон сумасшедшего Толика, в котором фигурирует Мавзолей...

Напрасны будут любые запреты — я уверена, что самыми первыми и благодарными зрителями «Черной розы» станут те, кому до шестнадцати и старше. Во-первых, после «Ассы» молодые по праву считают Сергея Соловьева «своим» режиссером. Во-вторых, картина снята в манере, для которой точнее всего подходит резкое слэнговое словечко «стеб», обозначающее издевку, эпатаж, иронию и прочее в том же духе. А именно Взгляд в стиле «стеб» и помог многим молодым в пору застоя, безвременья, социальных потрясений сохранить душу способной к развитию — так что, невзирая на многослойность и сложность киноязыка, молодые зрители обойдутся без переводчика, — это их язык. И, наконец, давайте несколько умерим наши родительские тревоги по поводу негативного воздействия подобных фильмов на неокрепшие головы и сердца подростков. Право же, пусть вам и покажется странным, но практически у каждого тинейджера есть достаточно определенное мнение по многим вопросам — от исторических и политических до религиозных и эротических. И «коробочка» далеко не пустая, хоть и не разложено там все по полочкам и до порядка далеко. Информационный стресс, испытываемый всеми нами, не миновал и младшее поколение. И если что и способно вывести сейчас человека из состояния растерянности, когда не знаешь «куда бечь», то, пожалуй, лишь подобная «Черной розе» шокотерапия, круто замешенная на юморе.

Что же касается тех невидимых миру слез, которыми «Черная роза» (все-таки, не забывайте, эмблема печали) пропитана насквозь, то разглядеть их, по-видимому, дано не каждому. Во всяком случае, не тому, кто на любую точку зрения, отличную от его собственной, реагирует раздраженным фырканием, а непонятное явление привык определять однозначно: «Ерунда какая-то, чушь...». При всей своей безудержности «Черная роза» — фильм, адресованный доброму человеку. И в этом смысле, извините за банальность, имеет, как

принято было говорить, «большое воспитательное значение».

Есть в картине сцена, которой, по-моему, нужно проверять людей на черствость или милосердие. Я говорю об эпизоде, где несчастные обитатели психиатрической лечебницы смотрят по телевизору похороны Брежнева. Признаться, сначала я ощутила какую-то внутреннюю неловкость — документальные кадры настоящих больных в иронической ленте, что-то было в этом намеренно жестокое... Теперь я понимаю — да, это тоже из области шокотерапии, ибо уже непонятно, какими средствами можно расшевелить, разбедерить наши заиживавшиеся души, чем растопить сковавший общество лед ненависти по поводу и без оного — только потому, что мне сейчас плохо. Или не так хорошо, как хотелось бы. Так долго любимую неприглядную правду обзывали очернительством, что почти исчезло свойственное нормальному человеку чувство сострадания к больным, инвалидам, ущербным, одиноким, несчастным, старым и малым. Общество будто бы закрыло глаза на то, что в нем существует некая немалая резервация несчастных и никому не нужных людей. Мы потихоньку возвращаемся к гуманизму, но, боже мой, как же медленно. Быть может, Соловьев хотел ускорить этот процесс? Так или иначе, но мне пришлось смотреть «Черную розу» дважды, и дважды зал напряженно замирал, когда появлялись на экране хроники из «дома скорби»...

Имеющий уши слышать да слышит... Судя по всему, мнения зрителей о «Черной розе» будут столь же неоднородны, сколь многообразно и само нынешнее общество. И кто-то пойдет в кино просто «на Друбич», или на обнаженную натуру, или «посмотреть на Боба», или посмеяться до упаду — даже там, где впору плакать. И будут разочарования — или, наоборот, открытия. И снова станут записывать Соловьева в черный список коммерсантов, да еще и безыдейных — ведь все на продажу выставил, и билеты на премьеру говорят, втридорога. Мне, кстати, давно хочется узнать, почему бы это у нас господствует некий снобистский взгляд на коммерческие подходы в сфере культуры и искусства? Причем вслед за взрослыми и младое поколение принялось ханжествовать по сему поводу, обвиняя того же Бориса Гребенщикова в рвачестве. Покуда он бедствовал на жалованье ночного сторожа — и сам был хорош, и песни «круты». А съездил в Америку — так вроде бы уже и не тот... Сам-то мы рады заработать побольше, а людям искусства в таком праве почему-то отказываем. А, по-моему, если уж брать за основу принципы социальной справедливости, то зарабатывать человек — в любой области — должен тем больше, чем лучше он делает свое дело. И рекламная кампания, назначение которой привлечь в кинотеатры максимум зрителей и получить максимум прибыли для себя и для казны, должна бы нас радовать: наконец-то учимся работать по-настоящему. А что до просматривающегося в картине невysказанного лозунга «все на продажу», так ведь спрос рождает предложение. Нам с вами выдали по заслугам, в точку угадав воспаленное любопытство и социальную возбужденность. Так стоит ли обижаться на правду?

ЮРИЙ МАКСИМОВ

...Рано утром я уходил писать этюды к Онеге, спускаясь к лодкам. Солнце рябило воду; но блики из-за утренней дымки были неяркими, помогая собирать на палитре общий серебристый колорит этюда.

Заканчивал я этюд всегда по звуку ритмичных хлопков ладоней и негромких команд: в училище, находящемся вблизи, приступали к занятиям по физкультуре или строевой подготовке. Занятия начинались где-то около десяти утра. Значит, пора заканчивать этюд; свет меняется, блики солнца на воде сместились, стали резкими, слепят глаза.

Педучилище расположено совсем рядом. Нужно только перейти улицу, отделяющую берег от Благовещенской церкви, обогнуть мягкий изгиб апсид и прямо перед тобой окажется приземистое и длинное здание. Между церковью и училищем — очень ровное и очень зеленое поле с вкопанными с одного его края длинными и светлыми то ли столами, то ли скамейками. Их много; и ряды деревянных этих сооружений на высоких и прочных ножках-столбиках своей высотой поначалу ввели меня в заблуждение. Решив, что здесь находится городской базар, я обратился к старушке, оказавшейся рядом: мол, в какие часы здесь торгуют?

— Торгуют? Да ведь не рынок это, милочка, а спорткомплекс. Футбол здесь играют. Вона и ворота, куда мяч пинают, а скамьи для зрителей-болельщиков настрогали. Да ладно бы только футбол! Нас, старух, гранатами закидывают. Идем в храм, а вслед нам гранаты пушают по воздуху. Теперь уж и не ходим своей тропкой а обходим по улице, дворами идем...

Откровенно говоря, в такое верилось не очень. Сочиняет бабуся, подумалось. Какие гранаты? Кто их бросает? Не очень-то поверилось и в то, что вблизи действующей церкви Рождества Богородицы, одной из древнейших храмовых построек Каргополя, сооруженной в 1680 году, белоснежным силуэтом, с резным узорочьем окон, возвышавшейся на краю зеленого поля, но совсем рядом с училищем, кому-то пришло в голову построить стадион, устраивать на нем футбольные матчи именно в те самые вечерние часы службы, когда к церкви идут верующие.

Но это так и было.

Расстояние до церкви такое же, как и до футбольных ворот, и нередко мяч отскакивает не от штанги, а от резных каменных наличников церковных окон, от ее стен. И никого это не возмущает, не трогает, разве кто-то из болельщиков крикнет: «Мазила!»

Однажды я невольно оказался свидетелем «гранатометания». В воздух действительно взлетали учебные гранаты и, описав дугу, в зависимости от силы мускулов руки бросающих, с глухим звуком падали в траву где-то в середине поля. До церкви в этот раз гранаты не долетали. Расстояние оказалось вне зоны «достижения цели». Но ориентир броска гранат был один — церковь!

Фото О. Климова, г. Саратов



КАРГОПОЛЬСКИЕ
ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Когда я поинтересовался, как далеко может улететь граната, девушки гордо сообщили, что «мальчики могут забросить до церкви». А между тем это говорилось о храме — памятнике, который издавна именовался «предивным».

Все, кто писал об этом храме, отмечают поразительное разнообразие форм и изящество декоративности.

И. Э. Грабарь свидетельствовал: южная стена Благовещенской церкви «может соперничать с дворцами раннего флорентийского Возрождения по изысканности пропорций и вкусу, с которым разбросаны по ней узорчатые пятна окон».

Любуясь прелестью резного орнамента Благовещенской церкви, охраняемой государством как памятник архитектуры, невозможно понять, почему именно в ней находится продуктовый магазин и склад.

На берегу красавицы Онеги, в самом центре Каргополя возвышается самое древнее сооружение города — собор Рождества Христова. В 1552 году его заложили на месте сгоревшего на этом месте деревянного храма. Белокаменный пятикупольный храм, прямоугольный в плане, Христорождественский собор стоит на подклете. В верхнем этаже двухэтажного здания помещалась «холодная церковь» — в ней служба шла лишь в летние месяцы, в нижнем, «теплом» — богослужение отправлялось постоянно, независимо от времени года. Теперь в нижнем этаже размещен продовольственный склад.

В книге из серии «Дороги к прекрасному» — «Каргополье — Онега» ее автор, прекрасный знаток Русского Севера Генрих Павлович Гунн справедливо пишет: «...В какую бы сторону ни отправились вы от Каргополя по разбегающимся от города дорогам, везде ждет вас находка, открытие, пусть для себя, но обязательно открытие прекрасного памятника зодчества».

Одним из таких открытий для меня явилось знакомство с архитектурным ансамблем в селе Лядины. Час с небольшим едешь рейсовым автобусом, выходяшь на остановку — и перед тобой застывшая деревянная сказка.

Шатровая Покровско-Власьевская церковь по одним сведениям построена в 1743, по другим — в 1761 году. Запрет на возведение шатровых храмов на Руси, как известно, был наложен еще в середине XVII века. Но в глуши Русского Севера шатровые деревянные храмы продолжали воздвигаться и в XVIII веке. Покровско-Власьевская церковь поражает своими размерами. Особенно величав шатер храма — едва ли не самый огромный среди сохранившихся шатровых храмов Онежья.

Вторая лядинская церковь — Богоявленская (1793 г.) невольно вызывает ассоциацию с Покровской церковью в Кижих (1764 г.).

...Четырнадцать ступенек лестницы ведут к церковным дверям. Внутри свод шатра окрашен в синий «небесный» цвет с россыпью по нему белых звезд разной величины. Оттого, что сия краски затемнена тенью крыши, звезды сияют необычно ярко. Общий нарядный и праздничный строй наивной росписи неожиданно усиливает подлинная голубизна неба, пробивающаяся сквозь щели досок шатра. Лучи его тонкими струйками льются, высве-

чивают смолистую желтизну ступенек, солнечными зайчиками дробятся на них, создавая эффект сияния отраженных звезд. Волшебное это зрелище!

Но впечатление от этой встречи сменяется досадой от «нелепых надписей» — карандашами, фломастерами процарапанных на досках шатра крыши, рядом с белыми звездами. «Жизнь — это улыбка», «Моя любовь — Вася Мухин», «Жди и помни меня!», «Любовь — это 6 букв, приносят много мук», «Умный любит за характер, а дурак за красоту!».

Подобных изречений несметное множество. И нет уже рядом с тобой тишины и тени от шатра крыши крыльца, и тускнеет у тебя на глазах роспись из звезд...

Мне вспомнилось: жарким и сухим летом 1978 года в экспедиции по Хакасии перед острогами Сулукской писаницы, знаменитой наскальными изображениями древних художников, мне довелось увидеть врытый в землю фанерный щит с лаконичной и четкой надписью: «Спасите памятник древней культуры Хакасии!»

Дело в том, что по выбитым на скалах Сулукской писаницы рисункам животных, птиц, по тонкой и изысканной графике сцен охоты, созданных в XII—IX веках до н. э., современные туристы безжалостно царапали ножами, острыми гранями камней аршинные буквы своих имен, фамилий, даты посещения писаницы.

Все очень похоже. Но здесь, в Лядинах, не было плаката-крика о помощи, как в Хакасии. Здесь вообще никого не было; только на одной ноте, долго, но неназойливо выводили свою мелодию пчелы...

Когда мы с дочкой, тоже художницей, путешествовавшей в это лето вместе со мной по Каргопольской земле, попытались разговаривать местных школьников, однажды заинтересовавшихся тем, что мы рисуем крыльцо и главки церквей ансамбля Лядины, и спросили, нравятся ли им эта деревянная архитектура, они смущенно переглядывались, пожимали плечами. Кто-то из школьников вдруг вспомнил, что сейчас по телеку продолжение детектива... Только мы их и видели.

И школьники из Лядины, и будущие педагоги из педучилища в Каргополе равнодушны к красоте, ежедневно возникавшей перед ними. Они ее не видят. Не подготовлены они к восприятию шедевров, не имеющих аналогов во всем мировом искусстве зодчества.

Можно сколько угодно винить в этом школу, училище, систему эстетического воспитания, вернее — отсутствие этой системы, искать другие причины, отторгнувшие детей от подлинной красоты, которая рядом с ними с самого детства. Но это не избавит от неутожности и горечи открытия, которое сопровождало нас в Каргополье: это наше невежество и равнодушие помогают гибели древней культуры.

Кабинет заведующего отделом культуры Каргопольского райисполкома расположен в одном из старинных каменных особняков города, «в доме с колоннами», как его еще называют в Каргополе. В прошлом это было дом градоначальника. Дом хорошо сохранился, тщательно отремонтирован, ухожен.

Беседуем с Галиной Николаевной Тарасовой (как нам сообщили, теперь она уже не работает зав. отделом. — *Ред.*) о бедственном положении с охраной па-

мятников древнерусской архитектуры в Каргополе и в районе. Спрашиваю: а как местные жители, студенты, учащиеся, школьники участвуют в реставрации? Те, кто живет в Каргополе?

Ответа не получаю. Как не получаю желаемого ответа на вопрос о спортивной площадке педучилища, расположенной между древнейшими соборами города. Говорится что-то неопределенное; позиция отдела культуры в данном вопросе затухшевана. Более четко и определенно Галина Николаевна отвечает об аренде торговых помещений Христорождественского, Троицкого соборов под склады, Благовещенской церкви под магазин, объясняя это тем, что это временное явление.

На всех древних соборах Каргополя установлены «охранные доски», с указанием даты создания собора и неопременным подтверждением, что он охраняется государством. Было открытием и неожиданностью узнать, что «охранные доски» — компетенция отдела культуры Каргопольского райисполкома, а доски на этих же сооружениях, объясняющих, что здесь именно находится магазин, с указанием часов работы магазина — в ведении отдела торговли. Буквально все «охранные доски» отдела культуры города выглядят самым плачевным образом. Белая эмаль фона на многих из них осыпалась, буквы и даты едва различимы, разведены ржавчиной.

Рук не хватает или и средств нет?

Но какие тут особые средства? Ведь речь идет о деле самом простом. Сменить старые, позорные Каргополь перед всеми, кто приезжает в этот город, перед его жителями «охранные доски» на соборах на новые. Заказать их в мастерских, изготавливающих подобную продукцию, привлечь, наконец, к написанию текста местных художников, учащихся Каргопольской школы искусств.

Кстати, детская школа искусств в Каргополе по-своему уникальна. Наряду с занятиями станковым рисунком, живописью, композицией ученики школы лепят и расписывают глиняную игрушку в традиции каргопольской народной игрушки. И получается это у них замечательно! Работы учеников школы побывали на многих отечественных и зарубежных выставках детского художественного творчества. Возрождая традиции народной игрушки (делают это дело с увлечением), ученики ДШИ могли бы с не меньшим увлечением приложить свой талант, способности к делу охраны памятников архитектурного ансамбля Каргополя. И не только они, но и учащиеся общеобразовательных школ Каргополя. И, может быть, первые уроки должны проходить у стен древних соборов — самого замечательного, чем владеет город. Формы приобщения к охране памятников Каргополя могут быть различными, их следует искать. Всем, кому дорога культура.

Когда материал был готов для отправки в типографию, мы узнали, что магазин, разместившийся в Благовещенской церкви Каргополя, закрыт. Но мы не стали ничего изменять — ведь этот материал Ю. Максимова в некотором роде историческое свидетельство. Пусть она отойдет в прошлое, эта история. Но забывать ее нельзя.

ЗИМНИЕ ЗАМЕТКИ О ЛЕТНИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ

(ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ Ю. МАКСИМОВА)

...Когда прочитанный текст рассказывает о том, что довелось видеть самому читающему, — живее отзвук; и пережитые когда-то чувства обретают новое качество — общности, единения с тем, кто рассказывает про это. Вот и с записями Ю. Максимова вернулись ко мне давние каргопольские впечатления: деревянный мост над мощною сизо-синей Онегой, гусиная травка вдоль деревянных тротуаров и дивные, действительно, храмы, словно вырастающие из глубины земли. Вспомнились и давние — но в той же тональности, что и у Ю. Максимова, — печальные размышления «о погибели русской земли»... Попробуем взглянуть на них попристальнее.

В храме — магазин, склад, клуб? Так это же повсюду... Лет тридцать назад, осматривая восхитительные фрески в вологодском храме Иоанна Предтечи, посетовали мы с приятелем, что вокруг — пыль, запустение, какие-то тюки, бумажные связки, коробки... А наш спутник, старый архитектор, грустно возразил: «Нет, это — хорошие арендаторы... У нас общие интересы: бумага тоже требует, чтоб было сухо... Вот когда удобрения или еще какая-то химия...»

Да и это — не предел; десятилетиями, с двадцатых годов, вели свою потаенную жизнь за бывшими монастырскими стенами «кистребительно-трудовые», детские колонии, приюты для инвалидов и душевнобольных, мало отличавшиеся от заведений ГУЛАГа...

И — давайте же поймем это — не свести все лишь к равнодушию, «недостатку культуры» или бюрократической безответственности. Будь только так — это бы малая беда, а она гораздо основательней.

В одном современном анекдоте герой современного фольклора объясняет своему адъютанту, сколько достоинства в новой квартире: в ванне можно капусту солить, а на кухне отвернуть краники — и в голове такое кружение начинается... Это — как раз к нашему разговору: культура продолжается, пока слова не утрачивают своего смысла, а вещи — своего назначения. «Храм оставленный — все храм» — пока есть понятие храма. Исчезло оно — и остается лишь помещение, которому — чего — пропадать?; найдется ему применение в кругу тех актуальных задач, которые решает новая культура.

Мы можем повесить хоть сотни досок, сделав их, для прочности, чтоб не разбили, хоть из титана — и ни на шаг не продвинемся, пока для окружающих напи-

санное на досках — все равно как на санскрите. «Церковь Преображения...» — а что это за преобразование, и кому оно нужно? «Памятник XVII века...» — а какое ей дело до XVII века, когда все мысли заняты Васей Мухиным?

«В своей стране я словно иностранец»... — горько обмолвился когда-то Есенин. Горьким — но и неизбежным, и необходимым, иначе нам не выбраться из тупика, будет и признание: все мы, в той или иной мере, иностранцы в стране традиций и ценностей отечественной культуры. И иностранцы весьма дикие — ибо база ГСМ или, как на картине И. Глазунова, «цех разделки скота» в храме — невежество неизмеримо более тяжкое, чем наивное незнание — какие краники для чего служат...

Оценить, какие дало результаты «воспитание нового человека» и «борьба за новую культуру», — задача объемистая, да и для многих. Здесь уместно упомянуть лишь вот о чем: суть культуры во многом видна по ее значимым, ценностным понятиям. А вдумаясь: с какою окраскою выступали в нашем недавнем обиходе слова «прошлой», «старой», «религиозной»? Да с безусловно отрицательною! «Прошлой» — оно «проклятое» (еще — «пережитки прошлого»...); «старой» — это то, что мешает росту «нового», но неизменно бывает им побеждено; а «религиозный» — ну, уж вы, наверное, и сами вспомнили, с каким словом было неразлучно? Верно — «дурман». Ненужность прошлого (в лучшем случае — на фундаменте) — это ведь было задано для общества, «устремленного в будущее». А юность, и без этой заданности, в любом обществе в будущее устремлена — так откуда ждать внимания к каким-то каргопольским старушкам?

Мало что переменяет и повторяющиеся столь часто сегодня слова, что, мол, «памятники» надо «охранять», они — общепризнанное достояние... Не говоря уж о мрачноватой для нас двусмысленности слова «охранять» (а помните, у С. Е. Леца: «Искусство идет вперед. За ним шагают конвоиры?»), в самом этом сочетании «охрана памятников» есть что-то мертвое, кладбищенское. Разве живую культуру «охраняют»? Ею, в ней — и живут, находя ответы на свои «вопросы жизни», родственным пониманием вникая в давние заботы предков... А когда сегодня скачающе-послушная толпа «туристов» внимает барабанящему про апсиды, закомары, приделы, кокошники экскурсоводу,

внимает, мало что понимая и уж никак не соотнося все это с сегодняшней собственной жизнью — это и есть «встреча двух культур». И намного ли закомары и кокошники ближе им каких-нибудь египетских пирамид?

Ненамного. Но — ближе.

Все-таки целиком историческая память народа не выветривается ни под каким давлением. Что-то да остается — то из бабушкиных рассказов, то из «на сердце павшей», пусть даже из школьного учебника, исторической подробности, а то — просто потому, что вот этот храм без крестов и колоколов все-таки каждый день, едва что-то стало помниться, был виден из окна родительского дома... «Вернуться к истокам», как часто повторяют сегодня, — дело невозможное; но вот вернуть их, эти «истоки», в нашу жизнь — еще можно, тем более — в жизнь тех, кто ее только начинает...

Есть и Руси чем гордиться —
С нею не шутить!
Только славным поклониться —
Далеко идти...

Идти, действительно, далеко — но, может, цель стоит того? Может, прошлое — это как раз, то, без чего нет полноты настоящего?

Много сегодня надеются на историческое воспитание, на то, что школа поможет детям почувствовать себя «сынами Отечества»... Да, может помочь — особенно если будет внимательна к той истории, что под боком, — вот как те же каргопольские храмы. Но только начинать нужно заметно раньше, чем мы привыкли думать. В доме это начинается — с уважения к бабушкиному труду, бабушкиным годам, бабушкиным иконам, наконец. Ко всему вообще, в чем воплощено достойно это самое «прошлой»... И второе очень важное есть — и отмечено в заметках Ю. Максимова. Мы все надемся на слово и книгу — а меж тем история не меньше постигается и руками — непосредственным делом помощи ей и следования нажитым ею умениям. Те же игрушки, если человек к ним приходит не с психологией «красильщи», а с желанием творить и создавать — они позволяют почувствовать дух древней культуры очевиднее, чем многое книжное. И та же работа по реставрации, и домашние архивы... И — да поищем же сами; мы же все-таки не чужестранцы.

Или — дорога в беспамятство и духовное ничтожество. А третьей — вроде и нет...

В. РЫБАКОВ

МАРИЯ РОМАНУШКО

НАШИ ЗИМЫ И ЛЕТА, ВЕСНЫ И ОСЕНИ

Продолжение

Начало в №№ 11—12 за 1989 год, №№ 1—3 за 1990 год

Звезда с Японского моря

Над городом бушует осенний циклон...

Тебя что-то мучает во сне, ты стонешь, вскрикиваешь. Я глажу тебя по щеке, тихонько дую тебе в лицо, разгоняя твои ночные кошмары, налетевшие с этим ураганным ветром, напирющим на стекла, гонящим по лоджии забытое тобой ведерко... Тревожно скребется в углу черепашка. Ты стонешь и мечешься. А еще вчера было лето... Еще вчера цвел наш жасмин и наш шиповник. И были прогулки на бухту и в лес, к нашим папоротникам и мхам. И было первое настоящее путешествие. К морю!.. Теперь у нас есть наш Крым. Наша Генуэзская крепость. Помню: мы сидим на сухом склоне Крепостной горы, среди зарослей горного чеснока и колючего синеголовника, и ты напеваешь только что сочиненное: «Крым пахучий, Крым колючий, Крым любовный, древний Крым...» В твоей походной сумке, перекинутой через загорелое плечо, — камни, раковины, можжевельная, с темно-красными ягодами веточка, сухие, пахучие травы и множество керамических черепков, которыми усеяны склоны Крепостной горы.

«Крым пахучий. Крым колючий...»

Вернулись, а в Москве уже осень. Золотистая, жаркая. Помню: ты купаешься в ворохах листвы, как еще недавно — в море... Каштановые ежики падают в зеленую траву. И цветет наш шиповник.

Цвел еще вчера...

А утром... Выглянула в окно и обомлела: лоджия завалена снегом! И во дворе — белым-бело... Не осталось ни зеленого, ни золотого. Ну, вот и зима, сынок. Так скоро. А у нас еще столько планов было на эту осень!..

Ты проснулся измученный, уставший. И при свете холодного, неуютного утра я увидела причину твоих ночных стонов: указательный палец на левой руке распух и посинел, у пальца была температура, тебя знобило и лихорадило.

— Проволочкой, наверное... — вздохнул ты, морщась от боли. — Я думал, пройдет...

Карманы твоего осеннего пальто были, как всегда, набиты всякой всячиной, в том числе и моточками тонкой разноцветной проволоки, к которой ты имеешь особое пристрастие. («Потому что красивая!»)

— Я когда-нибудь зашью твои карманы! — в сердцах говорю я.

— А как же я тогда буду жить? — в твоих глазах искреннее недоумение.

Наскоро позавтракали. Черепашка к завтраку не выползла, забила в угол.

— Значит, точно, зима пришла, — говоришь ты.

На улице холодно и пустынно. Ветер треплет полуоборванную киношную афишу, созывающую редких прохожих согреться очередной сентиментальной историей — «Жена ушла».

— Мама, слушай стишок:

Зима пришла

Жена ушла.

Посмеялись.

В поликлинике дежурный врач, взглянув на твой палец, произнесла решительно и сурово: «В травмапункт! Немедленно!»

Такси, разбрызгивая мокрый снег, несло по Садовому кольцу. «Ну как, очень больно?» — спрашиваю тебя, а ты вместо ответа ворчишь: «Вечно ты приписываешь мне болезни... Совсем не болит, только горько и колется изнутри».

Было воскресенье, и потому детей везли в в центральный травмапункт со всей Москвы. Ну и насмотрелись мы там!.. А твой палец распухал и темнел с каждой минутой.

Наконец подошла наша очередь. Тебя увели в операционную, а меня попросили выйти в коридор. Через две двери до меня донесся твой истощенный крик... Инстинктивно рванулась за дверь, но услышала мягкое, с легким укором: «Ну что вы, мамочка, так волнуетесь? Подождите в коридоре, вас позовут».

Вышла. Прислонилась к косяку. Странно, но ты больше не кричал. Там — за двумя дверьми — было тихо, и эта тишина пугала еще больше, чем крики.

Наконец меня позвали. Ты сидел на топчане со взмокшими на лбу волосами, красным, распухшим носом и забинтованной рукой.

— Милый, не плачь, все уже позади...

— А я и не плачу вовсе, — неожиданно спокойно сказал ты. — Это я только в самом начале, когда еще до заморозки — тогда больно было. А потом так интересно было!.. Я тебе все-все сейчас расскажу.

На обратном пути ты, захлебываясь от восторга, рассказывал, как тебе вскрывали палец и как это интересно и какие там, в той комнате, замечательные шипчики. «А еще там, в помойном ведре, почему-то валяются такие красивые белые тапочки и варежки! И даже валенки! Такие белые и такие красивые, и почему-то в помойном ведре...» Я поняла, что ты говоришь о старом гисе.

— Не понимаю, почему другие дети боятся уколов и шипчиков? Станные какие-то.

— Это ты странный. Другие дети любят цирк, а тебя туда не заманишь.

— Ну, сравнила!.. Цирк — и шипчики! Что ж в этом цирке интересного? А шипчики... Там их столько... А баночек всяких!..

И вдруг, неожиданно:

— Мама, отгадай загадку. Шли по улице курица и цыпленок, и вдруг цыпленок клюнул в лапу петух.

— Что-то не соображу, сынок.

— Эх, ты! Ведь же так просто! Курица — мама, цыпленок — Антон, то есть я, лапа — это рука, конечно, точнее — палец. А петух — это доктор, который, так сказал, «клюнул» мне в лапу, то есть — вскрыл палец.

И хохочешь, довольный!..

Снежная, ветреная, бурная осень. Все смешалось. Спутались времена года. Колесо времени закрутилось со страшной бы-

стротой: вечером — весна, утром — осень, днем — зима...

— Как на Меркурии, — говоришь ты. — Там год проходит за двадцать четыре часа.

— А где же лето? Что-то лета не видно. На миг ты растерялся. Задумался. И тут же, обрадованный, делишься своей догадкой.

— Ночью! Когда мы спим! Потому мы его и не замечаем. А еще... — и ты улыбаешься, прижмурив от удовольствия глаза: лето в нашем чемодане.

Иногда, по вечерам, мы открываем большой обшарпанный чемодан, набитый черепками, камушками, сухими ветками колошевого синеголовника, можжевельника, нежной серебристой полыни, — и вдыхаем терпкий, пьянящий запах нашего лета...

— Скоро уж и Галлея причмокает к нам, — сообщаешь ты, залезая в утреннюю газету. — Комета, а тащится, как черепаха...

Стою у окна и смотрю на улицу, на которой опять — поздняя осень. Ураганный ветер срывает газеты, афиши и гонит их вместе с мокрой, ржавой листвой по тротуару... И в доме холодно. Наш тринадцатый этаж насквозь продуваем ветрами. Холодно, неприятно, тревожно. Все-таки оно ушло, лето... А с ним и светлая, счастливая безмятежность.

— Ау, мамася! — теребишь ты меня то и дело, не позволяя остаться наедине с собой, боясь этих моих уходов «в себя». — Ты куда этак уйдешь? Ты о чем думаешь? Хочешь, я расскажу тебе одну историю?

И говоришь, говоришь... Давно заметила: в наши самые трудные дни ты становишься особенно говорливой. Сознательно или бессознательно, ты стараешься оторвать меня от невеселых мыслей, вернуть в наш счастливый круг...

Всегда, даже когда ты был совсем маленьким (и тогда, когда я жила в ожидании тебя), всегда я чувствовала себя защищенной тобой. И была уверена, что ты защищен моей любовью так же, как я тобой. Ты да я, да мы с тобой... Как две половинки одного целого. Две нерасторжимые половинки.

В семье должны быть мужчина и женщина, говорила я себе. Пусть это даже отец и дочь, мать и сын, или хотя бы дед и внучка. Так что у нас все в порядке. Ты был мне сыном и братом одновременно. То младшим братом, то старшим. А порой я чувствовала в тебе опору и защитника, какого мечтала когда-то обрести в отце. А то вдруг ты превращался в дедушку-ворчуна или в маленького мудреца, и я недоумевала: «Так сколько же тебе лет на самом деле?»... И с каждым днем, с каждым годом нашей жизни, растя тебя, любя тебя, общаясь с тобой, учась с тобой всему заново, открывая вместе с тобой мир и вместе с тобой ему радуясь и удивляясь, с каждым днем я открывала в себе все новые таланты и возможности: я и сама становилась то твоей сестрой, то твоей подружкой по играм и фантазиям... «Мне никто-никто, кроме тебя, не нужен!» — говорил ты, обхватывая меня за шею тонкими, горячими руками.

Мы с тобой любили все времена года. Но совершенно особой любовью — ненастные дни поздней осени. Когда ветер, дующий с канала и из лесов, начинающийся за кольцевой дорогой, влажно и тяжело напирал

на стекла... Когда затяжные дожди заливали лоджию... Ах как тепло, как уютно было всегда в нашем гнездышке на тринадцатом этаже! Светила лампа, выпуская на потолок белого голубя, ты сидел в кресле-качалке с «Незнайкой» или с «Маугли» и тихонько смеялся от удовольствия, поглощая страницу за страницей... Я стучала на старой «Олимпии», и ее стрекот нам обоим напоминал стрекот августовских кузнечиков в зарослях травы у нашей бухты... Еще месяц назад ты уходил в эти заросли с головой, как в лесную чащу...

Цветущая стена радости, она возвышалась вокруг нашего с тобой мира, точно крепостная стена, и делала нашу жизнь неприступной для бушующих снаружи ветров...

Но этот циклон!.. Он будто проломил цветущую стену и забушевал внутри нашего гнезда. «Нет, нет, — говорю я себе, — ничего не случилось, просто резкое похолодание, просто не греют батареи, надо заклеивать окна и включить камин. И опять станет тепло и уютно». Ничего не случилось, просто циклон, да к тому же — твой палец. Так бывало и прежде, когда ты заболел, я всегда чувствовала ледяное дыхание другой жизни — той, которая за цветущей стеной.

Через день мы ездим на Филатовскую. Палец заживать не спешит. У врачей возникло подозрение, что воспаление захватило кость. Вот что наделала твоя проволочка!

А тебе эти поездки нравятся. Пока мы сидим в очереди, ты вовсю общаешься. На правах старожилы рассказываешь тем, кто здесь впервые, что там, в операционной, совсем не страшно. «А какие там замечательные шипчики!» Эти шипчики тебя совершенно свели с ума. Ты даже сочинил про них песенку и с большим чувством напеваешь ее:

Как понравились мне шипчики!
Замечательные шипчики!
Эти маленькие шипчики,
Хирургические шипчики...
Как я счастлив, что я проволкой,
Подколол свой палец проволкой!
А иначе никогда бы я
Не увидел этих шипчиков!
Как понравились мне шипчики,
Хирургические шипчики...

В кабинет ты заходишь радостно, почти вприпрыжку, тебя не пугает смысл слов «костный процесс», который меня повергает в отчаяние. Ты отважно направляешься на перевязку, а я присаживаюсь на отянувшийся холодной клеенкой топчан и жду: что-то нам скажут сегодня?

— Прости, пожалуйста, я не хотел тебе сделать больно. Я нечаянно... Больше больно не будет.

Эти спокойные, ласковые слова, обращенные к тебе, когда ты дернулся и ойкнул (доктор снимал с твоего пальца повязку), вывели меня из оцепенения. Я будто очнулась. Ойнула — и увидела доктора. (До этой минуты я видела только высокую широкоплечую фигуру в голубом халате и хирургическую шапочку над густыми, сурово сдвинутыми бровями.) Я видела, что доктор совсем еще молод, у него синие, по-детски открытые глаза. А руки большие и сильные, как у спортсмена. Твоей маленькой руке с тонким запястьем и заго-

релыми, исцарапанными пальцами было уютно и нестрашно в этих больших добрых руках.

Доктор, обрабатывая твой палец, негромко и как-то по-домашнему разговаривал с тобой. Спросил, чем тебе удалось так отменно пораниться, и ты, торопясь и захлебываясь, стал рассказывать ему о содержимом своих карманов, о своей замечательной коллекции разноцветных проволочек... Доктор засмеялся и показал тебе свою руку: «Видишь? У меня когда-то была такая же история, кстати, на том же пальце, что у тебя. Ничего, и у тебя заживет».

Затем доктор передал тебя медсестре, а сам долго и внимательно изучал рентгеновские снимки. Наконец обернулся ко мне.

— Ну что вы на меня так испуганно смотрите? — он улыбнулся, и я опять удивилась его молодости. — Палец спасен. Теперь дело пойдет на поправку. Но надо еще поездить к нам.

— Сколько угодно, доктор! Только бы все это кончилось... Скажите, а отчего это бывает? У одного тут же заживет, а у другого...

— Ну, как вам сказать? От судьбы, наверное... — и пояснил: — От индивидуальных способностей организма к сопротивлению.

Я смотрю в его умные и спокойные, по-детски синие глаза и думаю о том, что весь он такой уютный, такой домашний, и хоть молод, но определенно женат, и у него маленькая дочка, года два, не больше. У него это буквально на лице было написано, что он отец маленькой дочки.

До Маяковки шли пешком. Снег вчерашней зимы сошел, мокрые тротуары и мостовые по-весеннему отражали огни фонарей и реклам. И настроение у нас было праздничное. Зашли в сад Аквариум, побродили, пошуршали листвой...



— Какое счастье, что я подколот палец! — говоришь ты.

— Да в чем счастье-то?

— А иначе мы бы никогда не попали в Филатовскую, и я бы никогда не увидел щипчиков, — произносишь ты с такой нежностью и упоением, как будто речь идет о самом что ни на есть радостном и приятном. — И доктор очень хороший, — добавляешь ты, повидавший на своем еще недолгом веку много разных докторов. — Когда он повязку снимает, совсем, ну ни капельки не больно! Это почему?

— Потому что он добрый. И рука у него легкая.

Через день мы снова в Филатовской. В коридоре, как всегда, очередь. Хлопает дверь кабинета, к нам долетают обрывки фраз. «Припрыгал?» — улыбнулся доктор (по голосу было слышно, что улыбнулся) мальчику-подростку, который ловко скакал на одной ноге, другую, с переломом, поджав под себя, как цапля. За ним, едва волоча старые ноги в ботах «прощай-молодость», плелся насмерть перепуганный дед, неся в дрожащей руке еще мокрые рентгеновские снимки. «Припрыгал?» — улыбнулся доктор мальчику — и всем, даже сидящим за дверью, стало веселее на душе.

«Ну что, маленькая? Ручка болит? Сейчас посмотрим, что с твоей ручкой», — ласково наклонился он к маленькой зареванной девочке. И дверь опять захлопнулась.

Мама девочки вскоре вышла в коридор, оставив свое сокровище в руках доктора. Нервно теребила мокрый платок. Я вспомнила себя в первый наш приезд сюда.

— Да вы не волнуйтесь, — попробовала успокоить ее. — Доктор очень хороший.

— А вы что, не первый раз уже? — живо спросила она, а сама прислушивалась к тому, что делалось за дверью. Дочка ее не плакала, и так же, как и меня в первый раз, тишина пугала женщину.

— Вы говорите, хороший доктор? — переспросила она.

— В его руках дети не плачут.

— Да, и моя молчит...

Ну вот наконец и наша очередь.

Доктор осторожно снимает с твоего пальца повязку. Палец явно идет на поправку. По крайней мере, с тем, что было — не сравнить. Опухоль спадает, ранка уже не сочится гноем и кровью и потихоньку затягивается.

— Миленько, очень миленько! — весело говорит доктор.

На его столе зазвонил телефон. Он поднял трубку, сказал приветливо: «Травмапункт». Долго и терпеливо объяснял, как доехать. На всех хватает его тепла и приветливости! Хотя, казалось бы, где можно набраться терпения и ласки при таком потоке? Идут и идут... Одних приносят на руках, другие кое-как припрыгивают сами. В коридоре не пустеет, очередь не убывает. И так — каждый день. В будни и праздники, в субботы и воскресенья...

Предстоящая через день поездка, по всей видимости, будет последней. Палец заживает. Прекрасно, конечно, и спасибо доктору, — но как же быть дальше? Ты так привык к этим поездкам, ты ждешь их с не-

терпением. Как же нам подружиться с нашим доктором? Не подойдешь ведь и не скажешь: «Давайте дружить, доктор». Хотя почему и не скажешь?

— Давай что-нибудь подарим доктору на прощанье, — говорю я тебе. — Песенку про щипчики и еще какие-нибудь твои стишки. Ему, должно быть, будет приятно.

— А что? Давай! — соглашаешься ты, радуясь возможности постучать на машинке. — А почему «на прощанье»?

— Но ведь палец твой почти зажил. Завтра мы едем в последний раз.

— Давай другой палец пораним, — лукаво улыбаешься ты. — А что? Пальцев у меня много!

Последний приезд в Филатовскую. Доктор подтвердил мои радостно-грустные предположения: воспаление остановлено, через пару дней ранка затянется окончательно.

— И на этом... мы с вами расстаемся, — говорит он.

— Спасибо вам, доктор.

— Не за что, — улыбается он. — Если вдруг опять что-нибудь... приходите.

— Теперь только к вам! Доктор... мы хотели бы подарить вам на прощанье стихи.

И я протягиваю ему аккуратно сшитую тобой синими нитками книжечку. На титульном листе — сделанная твоей рукой надпись: «Филатовскому Доктору от Анто-на».

Как же он обрадовался!..

— Антон, ты пишешь стихи? Это прекрасно! Стихи — это прекрасно! Самый лучший подарок...

Я смотрю на нашего Доктора и никак не могу разглядеть его. Необыкновенная доброта, излучаемая этим лицом, как бы заслоняет его черты...

Середина ноября — а метет, как в феврале... Белые, косматые смерчи несутся по выстуженному, заваленному сугробами городу. Редкие прохожие пробегают, уткнув лицо в воротники.

Накануне я обещала тебе, что сегодня мы поедем в гости к Доктору. Две недели прошло с нашей последней поездки в Филатовскую, и ты изныл: «Хочу в Филатовскую!..»

— Ну что едем в гости? — спрашиваю тебя. — Смотри, какая метель!

— Ведь же решили! Значит, надо ехать. Зачем переменять решение?

Накутываемся потеплее и выходим — в безлюдье и холод. Дыхание тут же забивает обжигающе-душным, огромным, не уместающимся в легких ветром. Ты судорожно раскрываешь рот, по щекам текут слезы. Ты прячешься за мою спину.

— Может, вернемся? — кричу я тебе сквозь метель. — Мы даже до метро не дойдем!

— Зачем переменять решение! — кричишь ты в ответ. — Ведь же решили!..

На наше счастье из-за угла дома выныривает такси с зеленым спасительным огоньком. Мы машем ему в четыре руки. Вваливаемся в теплый уют машины и не можем отдышаться.

— Интересно, какая сегодня будет очередь? — говоришь ты.

— Какая бы ни была, уже едем.

Окончание следует

Говорят дети

Наташа, 4 года

— Мама, если я упаду с восьмого этажа, то умру?

— А как ты думаешь?! В лепешку разобьешься!

— Да... Лепешка жить не будет.

Марина, 4 года

Купаясь, утопила мыло.

— Ой, дефицит утонул!

Диана, 4 года

Мама:

— Диана, пойдем к зубному врачу?

— Подожди, мамочка! Я сначала нахрабрюсь!

Марина, 2 года

Увидела телефон.

— Мама, дай мне этот алешник!

Утром, подытоживая наблюдения за взрослыми:

— Папа брился, а мама бигудилась...

Толя, 3 года

Увидел в первый раз манты:

— Мама, это что ли пельмешек вырос?!

Мама запела песню: «И от тайги до британских морей...»

Толя:

— Нет, эту песню без ружья петь нельзя!

Таня, 3 года

Помогает деду сажать картофель. Сосветует:

— Ты только глубоко не закапывай! А то потом не найдем!

Максим, 3 года

— Максим, вы во что играли в детском саду?

— Я был папа, Алеша — баба, Ксюша — мама, Костя — деда...

— А что делал папа?

— Наказывал.

— А мама?

— Тоже наказывала.

— А деда?

— И он наказывал. Все наказывали...

— ...Дедушка на меня сердился...

— Как?

— Глядя...

— Сегодня к нам в садик врачи приходили: слуховка и уколостка...

Записали наши читатели: Т. Стариченко (г. Донецк), И. Шарипова (г. Набережные Челны), Л. Пятрашвили (Костромская область), Митунцова (Карельская АССР), Е. Иванова (г. Грозный).



для взрослых

Туда, к началу...

Алла Гербер. МАМА И ПАПА. Повесть-быль. Чистые пруды: альманах. — М.: Моск. рабочий. 1989.

Название поначалу кажется не то сентиментальным, не то слишком детским. «Мама и папа»?.. Но русский язык имеет свои законы: «Мать и отец» будет совсем не то. Да, это из детской памяти, из прошлого, которое отодвигается все дальше и становится все ближе, из осознания себя, своего настоящего, которое было бы невозможно без понимания утрат, без превеликой и идеализации этих утрат. Но нет, автор настаивает, требует, чтобы мы ему поверили: нет никакой идеализации, все правда, даже апеллирует к Бунину: «А зачем выдумывать?.. Вечная боязнь показаться недостаточно книжным, недостаточно похожим на тех, что прославлены! И вечная мука — вечно молчать, не говорить как раз о том, что истинно твое и единственно настоящее, требующее наиболее законно выражения, то есть следа, воплощения и сохранения хотя бы в слове».

Папа и мама были необыкновенные. Так бывает, так было. И самое большое — ощущение читателя, которым исподволь заражает его автор, — таких уже не будет. Об этом нет речи; но ведь это так... Потому что поколение довоенной интеллигенции, к которому принадлежали родители, возросло на другой почве, другие корни их питали; и корни эти вырублены,

уничтожены. И вдвойне драгоценны свидетельства о них — ведь они живут только в нашей памяти...

Их удивительность была в естественности, искренности, прямоте, умении радоваться своей и чужой радостью, быть счастливым и делать счастливыми окружающих — несмотря на все беды, выпавшие на их долю. В них не было ничего исключительного, выдающегося, ничего, что позволило бы дочери еще в детстве сказать: «Мои мама и папа — самые лучшие» (она скажет это, повзрослев, скажет всем пафосом, всем интонационным строем своей повести). Несостоявшиеся пианистка и певец. И вместе с тем в высшей степени состоявшиеся Люди. Почти идеальная — при всей своей документальной реальности — Семья. Они любили друг друга, любили дочь, близких, дальних, посторонних, были тверды в своих нравственных принципах (а потому и им друг с другом, и окружающим с ними было далеко не всегда легко). И при этом они были очень разными... Отец мог показаться кому-то чудачком. В самом деле: то он спрашивает у первого встречного подростка его имя и фамилию, в высших целях притворяясь, что хорошо знает и высоко ценит его отца (чтобы тот мог гордиться им); то говорит «большое спасибо» хаму-продавцу; то вразумляет «без помощи рук» юного антисемита; то тащит на прогулку в парк целый двор, одаряя всех сладостями. А как он предупредителен в отношении к женщине (любой — не только маме)! Как умеет делать подарки, выказывать внимание, заботу, выдумку! Но это же его качество — причина многих семейных конфликтов (как же без них при «честной пустоте кармана»!): «...папа... одалживал весело. С его размахом жить, тратить, угощать ему вечно ни на что не хватало... после смерти папы мы еще долго отдавали его «веселые» долги, которые брались для наших общих радостей». Он может простить дочери разорение из-за ее детских игр своего письменного стола, лишь попытается объяснить, в чем его истинное назначение. Зато он во всем верен себе и — вопреки всем очевидностям — вернется из сталинского лагеря после семи лет заключения внешне совершенно таким же, как был (не зря он целый год гото-

вился к этой встрече и еще прежде каким-то фантастическим образом сумел послать жене из мест «не столь отдаленных» духи).

Мама, казалось бы, ему прямая противоположность. Она «всю жизнь была профессиональной отличницей», любила (и, не жалея сил, наводила) порядок, была строга, но справедлива и с дочерью, и с учениками, зарабатывав у них прозвище «богини зла», изо всех сил боролась с желанием нравиться мужчинам (а была очень красива и многим нравилась), сжимаясь под осуждающими взглядами дочери.

На первый взгляд, повесть изобилует вставными новеллами. Но герои каждой из них, будь то двоюродная сестра Жанка, не жалеющая себя ради любимых попростакоски сыновей; или хлебосольная бабушка, из ничего создававшая кулинарные шедевры для голодной оравы внучкиных одноклассников и готовая попотчевать даже ночных «гостей», пришедших за главой семейства; или деликатнейший кладбищенский служитель Лазарь, предлагающий посетителям молитву и хорошо осведомленный о горестях и бедах товарищей по нерадостному ремеслу, — все они как-то очень уместно дополняют портреты мамы и папы, создают для них вполне органичный фон. Ведь они все тоже из того, невозвратного времени...

На всех них тоже лежит отблеск святости, что ли. Впрочем, автор не ищет высокие слова, скорее — простые слова. В одном из эпизодов рассказывается, как отец встретил известие о замужестве взрослой дочери. Известие было неожиданным: прогуляв до рассвета с любимым человеком, забыв позвонить родителям, дочь, чтобы переиграть ситуацию, перевести ее в шутило-радостный план, утром появляется в дверях родительского дома со своим другом, бутылкой шампанского и возгласом: «Вот... мы... Это... мой... муж»... «С папой творилось что-то странное — куда делось его гостеприимство, щедрая радость гостям, любовь к неожиданному, к праздникам? Как и в тот вечер, когда он увидел меня с сигаретой, он не произнес ни слова. Он точно не видел меня и моего будущего мужа. Он сидел на диване, низко опустив голову, разложив на коленях большие, как у мельника Хаима, руки, и мертво

молчал... Папа, конечно, сел с нами за стол, но в глазах его была такая мука, что мне не то что замуж — повеситься захотелось»...

Дочь обиделась на отца, ее праздник был испорчен, и поняла его она только тогда, когда вот так же неожиданно сын объявил, что идет «бракосочетаться»... «В тот момент мне казалось, что меня выбросили на мороз, оставили ночью одну в лесу, в котором я и днем боюсь заблудиться. Предана, брошена, покинута... И кем?!» «Да, я оказалась такой же элементарной матерью, каким замечательно элементарным был в тот вечер мой отец...» Слово «элементарный» Гербер подчеркивает. Это очень важное для нее слово, важное понятие, может быть, самое важное. В сущности, вся книга об этом — о возвращении к элементарному чувству родительского дома, памяти о родителях, дочерней благодарности...

Я читал фрагменты из этой повести вслух на уроках, классных часах, родительских собраниях, давал ее своим коллегам-педагогам и друзьям. И каждый раз итогом было потрясение и непременно слезы на глазах. Сначала мне казалось, что дело в эмоциональном захвате, в том темпераменте автора, который не может не действовать на любого. Но потом подумал, что так непременно должно быть, потому что книга обращена к каждому, она о первооснове жизни, об изначальных, элементарных чувствах, которые определяют сущность любого человека, чувствах, которые многие десятилетия попирались, считались архаическими пережитками, чем-то, что нужно преодолеть во имя главного — строительства великого будущего. Теперь пришло отрешение: мы понимаем, что без этих чувств нет ни человека, ни настоящего, ни будущего.

Повесть Аллы Гербер просится в отдельное издание. Не только потому, что альманах «Чистые пруды», где она напечатана, издан небольшим тиражом и стал раритетом, а в журнальном варианте («Юность», № 5, 1989 г.) слишком многое осторожно опущено, а потому что эта одна из тех книг, в которых видишь реальную потребность для каждого.

Ф. НОДЕЛЬ,
кандидат педагогических наук

И это все спорт...

Обзор книг

На одной из площадей Хельсинки стоит памятник человеку, который не был ни великим полководцем, ни популярным писателем, ни государственным деятелем. Пааво Нурми был бегуном. Диапазон его возможностей был поразителен: дистанция от полутора тысяч метров до двадцати километров. Он бежал на трех олимпиадах и девять раз — девять раз! — добивался блестящих побед. «Кудесником бега», «великим Нурми» называли его.

О Пааво Нурми рассказывает в книге М. Залесского и Л. Рейзера «Путешествие в Страну бега» (М.: Физкультура и спорт, 1986).

«С чего начинается физкультура?»

С бега трусцой!

С чего начинается спорт?

С пробежек и кроссов!

Чаще или реже, быстрее или медленней, на большое расстояние или короткое, по асфальту или тропинке, утром, днем или вечером — неважно, где, как и когда, но бегать приходится каждому...

Школьный урок физкультуры начинается с бега.

Суровые солдатские будни начинаются с бега.

Тренировка футболистов начинается с бега...

Бегом начинается, развивается и поддерживается активная, полнокровная жизнь...

Словом, бег — начало всех начал.

И потому должен он стать верным спутником жизни каждого из вас, независимо от ваших увлечений и способностей.

Так считают авторы книги «Путешествие в Страну бега», которая знакомит ребят с историей этого вида спорта, дает полезные советы, отвечает на самые разные вопросы.

«Хочешь стать боксером?» — так называется книга А. Шириева, появившаяся в издательстве «Физкультура и спорт» в 1986 году. Автор ее убежден, что людей, не способных к боксу, нет. Любой — очень быстрый и относительно медлительный, мощный и слабосильный, высо-

кий и низкорослый — может заниматься боксом. В книге идет разговор о закаливании, гигиене, питании, о причинах спортивного травматизма и его профилактике, приводятся комплексы упражнений без предмета и с разными предметами — мячами, скакалкой, комплекс упражнений для формирования правильной осанки, комплекс упражнений на растягивание и расслабление, даются советы, как освоить технику бокса, овладеть чисто боксерскими знаниями и умениями.

В святая святых самбо, в царство бросков и захватов, болевых приемов и удержаний, в кузницу тактики и стратегии спортивной борьбы вводит ребят книга Д. Рудмана «Самбо» (М.: Физкультура и спорт, 1985). Опытнейший спортсмен, обладатель не только всех возможных титулов и наград, но и солидного педагогического опыта, рассказывает обо всем, что нужно знать начинающему самбисту. Каждое задание рассчитано на месяц тренировок. Заданий — двенадцать. Значит, чтобы освоить все необходимые приемы, понадобится не меньше года.

Книжка Д. Рудмана вышла в серии «Азбука спорта», о которой два года назад уже шел разговор на страницах нашего журнала. Хочется лишь напомнить, что серия существует более 10 лет и за это время в ней появилось достаточно много нужных и полезных книг, приобщающих школьников к увлекательному миру спорта, рассказывающих, как сделать первые шаги в том или ином виде спорта. Среди них — книги, посвященные спортивным играм: «Хоккей с мячом» В. Соловьева и В. Ватутина, «Баскетбол» Е. Яхонтова и З. Генкина, «Волейбол» А. Фурманова и Д. Болдырева, «Настольный теннис» А. Амелина и В. Пашинина, «Гандбол» Н. Клусова и А. Цуркана, «Футбол» Б. Цирика и Ю. Лукашина, «Бадминтон» В. Лифшица и А. Галицкого. Все эти книги — своего рода самоучители, предназначенные прежде всего для подростков. Книжки знакомят ребят с историей становления и развития игры, ее правилами, техническими приемами и тактическими комбинациями. Все они дают представление о правильной (без перегрузок) тренировке, о режиме дня, питании, гигиенических процедурах и закаливании.

Юным любителям спорта принесет пользу и такая серия издательства «Физкультура и спорт», как «Твой первый старт». В 1984 году в этой серии вышла, к примеру, книжка И. Тер-Ованесяна «Летающие над землей». Автор ее, заслуженный мастер спорта, рекордсмен мира и Европы по прыжкам в длину, рассказывает о своей жизни в спорте, делится с читателями секретами мастерства.

Годом позже в этой серии появилась книжка «От надежды до победы». Это, по мнению заслуженного тренера СССР А. Ушакова, хороший подарок всем любителям легкой атлетики. Н. Ткаченко, одна из лучших спортсменок мира, рассказывает в ней о женском легкоатлетическом многоборье, о своем долгом и трудном пути к олимпийской победе.

Еще одна книга о легкой атлетике — «Подружись с «королевой спорта» Е. Малкова. Вышла она в издательстве «Просвещение» в 1987 году в серии «Спорт в твоей жизни». Прочитав ее, ребята поймут, почему легкая атлетика получила название «королевы спорта», в чем секрет ее популярности, как велики ее возможности в физическом развитии человека, узнают, из чего складывается программа современной легкой атлетики. Главная задача этой книги — помочь школьникам сделать первые самостоятельные шаги в легкой атлетике, овладеть техникой бега, прыжков, метания спортивных снарядов.

Можно порекомендовать ребятам и другую книгу, изданную «Просвещением» в том же, 1987 году, — «Советы юному вратарю» В. Третьяка. Он интереснее прежде всего тем, кто бредит хоккеем.

Книги, адресованные юным любителям спорта, выпускает, разумеется, и «Детская литература». Среди выпусков серии «Знай и умей» найдутся книжки для юных гимнастов (Г. Боброва, «Искусство грации», Н. Васютин, «Выступают юные гимнасты»), конькобежцев и велосипедистов (Ал. Седов и Ар. Седов, «Быстрые километры»), для любителей шашек (В. Городецкий, «Книга о шашках») и других видов спорта.

Те же, кто хочет получить систематизированное представление о мире спорта, могут обратиться к такому справочному изданию, как «Энциклопедический словарь юного спортсмена». Правда,

обращаясь к этому словарю, не стоит забывать, что выпущен он был издательством «Педагогика» десять лет назад — в 1979 году. Сведения справочного характера можно найти также в книге В. и Ж. Кудрявцевых «Спорт: события и судьбы: Книга для учащихся 5—10 классов средней школы» (М.: Просвещение, 1986). «Цель этой книги — суммарное объединение современных знаний, фактов, рекомендаций тренеров, учителей физкультуры, методистов, врачей, чтобы получилась своего рода популярная практическая спортивная энциклопедия...»

Г. РУМЯНЦЕВА,
главный библиотекарь
Государственной
республиканской
детской библиотеки РСФСР

О храбрости и долге

Орлов Олег. ГЛОБУС АДМИРАЛА: Очерки и рассказы / Рисунки В. Крылева. — М.: Детская литература, 1988.

С книгами Олега Петровича Орлова читатели познакомились давно, они вызвали их интерес, однако имя автора как-то осталось незамеченным в критической литературе о детских писателях. Между тем его книги «Цемеская бухта», «Отец и сын с «Безупречного», «Штурман с «Альбатроса» прочли многие, как его рассказы в журнале «Костер». Успех книг Олега Орлова — прежде всего в хорошем знании своего читателя. Частые встречи с ним в морских городах, вовлечение ребят в морские игры-путешествия, в поиск неизвестных героев-моряков (так, журналом «Костер», где работает писатель, проводились экспедиции «Гидрограф», «Курс — победа!», «Океан», «Вокруг света»; в «Морской газете» журнала на протяжении четверти века рассказывалось о делах морских клубов, созданных в десятках городов страны, о малоизвестных страницах истории флота; наконец, Орлов — неизменный автор радиопередачи «Морские вести», которую слушают миллионы).

Его последняя книга вобрала все лучшее, что было создано, пополнилась многими новыми рассказами и очерками, собранными в трех разделах: «Флаг с «Потемкина», «Юнга Лялин», «Третий осколок».

Их свыше шестидесяти — рассказов-миниатюр, знакомящих с интересными судьбами моряков военного и торгового флота. В первом разделе читатель узнает об участии моряков в революционных событиях, о первом «красном адмирале» М. В. Иванове, назначенном В. И. Лениным на эту должность; о посещении Лениным радиостанции на острове «Новая Голландия» в Ленинграде (тогда Петрограде); о подвиге сторожевика «Ястреб»... Большинство рассказов и очерков из других разделов возвращают читателей к дням Великой Отечественной войны. Ребят ожидают встречи с подводниками Н. А. Луниным, А. И. Маринеско, катерником А. О. Шабалиным, разведчиком В. Н. Леоновым. А разве не подвиг — служба капитанов дальнего плавания И. И. Афанасьева и женщины-капитана Героя Социалистического труда Анны Ивановны Шетиной? Ведь за каждым рассказом, как указывает в предисловии контр-адмирал Н. В. Скосырев, «подлинная, невыдуманная судьба человека, ...судьба корабля».

В книге нашли место и три небольших цикла рассказов о том же Шабалине, о сражавшемся Севастополе и «счастливым капитане» Леониде Наумовиче Загоруйко. Плававшая на грузовых кораблях, он побывал за годы войны в разных переделках и не получил ни одной царапины. Талант и мужество капитана не раз помогали спасти судно «Казахстан» и экипаж от атак фашистской авиации и торпед врага. Охотно прочтут ребята про бывших юнг, ставших настоящими моряками: о юнге Лялине, спасшем катер в Новороссийске, о юнге Соколове, ставшем «обманщиком», но оправдавшим доверие и закончившем школу юнг, хотя и пришлось ему из-за слабого зрения взять фамилию друга...

Книга насыщена большим фактическим материалом. Однако факты не заслоняют живых людей, именно они главные герои книги (а среди них — и морской врач, и электрик, и минер, и штурман). На их примере можно судить о том, что морская служба это не только романтика, но и повседневный труд, требующий знаний, упорства, выдержки, а в решающие минуты — бесстрашия, чувства товарищества. Об этом, например, рассказ «Дорогая реликвия». В витрине Цент-

рального Военно-морского музея есть один неброский экспонат — телефонная трубка от корабельного аппарата. Крейсер «Красный Кавказ» шел высаживать десант. Завязался бой, нарушилась связь с орудиями. Матрос Колосков доложил о пробое ниже броневых пояса. Сказал, что может держаться, задраит двери, заделает пробину. Но вода стала заливать отсек. Командир приказал, несмотря на опасность, отдраить двери и спасти матроса. Но двери были закрыты изнутри. И когда после боя с трудом вскрыли двери, откачали воду, то нашли Колоскова, погибшего с телефонной трубкой в руке. Он не пустил воду, спасая свой корабль, своих боевых товарищей...

Нельзя не отметить оформления книги. Издание приятно брать в руки. Красочные иллюстрации художника В. Скрылева органично вошли в текст, а ведь это тоже имеет значение: книга адресована младшему возрасту. Есть в ней рассказы и о тех, кто когда-то встречался с автором, будучи школьником, а теперь стал морским офицером. Автор помог им полюбить морскую профессию. О таком бывшем читателе и последний из рассказов книги, давший ей название, — «Глобус адмирала».

С. ЮРЬЕВ

Путешествие с Нестареющим Мальчиком

В. Ковичев. ТАЙНА ПЯТОГО ЯБЛОКА: Рассказы об экономике с объяснениями, приложениями и словарем / Оформление и рисунки М. Магарила и В. Богорада. — Л.: Детская литература, 1988.

«Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь...» — с грустной иронией писал А. С. Пушкин в первой половине прошлого столетия. В середине нынешнего Б. Окуджава вновь горестно пошутил на ту же тему: «Мы успели сорок тысяч разных книжек прочитать, и узнали, что к чему, и что почему, и очень точно». Лишь сейчас, спустя еще несколько десятилетий, кое-что в нашей системе образования наконец начало меняться. Правда, школа пока не свернула с экстенсивного пути всеохватного освоения знаний, выработан-

ных человечеством: в ее программах по-прежнему первостепенное место занимает чистая наука, без которой, конечно, ученым человеком не станешь, но которая весьма слабо связана с повседневной реальностью. Однако уже отвоевывают свое место в школе и предметы, без коих выходить во взрослую, самостоятельную, жизнь просто опасно. И вот появилось первое пособие для подростков по экономике, одной из основных практических наук (недаром «экономика» в переводе с греческого — искусство ведения дома, домашнего хозяйства).

Впрочем, новая книга ленинградского литератора Владимира Ковичева не имеет официального статуса учебника, она аттестована как произведение научно-популярного жанра. Но тем не менее она первая, ибо ничего подобного на данную тему у нас до сих пор не создано. И написана «Тайна пятого яблока» так увлекательно, доходчиво, что для иных наших серых и скучных школьных учебников может служить образцом.

Между тем перед автором стояла трудная задача: оперируя лишь подростковыми представлениями о жизни, не только объяснить, что такое деньги, цены, прибыль, акции и целый ряд других сложных экономических понятий, но и к тому же уместить весь рассказ в относительно небольшую книжку. Задача была решена единственно верным путем. Взяв в спутники Нестареющего Мальчика и других, тоже не совсем обычных героев — Ното faciens (Человека производящего), Собственника, Продукт, Николая Экономова, автор вместе с Объективным Читателем отправился в далекое путешествие по всем социально-экономическим формациям, которые пережило человечество за тысячелетия своего существования.

Подросток в книге В. Ковичева пройдет дорогами развития цивилизации, но увидит их в новом свете — с точки зрения экономических отношений. При этом ему не придется быть сторонним наблюдателем. Он будет участвовать в разъяснении неразумному племени, насколько мирный обмен Продуктом выгодней даже самой успешной войны: доказывать рабовладельцу, что держать бесправных полуживых от измождения работников не только

аморально, но и неразумно; на цифрах втолковывать острожному хозяину средневековой сапожной мастерской, как в кооперации с другими ремесленниками и купцами добиться большой прибыли и во что ее полезней вкладывать... Более того, юный читатель выступит в роли председателя суда, на котором окончательно и бесспорно будет осужден самый хитрый и самый хищный эксплуататор — Капиталист. Читателя ждут встречи с великими экономистами и прославленными авантюристами, с богатейшими красочными рынками далеких веков и тесными, удушливыми фабриками сравнительно недавнего времени, с алчностью собственников и разумной требовательностью директора социалистического предприятия...

Однако первая книга для детей об экономике богата далеко не одними лишь приложениями. По ее страницам щедро рассыпаны тонкие наблюдения над историей, одобренные к тому же хорошим юмором.

И, наконец, что же это за пятое яблоко, о котором говорится в названии, и в чем его тайна? Об этом вы узнаете сами, когда возьмете в руки яркую, красочно оформленную книжку и прочтаете ее вместе с сыном или дочкой. Путешествие с Нестареющим Мальчиком для взрослых не менее интересно и — уверяю вас! — полезно, чем для детей.

С. ДИНОВ

КНИГИ



календари Согреваемый солнцем (Что мы знаем об апреле)

При Ромуле, основателе Рима, апрель был вторым месяцем года. В календаре древних римлян год состоял из 295 суток и делился на десять месяцев. Четвертый месяц их календаря назывался по своему порядковому номеру в году — *квартидилисом*. Они посвящали его мифологической богине красоты Венере и дали ему имя «*априлис*», происходящее от латинских выражений «открывать», «раскрывать свои дары», «расцветать», так как в этом, втором месяце весны, раскрываются почки на деревьях и распускаются цветы.

По другой версии наименования месяца происходит от латинского слова, означающего *согреваемый (согретый) солнцем, солнечный*. Однако римский поэт Овидий утверждал, что имя этого месяца восходит к латинскому *аперире (отмня оперире, прерие, оперир)*, что означает «*все открывается*», то есть апрель — месяц «весеннего открывания природы».

В Древней Руси, Болгарии и Сербии этот тёплый месяц величали по-своему — древнеславянским именем *цветень* — по началу зацветания растений. Сходные с этим названием *квітень* и *квецень* сохранились за ним до сих пор на Украине и в Польше. За первые яркие весенние краски в Белоруссии он — *красавик*, за первую зелень в Хорватии — *травань*, а в Чехии — *дубен* (дубень).

В нескольких славянских языках именуют так: *берёзозол, берёзозоль, берёзозор*. Все эти имена сложные. Вторая их половина указывает на действие внешнего тепла, так как однокоренные слова *зорить* и *зорить* означают *выставлять на солнце (свет)*. Название *берёзозол* напоминало о том времени, когда срубленные зимой берёзы сжигались и превращались в золу для удобрений полей. Наименование *берёзозол* означало *злой для берёз*, так как в эту пору заготавливали соковицу —

сладкий берёзовый сок, нанося белостебельным красавицам глубокие раны. Имя *березень* связано с началом цветения берёз в это время года.

Нет апреля равных в темпах наращивания температуры воздуха. Это месяц наибольших контрастов в природе, самое интересное время весны. Место ему между последней пургой и первой зеленью: днем — лужи, а ночью — снежная круговерть. Месяц — богатырь, самый сильный в календарном ряду — начало начал, черен он в поле, да бел в лесу, зиму в море со льдом отправляет.

Это и солнечный месяц. Апрельские лучи и ручьи землю будят. Апрель открывает ключи и воды. Он водою славен, половодье начинается, воду подбирает и всех ею напоит. Куда ни кинь взгляд — везде вода, а отсюда и новые у апреля имена: *снегогон* и *снеготок, снегосгон* и *канун половодья, водолей* и *водопол, месяц живой, говорливой воды и ледолом*. Он же и *капельник*, ведь недаром рифмуются слова «апрель» и «капель».

А еще апрель — *парильник, парник*. Он землю парит, земле пару поддает. Апрелем начинается время весенних полевых работ. Месяц сева, в поле зовет. Это о нем сказано в народе: «Вешний день год кормит». Ленивого он не любит, а проворного голубит.

Называют апрель и птичьим месяцем, потому что в это время массы перелетных птиц возвращаются из теплых краев на родину, несут на крыльях весну.

Первое апреля, всем известно, дата озорная: день смеха и шуток, веселых розыгрышей и обманов. С давних времен во многих странах живет обычай, согласно которому даже самым серьезным и неулыбчивым людям грозит искушение впасть в безобидный розыгрыш. На Руси издавна говаривали: «Коль первого апреля не соврешь, когда еще времечко найдешь?» И подшучивали над родственниками, друзьями, знакомыми. С самого детства помнится присказка: «Первый апрель — никому не верь!»

По именному календарю в апреле именинники по дням: 1-го — Иннокентий и Дарья, 2-го — Виктор и Иоанн, Никита и Сергей, Александра и Клавдия, Лидия и Светлана, 3-го — Кирилл и Федор, 4-го — Василий, 5-го — Петр и Евфросинья, 6-го — Петр, 7-го — Гавриил, Иаков и Иоанн, 8-го — Лариса, 9-го — Иоанн и Алла, 10-го — Василий и Илларион, 11-го — Кирилл, Константин и Марк, 12-го — Иоанн, 13-го — Венедикт, Иннокентий и Мария, 14-го — Макарий, 16-го — Никита, 17-го — Георгий и Иосиф, 18-го — Марк, Платон и Симеон, 20-го — Даниил, 21-го — Нифонт, 22-го — Вадим, 23-го — Александр и Максим, Терентий и Федор, 24-го — Иоанн, 25-го — Василий и Иоанн, 27-го —

Иоанн, 28-го — Андрей, Виктор, Анастасия, Трофим и Аристарх, 29-го — Леонид и Галина, Ирина и Ника, 30-го — Александр.

В. МИРОНОВ

зеленая аптека Горька ягода калина

Калина издавна пользовалась в народе особым уважением и любовью, в песнях и сказках ее величали калинушкой, калиночкой, калинкой. В русских обрядах калина являлась символом девственности и чистой любви. Любили калину за ее красоту. Она очень нарядна и красива во время цветения, когда покрывается множеством молочно-белых с нежным розоватым оттенком цветков, собранных в щитковидные соцветия. Цветки двух типов: внутренние — небольшие, с пестиками и тычинками, дают плоды; а краевые — более крупные, бесплодные, основное их назначение привлекать насекомых-опылителей. Особенно эффектно калина осенью своими ярко-красными, алыми гроздьями сочных, сверкающих и переливающихся на солнце ягод. Может быть поэтому-то и называли это растение калиной — плоды у нее красного, как бы каленого цвета. Плоды представляют собой шаровидные костянки с крупной косточкой внутри, терпкие и горькие на вкус, из-за чего съеденные в свежем виде могут даже вызывать рвоту. Однако после морозов горечь теряется, и плоды становятся более сладкими, с пикантной горчинкой, что позволяет их использовать на сок, на кисель, на начинку для пирогов.

Калина издавна широко применялась в русской кухне и народной медицине. Из ее плодов готовили кисель, а пареную калину ели с медом или пускали в начинку пирогов. Семечки, обладающие тонизирующими свойствами, поджаривали и использовали их отвар вместо кофе. Калина широко применялась в народной медицине. Настой или отвар плодов пьют при язвенной болезни желудка и кишечника, простудных заболеваниях, одышке, склерозе, туберкулезе легких, раковых заболеваниях, при болях в области сердца. Полезен настой плодов калины и при других заболеваниях, связанных с нарушениями обмена веществ в организме, при фурункулезе и карбункулезе, а также при экземе и гнойничковых поражениях кожи. Теплый отвар плодов с медом рекомендуется от простуды, кашля, при болезнях почек и печени. Таким настоем с медом хорошо полоскать горло при ангине, обмывать раны и язвы на коже. Плоды, настоенные в течение 6 часов на горячем меде, употребляют при брон-

хитах, воспалениях легких и заболеваниях печени. Свежие плоды и настой из них полезны при гастрите с пониженной кислотностью желудка. Свежие плоды обладают также слабительным действием и помогают при головных болях. Сок калины используют при язве желудка и пониженной кислотности желудочного сока. Сок плодов калины с медом пьют при гипертонии, принимают его как профилактическое средство, предотвращающее появление злокачественных опухолей. Помогает он и при простудных заболеваниях верхних дыхательных путей, в том числе при кашле, оспирности голоса (принимают в теплом виде), при бронхиальной астме. Жителями Сибири применяются и другие части растения. Так, настой цветков пьют при хрипоте и кашле, воспалениях верхних дыхательных путей, а также при почечно-каменной болезни. Настоем цветков и листьев полощут горло при ангине. Отвар из молодых побегов — испытанное средство при эксудативном диатезе у детей. Сок плодов, настой плодов и цветков обладают отличными косметическими свойствами. Так, кожа лица после многократного обмывания настоем или соком плодов становится чистой от прыщей, угрей, приобретает свежесть и бархатистость.

Такое широкое использование калины обусловлено высоким содержанием в ней многих ценных веществ. Плоды калины содержат до 32 процентов инвертного сахара, до 3 процентов дубильных веществ, витамин С, органические кислоты, каротин, вещества Р-витаминного действия, микроэлементы, в том числе и железо. Так, в плодах калины содержание железа, обладающего кроветворным действием, в полтора раза, а витамина С — в полтора — два раза больше, чем в плодах сладкой малины. Все это ставит калину в один ряд с шиповником, черникой, костянкой, которые являются лучшими кроветворными средствами из дикорастущих растений. Кора калины содержит гликозид вибурнин, дубильные вещества, флавофены, смолы, органические кислоты — муравьиную, изовалериановую, лимоненую и другие, фитостерин.

Фармакологическое изучение плодов калины показало, что они повышают мощность сердечных сокращений, действуют желчегонно, противовоспалительно и ранозаживляюще. Ягоды калины входят в состав витаминных сборов, применяются как общеукрепляющее и легкое мочегонное средство. Их назначают также при кожных заболеваниях, отеках сердечного и почечного происхождения, при гипертонической болезни, гастритах, колитах и заболеваниях печени. Жидкий экстракт и отвар коры калины назначают при болезненных и обильных маточных кровотечениях, при угрожающем выкидыше, в послеродовом периоде. Как кровоостанавливаю-

СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ

шее и противовоспалительное средство кора калины применяется при геморрое, заболеваниях желудочно-кишечного тракта.

Профессор А. Д. Турова рекомендует готовить настой ягод калины следующим образом: 1—2 столовые ложки сухих ягод, растертых в ступке, заливают стаканом кипятка. Настаивают 4 часа. Принимают по 3—4 стакана полученного настоя ежедневно.

Экстракт коры калины получают из крупно натертого порошка коры калины, настоянного на пятидесятипроцентном спирте в соотношении сырья к извлекателю 1:1. Назначают внутрь по 20—40 капель 2—3 раза в день до еды.

Для приготовления отвара коры калины берут 7 г коры калины (1 кусочек брикета), заливают стаканом кипятка, кипятят 30 минут, процеживают. Принимают по 1 столовой ложке 3—4 раза в день.

Ягоды калины можно с успехом использовать в нашем питании. Вот несколько кулинарных рецептов.

Сок из калины. 1 кг ягод, 200 г сахара, 200 г воды. Отжать из ягод сок. Мезгу залить водой, прокипятить 5—10 минут, процедить. Полученный отвар соединить с соком, добавить сахар, размешать, охладить. Сок можно использовать как основу для приготовления различных блюд и напитков.

Морс из калины. 0,5 стакана сока калины, 1 л воды, сахар по вкусу. Сок смешать с горячей водой, добавить по вкусу сахар и оставить на 3—5 часов. Подавать в холодном виде.

Кисель из калины. 100 г сока калины, 280 г сахара, 90 г картофельного крахмала, 2 л воды. Крахмал развести небольшим количеством воды, влить в горячий сок, разведенный водой, добавить сахар, помешивая, довести до кипения. Подавать горячим или охлажденным.

Сироп из калины. 1 л сока калины, 2 кг сахара, 10 г лимонной кислоты. В сок добавить сахар, нагреть до полного растворения, удалить пену, добавить лимонную кислоту, снова кипятить 5 минут. Затем процедить через марлю и разлить в бутылки, которые необходимо укутать прокипяченными пробками. Хранить в холодном месте.

Компот из калины с яблоками. 200 г ягод калины, 400 г яблок, 300 г сахара, 2 л воды. Промытые ягоды калины и измельченные кусочками яблоки варить в сахарном сиропе 8 минут. Подавать в охлажденном виде.

Желе из калины. 1 кг ягод калины, 1 кг сахара, 2 стакана воды. Промытые ягоды калины бланшировать в кипящей воде 5—6 минут (для уменьшения горечи и размягчения кожицы). Затем воду слить, залить ягоды двумя стаканами свежей теплой воды и варить до размягчения. Протереть через сито и смешать

с сахаром. Снова варить 50 минут, затем разложить в горячие чистые банки и закупорить. Хранить в холодном месте.

Наливка калиновая. 200 г сока калины, 150 г сахара, 1 л водки, 1 стакан воды. Сахар растворить в воде, добавить сок калины и водку, выдержать 2 дня.

Почему же калина обыкновенная при всех своих достоинствах еще мало распространена в наших садах? Это можно объяснить горечью плодов и сильной повреждаемостью листогрызущими насекомыми. Вместе с тем в последние годы в НИИ садоводства Сибири в результате проведенного отбора среди дикорастущих форм З. А. Шаповой был выявлен сладкоплодный мутант калины обыкновенной.

Калина зимостойкая, ее побеги одревесневают полностью, побегообразовательная способность высокая. Любит плодородные, хорошо увлажненные почвы и легкое затенение. Лучшего развития и декоративного эффекта достигает на открытых местоположениях. Хорошо переносит условия города, отличается дымо- и газоустойчивостью, очищает воздух от пыли и выделяет фитонциды. Но в городе калина может быть лишь декоративным растением, употреблять в пищу и для лечения плоды и кору в этом случае нельзя.

Размножать калину можно семенами, отводками от низко расположенных ветвей, зелеными и одревесневшими черенками, делением куста. Семена следует высевать сразу после сбора плодов, чтобы они не подсыхали (подсохшие стратифицируют). Хорошо развитые черенки длиной 30 см нарезают от урожайных, здоровых кустов и сажают в хорошо удобренную, рыхлую почву в сентябре или рано весной. Уход за калиной такой же, как и за другими ягодными кустарниками: рыление, подкормка, поливы, но более частые. Плодоносить калина начинает с четырех лет, продолжительность жизни до 50—60 лет. При правильной обрезке и агротехнике урожай бывает ежегодным и обильным — до 15 кг с куста. Калина отличный медонос.

Плоды собирают в сентябре — октябре после заморозков, когда горечи в них меньше, проявляют на воздухе и досушивают в печах, духовках, сушилках до твердого, сыпучего состояния.

Кору заготавливают в период сокодвижения, в апреле — мае, когда она легко отделяется от древесины. Сушат на открытом воздухе, на чердаках, в сараях, расстелив на подстилке и сберегая от пыли. Хранить кору можно до четырех лет.

Таким образом, калина заслуживает самого пристального внимания со стороны садоводов-любителей, ее следует шире культивировать в наших садах и парках.

В. ВАСИЛЕВСКИЙ
г. Омск

живой уголок

Любимый из пернатых

Это было в 1840 году. Путешествуя по равнинам Центральной Австралии, натуралист Джон Гульд обнаружил небольших (сравнимых с воробьем) стройных пугав с довольно длинными хвостами и плотным зеленым оперением. Лишь на желтой грудке птиц выступали капельки синих точек, да темные волнистые полосы на верхней части тела и крыльях разнообразили их окраску. Именно за это украшение попугайки и получили свое название — волнистые. Исследователь отловил несколько пар и привез их в Лондон. Неприхотливость, красота, веселый характер птиц сразу покорили сердца многих любителей, природы. Так Европа получила новых (после канареек) пернатых кумиров.

Прошло ровно 150 лет, а значит, у нас есть неплохой повод поговорить о волнистых попугайках. За это время они стали, наверное, самыми распространенными из декоративных птиц, превратились в обычных домашних обитателей. Благодаря работе селекционеров, появились многие их разновидности, отличающиеся формой, рисунком, окраской. Птички зеленого, желтого, белого, синего, голубого, пепельно-серого цвета, а также различных производных оттенков живут теперь во многих домашних зоопарках.

Новоселы

К покупке попуга я готовилась заранее и с самого начала решила действовать «по науке». Сначала отправилась в библиотеку. Там мне предложили очень полезные книги, которые и вам советую прочитать: В. Аникин. Твои пернатые, Л. Беме. Жизнь птиц у нас дома, Б. Симонов. Певчие и декоративные птицы. Как выяснилось позже, воспитывать попугаю помогает и собственный опыт (ведь и у попугаев бывают разные характеры). Но первоначальные знания необходимы! По совету книг я купила клетку с деревянным основанием и металлическими прутьями (40×27×33 см). Для одного жилища такая «квартира» вполне годится. А вот для парочки лучше приобрести домик чуть больших размеров (60×50×40 см). Старайтесь не покупать для птиц клетки из медной проволоки. Под действием влаги и воздуха на прутьях появляется зелень — окис меди, а это самый сильный яд. В клетке должны быть круглые деревянные жердочки (10—12 мм в диаметре). Можно укрепить и всевозможные лесенки, качельки, маленький колокольчик. Обычно попу-

гайки с удовольствием занимают всем этим, Кормушка, подвесные поилка и купалка — необходимое оборудование клетки. В один из ее углов я насыпала горстку чистого речного песка с подмешанными в него толченой яичной скорлупой, измельченными березовым углем и мелом. Скорлупа, уголь и мел — это необходимые птицам минеральные добавки. Песок помогает птичкам переваривать пищу: ведь зубов у них нет. Место для клетки должно быть самое светлое — на тумбочке возле стены. На окне попугайчиков лучше не селить. Там хоть и светло, но бывает сквозняк, которого птицы боятся. Ну вот все готово. Осталось приобрести жилища для новой квартиры. Если вы хотите в будущем обучить птичку разговору, лучше купить молодого самца. Отличить его от самочки легко: у самцов восковица (нарос над клювом) голубого или синего цвета, у самок — грязно-серо-желтая или темно-серая. Покупая парочку, старайтесь подобрать птиц одной цветовой подгруппы (с тенями одной основной краски).

«Назовите птичку так, чтобы в имени была шипящая», — посоветовал продавец, и мы сразу придумали — Шпунтик, Шпуня. А ведь и правда — попугайчиков часто зовут Яша, Кеша, Гриша. Трудно сказать, привыкают ли птицы быстрее именно к таким «шипящим» именам (я, например, знаю и Кузю, и даже Банана). Наверное, важнее, чтобы имя было не слишком длинное и не очень сложное.

Кушать подано

Корм волнистых попугайчиков должен состоять из зернового, мягкого и зелено-фрукто-овощного. Зерна злаков — основная и любимая пища этих птиц, лучше давать ее в виде смеси: просо — 6 частей, овес — 2 части, канареечное семя и мелкий подсолнечник по одной части. В зимнее время хорошо сдабривать такую смесь одной-двумя каплями рыбьего жира или экстракта шиповника (витамины!). Зерно — это ежедневная пища попугайчиков, а мягкий корм надо давать два-три раза в неделю. Это сваренные на воде каши, белый хлеб, размоченный в молоке и отжатый. Раз в неделю можно давать творог. Полезно для попугайчиков и крутое мелко порубленное яйцо. Ряд зелено-фрукто-овощного корма практически бесконечен, и давать его птицам можно в неограниченном количестве: салат, редиска, капуста, морковь, свекла, помидоры, огурцы, яблоки, виноград, апельсины и многие другие фрукты и овощи, если они понравились вашим воспитанникам. Зимой и ранней весной, когда разнообразие зеленого корма не слишком велико, проращивайте овес, горох или пшеницу. Молодая душистая зелень всходов — настоящее лакомство для попугайчиков. А еще постарайтесь,

чтобы в любое время года в клетке были веточки различных деревьев. Наш Шпунтик, например, летом лихо срывает с них листья, зимой ловко лазает по веткам, грызет кору, а заодно и клюв свой подтачивает, не дает ему слишком отрасти.

Разрешите познакомиться?

Я уверена, даже тот, кто до этого был равнодушен к птицам, общаясь с волнистыми попугайчиками, полюбит их, откроет для себя массу интересного. Ведь наблюдать за птичками одно удовольствие! Они очень подвижны, их полет стремителен и ловок (сколько раз я сравнивала летящего крошку-Шпунтика... с орлом!). Еще наша птичка любит важно пройти по полу пешком. А когда торопливо семенит своими коротенькими ножками, еще более уморительна. Приняв меры предосторожности, не бойтесь выпускать попугайчиков из клетки: пусть они лучше познакомятся с квартирой, поближе сойдутся с хозяевами. Если уход за птичками правильный, обстановка, в которой они живут, спокойная, доброжелательная, попугайчики быстро привыкнут к вам, не раз удивят своей разумностью.

Дела семейные

Когда попугайчикам исполнится 10—12 месяцев, можно попробовать получить от них потомство. До тех пор, пока в клетке не появится дуплянка, парочка будет вести обычный спокойный образ жизни. Но подвешенный гнездовой домик — это своеобразный сигнал к пробуждению инстинкта размножения. Самец начинает ухаживать за самочкой — перебирает ей перышки, кормит ее. По прошествии 10—12 дней после спаривания самочка через день откладывает на дно гнездового домика от двух до восьми и более яиц. Насиживание начинается сразу же после появления первого яйца. Заботливый попугайчик-папа очень внимателен к самочке и в этот период: не позволяет покидать гнездо, кормит ее. И вот примерно через 18—20 дней вылупляются голенькие и слепые птенцы. Они совершенно беспомощные. Хотя родители старательно обгревают и кормят малышей, они развиваются медленно. На пятый—шестой день открывают глаза, к двадцати пятому дню постепенно оперяются, на 35—40-й день вылетают из гнезда. Теперь молодянок лучше отсадить от родителей в отдельные клетки и взять главную заботу о птенцах на себя. Хорошо в это время подкормить попугайчиков питательной смесью из толченого печеня, тертого яблока и сока моркови.

«Скажи-ка, Шпуня...»

Однажды я услышала, как мама «разучивает» со Шпунтиком «Бородину».

— Скажи-ка, дядя,— четко выговаривала она, а попугай равнодушно пощипывал.

С лермонтовским творением так ничего и не получилось: это было слишком сложно для попугайчика. К тому же существуют определенные правила обучения птиц разговору. Возможно, они вам пригодятся. Вы будете иметь больше шансов на успех, если возьмете на обучение совсем юного, только что вылетевшего из гнезда попугайчика. Постарайтесь подружиться с ним — разговаривайте ласково, приучите садиться на палец, перешагивать с одного на другой (по лесенке). Ручная птичка легче усвоит слова. В комнате не должно быть посторонних шумов и звуков. Слова старайтесь повторять спокойно, с одной интонацией. Конечно, вас ожидает кропотливая работа! Зато как вы обрадуетесь, если через несколько месяцев регулярных занятий птичка в привычную свою песню вдруг вставит собственное имя или другие слова! Набор их может потом достичь многих десятков. Но бывает и по-другому. То ли ученики попадают на неспособные, то ли учителя не хватает терпения, и уроки кончатся ничем.

...Наш Шпунтик так и не научился разговаривать, но никто в доме не стал меньше любить его за это. Общий язык мы все равно находим.

Елена МИХАЙЛОВА

ниточка-иглочка

Платье для выпускного бала

Это платье романтического стиля должно подчеркнуть вашу индивидуальность и в выборе ткани (это может быть искусственный или натуральный шелк, крепдешин или батист, сочетание шелка и кружевного полотна), и в выборе цветовых сочетаний. Все зависит от вашего вкуса.

Платье может выглядеть очень эффектно, если подобрать мягкие пастельные тона для пышной юбки: первый ярус розовый, второй бледно-лимонный, третий белый и сиреневый — вариантов может быть множество.

Если вы выбрали комбинацию шелка и кружевного полотна, то советуем подобрать их одного цвета. Тогда нижний ярус на юбке можно сделать двойным, а оборка вокруг горловины и рукава шьется из кружевного полотна.

Предлагаемое платье отрезное по талии, с мягкими складками по низу лифа и спинки, с пышным втачным рукавом, у локтя собранным на резинку. Юбка, состоящая из трех ярусов, имеет форму «годе». Длина ее доходит до середины лодыжки. Вокруг горловины располагается оборка. Вырез треугольный, в углу — бант, который шьется из основной ткани платья.



Оригинальный пояс также выполняется из основной ткани платья. Сзади он застегивается на крючки.

Выкройка дана на 44—46 размер. Расход ткани при ширине 1,10 м — 4,5 м.

Постройте чертежи выкроек, внесите в них изменения в соответствии с измерениями фигуры.

Раскрой

Выкройку раскладывают на ткани, совмещая направление долевой нити на выкройках с нитью основы ткани. Отмечают припуски на швы: по горловине 1 см; по плечевым и боковым срезам 2—2,5 см; по низу лифа и спинки 2 см; по окату рукава и срезу проймы 1,5 см; по остальным срезам рукава 1 см; по всем срезам деталей юбки 2 см. Отмечают контрольные знаки.

Выкраивают детали. Чтобы перенести контуры на второй слой ткани, по всем контурным линиям и на местах контрольных знаков вкалывают булавки и карандашом прочерчивают контуры деталей.

Прокладку для пояса выкраивают из плотной льняной ткани (обязательно белого цвета).

Шитье

1. Сметывают боковые и плечевые швы перед и спинки. Закладывают складки по нижнему срезу деталей, закрепляют сметочными стежками.

2. Заготавливают рукава. Прокладывают мелкие сметочные стежки между контрольными знаками по окату рукава

и подтягивают нитку, образуя сборку. Сметывают локтевой и передний срезы.

3. Сметывают детали юбки. Сметывают боковые и средние швы каждого яруса, затем, совмещая середины деталей и боковые швы, сметывают последовательно всю юбку. Подгибают нижний ярус и замечают на изнанку.

4. Соединяют платье по линии талии, совмещая боковые швы. Для этого складывают лицевыми сторонами верх платья и юбку и прометывают мелкими стежками.

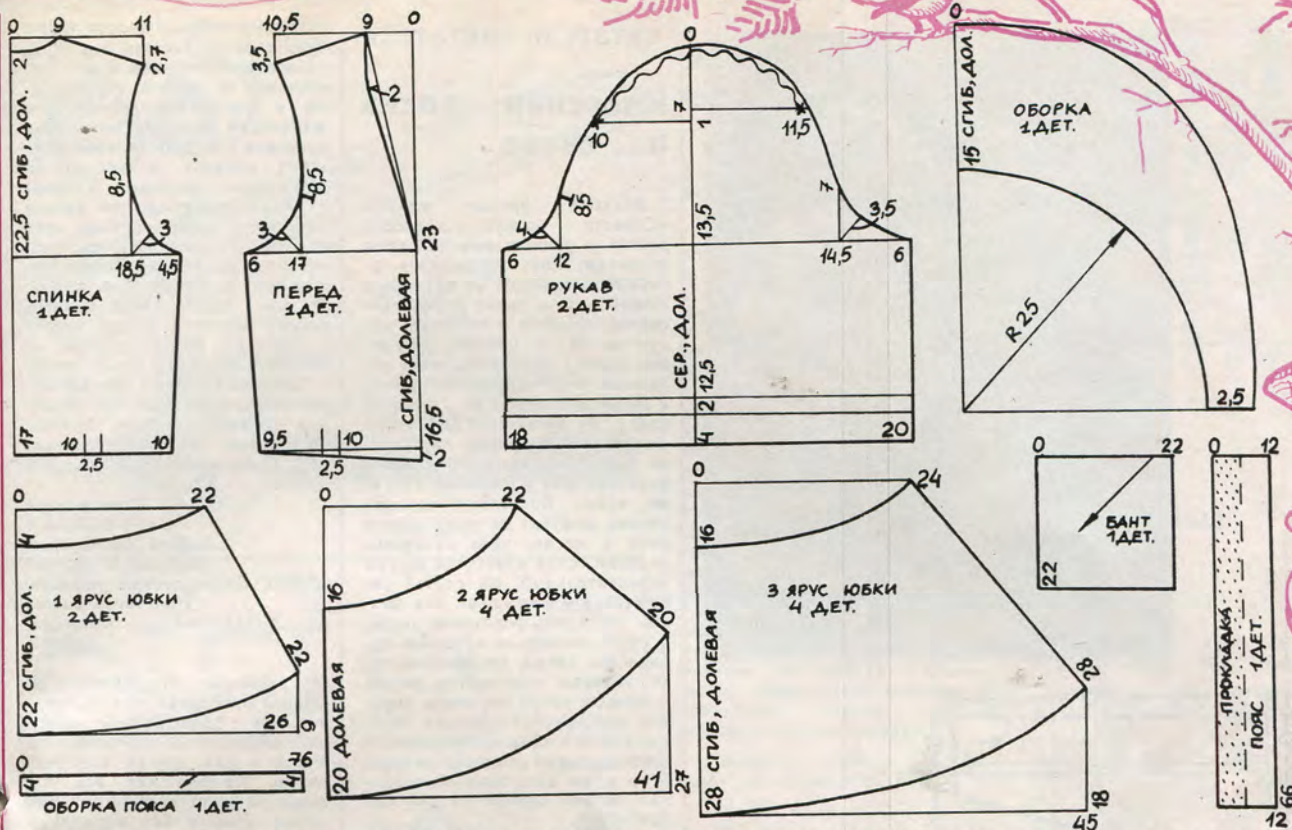
5. Вметывают правый рукав в пройму, посаживая его. Если требуется, подтягивают или ослабляют нитку, образующую сборку в верхней части оката.

6. Стачивают узкую часть оборки, разутюживают припуски на швы. Собирают на нитку внутренний срез и закрепляют оборку булавками на горловине, равномерно распределяя сборки.

7. Примеривают платье. В талии оно должно быть свободным (чтобы легко можно было надеть его). Уточняют форму горловины и оборки, длину лифа и спинки. Рукав должен лежать без заломов и складок со стороны проймы. Если вы желаете укоротить ее, советуем равномерно сократить каждый ярус, иначе юбка будет казаться непропорциональной.

Уточнения делают на правой стороне изделия, затем их переносят на левую сторону, предварительно распоров сметанные швы.

8. Шьют платье в той же последовательности, в какой про-



изводится подготовка к примерке.

На нижние срезы деталей из кружевного полотна зигзагообразной строчкой можно настроить узкую кружевную ленту.

Локтевой и передний срезы рукавов, срезы плечевых и боковых швов и срез соединения лифа и юбки обметывают вместе и приутюживают.

Обработывают внешний край оборки кружевом или подгибают дважды наизнанку на 0,3 см и отстрачивают в край.

9. Прометывают редкими косыми стежками край горловины, подтягивают нитку, образуя легкую посадку. Накладывают оборку на горловину изнаночной стороной, совмещая срезы и обрабатывают их руликовым кантом. Для этого выкраивают косую полосу ткани шириной 5 см и длиной около 80 см (можно использовать остатки основной ткани платья: концы полосок стачивают по долевой нити, припуски разутюживают, выступающие уголки срезают).

Полосу складывают пополам вдоль изнанкой внутрь и накладывают с лицевой стороны изделия, совмещая срезы 2-х слоев ткани на горловине и 2-х слоев канта. Прострачивают, отступая от края 0,5 см. Затем полосу отгибают в сторону срезов и, обогнув их, приметывают с изнаночной стороны ниже шва притачивания.

Начинают обработку горловины кантов с угла выреза. Край руликового канта в месте соединения сметывают мелкими косыми стежками.

10. Обработывают кулиску по низу рукава. Вырезают полосу из основной ткани платья шириной 2,5 см и длиной 40 см (для двух рукавов 80 см). Настрочивают кулиску на рукав, подгибая срезы на 0,5 см (строчат в край кулиски). В месте соединения делают небольшой нахлест — 0,5—0,7 см (его лучше расположить в месте шва стачивания локтевого и переднего срезов рукава). Продергивают резинку — она не должна слишком туго стягивать руку — и мелкими косыми стежками зашивают незакрытый участок кулиски.

11. Вметывают и втачивают рукав в проймы (строчат со стороны рукава). Обметывают срезы.

12. Выкраивают бант по косой нити без припусков на швы. Стачивают долевые, затем поперечные срезы банта так, чтобы припуски были обращены внутрь. Скрепляют бант посередине перекладной и пришивают к платью.

Пояс

1. Подготавливают оборку: края ее подгибают наизнанку дважды и отстрачивают в край. Прокладывают нитку по свободному срезу оборки и подтягивают, образуя сборки.

2. Складывают оборку и выкроенную для пояса деталь лицевыми сторонами и прометывают по краю, совмещая срезы и равномерно распределяя сборки. Деталь складывают пополам вдоль лицевой стороной внутрь (оборка должна оказаться внут-

ри) и накладывают прокладку. Прострачивают пояс по долевой и одному поперечному срезу, второй поперечный срез оставляют незастроченным на 3—4 см. Выворачивают пояс через незастроченный участок, приутюживают и отстрачивают в край по лицевой стороне.

3. Примеряют пояс, намечают место расположения крючков. Пришивают крючки.

Л. БАГМЕТ
Рисунки автора

вязание

Пуловер с диагональным орнаментом

Такой пуловер (размер 48—50) можно выполнить из 350 г белой и 250 г светло-серой шерстяной пряжи. Спицы кольцевые 2,5 мм длиной в 60 см, и 3 мм длиной 100 см.

Перед началом работы необходимо выполнить по чертежу выкройку в натуральную величину.

Образцы вязки:

Резинка 1×1: чередование 1 лицевой и 1 изнаночной петли.

Чулочная: лицевыми петлями по лицу и изнаночными по изнанке работы.

Орнамент — выполняется по схеме, где приведены только лицевые ряды: изнаночные — выполняются по рисунку. По мере вязки нужно по изнанке работы свободно протягивать обе

цветные нити, а краевые петли провязывать обеими нитками. В зависимости от количества петель узор повторяется по схеме несколько раз от первой до второй стрелки (36 петель) с 1-го по 72-й ряд.

Плотность чулочной вязки: 26 петель в ширину и 38 рядов в высоту равны 10×10 см.

ОПИСАНИЕ РАБОТЫ

Перед. Наберите 174 петли белой шерсти на спицы 2,5 мм и провяжите 10 см резинкой 1×1. Затем перейдите на спицы 3 мм и выполняйте орнамент серой и белой шерстью. Все петли распределите следующим образом: 1 краевая, повторите 4 раза орнамент от первой до второй стрелки и заканчивайте ряд с 1-й по 28-ю петлю и 1 краевая.

Начиная с 40-го см от конца резинки, прибавляйте с обеих сторон для образования высоты бока и начала рукавов по одной петле 9 раз в каждом восьмом ряду, 4 раза в каждом шестом, 1 раз в четвертом, затем еще 2 раза по две, 1 раз по три, 1 раз по пять и 12 раз по 8 петель. Таким образом общее число петель достигнет 418-ти.

Спинку вяжите так же.

Кокетка начинается с выполнения левого рукава (см. стрелку на чертеже). Наберите 58 петель белой пряжи на спицы 3 мм и вяжите чулочной вязкой. На 52-м см от начала работы провяжите 29 петель, а следующие 29 снимите на запасную

читатель читателю

Классная доска и... сахар



Недавно прочла статью «Страсти вокруг классной доски» и решила помочь своим коллегам. Хочу предложить до смешного простой, но надежный способ делать доску работоспособной. Обычно я прихожу минут за 30 до уроков. Дежурных прошу приходить тоже пораньше. Они промывают доску, а затем протирают её... сладкой водой. Не пугайтесь! Для такой ежедневной операции достаточно всего 2-х кусочков сахара, растворенных в половине стакана воды. Поскольку каждый ученик дежурит не чаще одного раза в месяц, урон сахарным запасам семей приходится тоже весьма незначительный. На случай забывчивости дежурных или резких протестов родителей держу в столе несколько кусочков сахара про запас. Но пользоваться запасом приходится редко.

Может, это и не очень хорошо: дефицитный продукт питания пускать на классную доску... Зато проблема решается на день, а то и на два. Мел не скользит, записи хорошо видны. Попробуйте!

В. МЕДВЕДЕВА
пос. Нау
Ленинабадская
область
Таджикская ССР

Вы любите собак?

Здравствуй, редакция журнала «Семья и школа». Мне очень нравится ваш журнал. Все интересно.

Я очень люблю собак, и скоро мне подарят щенка. Но не все дети любят собак, я даже встречала взрослых, не любящих собак. Мне 12 лет. Хотела бы переписываться с ребятами, которые любят собак. Если у вас есть адреса, то пришлите мне. Жду ответа.

Наташа ТИХОНОВА
г. Томск

От редакции: адресов у нас нет, но могут появиться, если мальчики и девочки, любящие собак так же как Наташа, напишут нам, а мы перешлем ей их письма.

От всего сердца

Уважаемая редакция! Ваш журнал выписываю больше 20 лет, все номера в сохранности, часто перечитываю. Взяться за перо заставило грустное письмо, и таких писем я получаю много: потеряв надежду поднять на ноги больного ребенка обычными лекарственными средствами, родители просят выслать лечебные травы,

которые и вправду творят порою чудеса. К сожалению, высылать лекарственные травы я не в состоянии, но помочь их семенами я могу. Предлагаю всем желающим безвозмездно семена девясилы и синюхи голубой. Для этого вложите в письмо на мой адрес почтовый конверт с надписанным на нем вашим адресом и наклеенной на него маркой 10-копеечного достоинства, а также небольшие бумажные пакетики для семян. И все. Ждите, ваш конверт вскоре вернется к вам вместе с семенами. Будьте здоровы, не болейте, берегите своих детей.

Девясил и синюха голубая эффективно помогают при болезнях органов дыхания, бронхитах, астме, неврозах, болезнях желудочно-кишечного тракта и других.

С уважением
ЗАРОВЕЦКИЙ
Андрей Николаевич,
инвалид II группы.

624093, Свердловская область,
Полевской район,
пос. Зюльский, ул. Азовская,
д. 11.

От редакции: Мы благодарим Андрея Николаевича за его предложение бескорыстной помощи. Будем рады предоставить место и для других подобных писем. Пишите нам все, что может и хочет помочь больным детям, семьям без кормильца, многодетным семьям, беженцам, новым арендаторам, переселенцам. Помните, что цена не только практическая помощь, но и добрый совет.

поиграем!

Новашки

Игра состоит из поля, на котором 20 клеток расположены в одну линию. В начале поля выделены пять клеток — это стартовая зона.

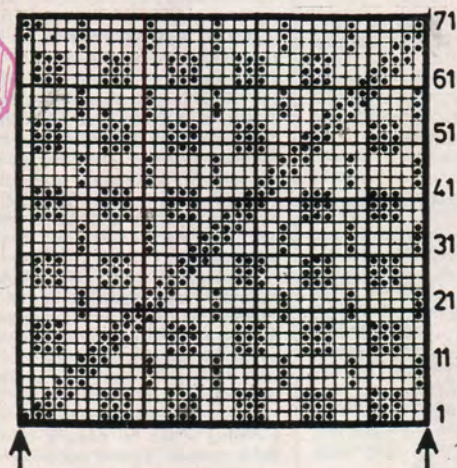
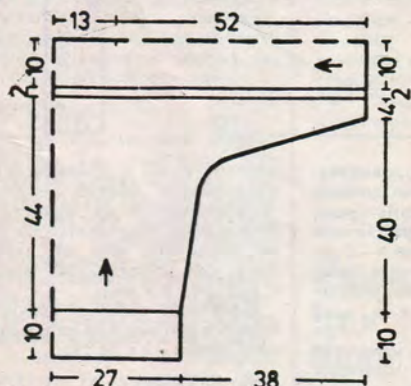
Фишки, по пять штук двух цветов, должны быть такими, чтобы их можно было ставить друг на друга. Для этой цели подойдут фишки-копачки от других игр или шашки с плоским верхом. Но можно изготовить и самим их из полоски бумаги (или из ленты серпантин). На рисунке показано, как это сделать.

Слои сдвинуть конусом и снаружи обмотать клеем. Чтобы все фишки имели одну конусность, надо изготовить первую, покрыть клеем и просушить. Остальные формовать, плотно прижимая к первой. После высыхания клея фишки надо покрасить в 2 цвета.

Правила игры

Цель игры — либо провести свои фишки через все поле, либо лишить противника очередного хода. Играющие ходят поочередно одной фишкой.

Первый ход каждой фишки выполняется на свободную клетку только стартовой зоны. Даль-



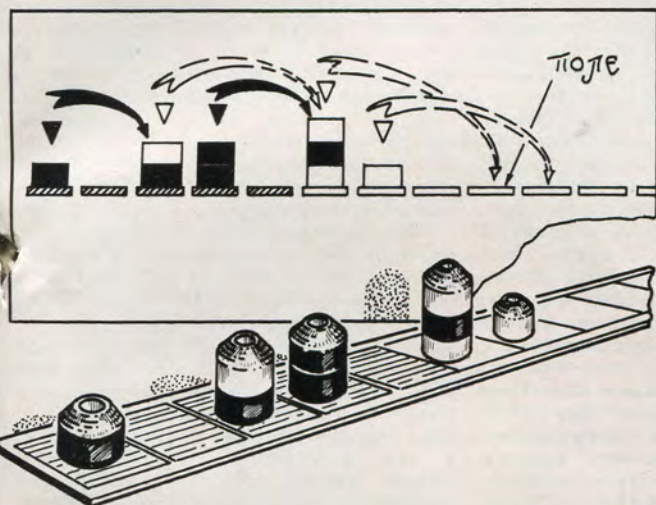
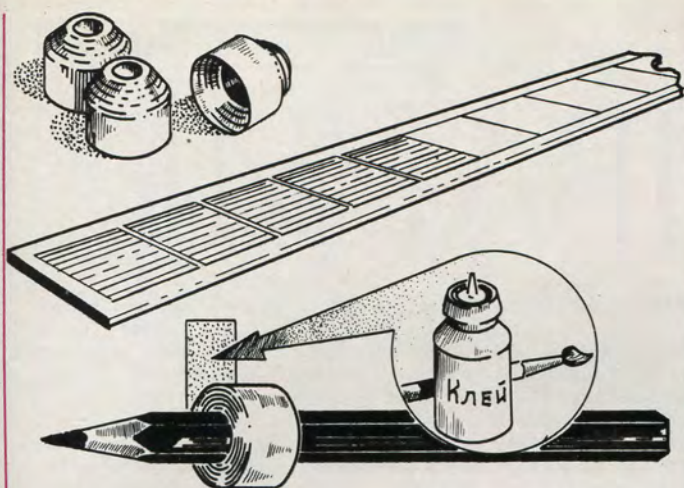
□ = белый
● = серый

спицу. Теперь вяжите 26 см только первые 29 петель, затем снимите их на запасную спицу и провяжите вторые 29 петель до той же высоты. Соедините все 58 петель и выполните правый рукав в зеркальном отражении.

Сборка. Готовые детали наложите на выкройки и слегка прогладьте. Пришейте кокетку

к переду и спинке. По низу рукавов наберите по 60 петель белой пряжи, провяжите по 7 см резинкой 1×1, закройте петли в ритме резинки. Сшейте боковые и рукавные швы.

М. ГАЙ-ГУЛИНА
По материалам журнала
«Нойе моде» (ФРГ)



нейшее продвижение фишек по полю осуществляется по клеткам. В число клеток хода входят и свободные и занятые. На последней клетке хода могут находиться другие фишки. В этом случае вновь пришедшая накрывает все фишки, и свои, и чужие, стоящие на этой клетке, и временно выключает их из игры.

Количество клеток в ходе определяется числом своих фишек, выставленных на поле и сохранивших право на перемещение. Пример

В рассматриваемый момент игры на поле выставлено фишек: черных — 5 шт, белых — 4 шт; сохранили право на перемещение (на рисунке отмечены треугольником): черные — 2 фишки, белые — 3 фишки; длина хода: у черных — 2 клетки, у белых — 3 клетки.

Стрелками показаны вероятные ходы в данной позиции.

По продолжительности партии новашки соизмеримы с классическими настольными играми. В процессе игры обстановка может быстро меняться с каждым ходом, что требует постоянного внимания. Простота исходных правил, разнообразие тактиче-

ских задач, резкие смены положения, то в пользу одного, то другого играющего, делают новашки увлекательной, занимательной и развивающей игрой. Мы уверены, что она понравится многим читателям.

В. ДМИТРИЕВ
Киев

шахматный лекторий



Атака на короля

В миттельшпиле король — фигура, которая всё время подвергается нападению с одной конечной целью — заматовать.

Поэтому в дебюте в первую очередь мы займемся о короле — причем его путем рокировки. Когда все фигуры развиты, рокировки сделаны, возникнет непростой вопрос: что делать дальше, какой избрать план игры? Ответить на него нелегко. Во-первых, нужно выявить слабости в лагере противника. Это может быть слабая пешка, которую можно будет атаковать, открытая линия, по которой нужно вводить свои фигуры в лагерь противника, создание форпоста, наконец, атака на короля, если есть к этому предпосылки. Если на доске сделаны рокировки в разные стороны (длинная и короткая), то существует правило: кто быстрее, активнее начнет атаку на короля, тот победит. Причем атаку нужно вести пешками и фигурами, чтобы быстрее вскрыть позицию короля.

Посмотрим пример: П. Керес — М. Ботвинник, 1941 г.

1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. Kc3 Cb4 4. Фc2 d5 5. cd ed 6. Cg3 h6 7. Ch4 c5 8. 0—0 Белые очень рискованно играют, их король попадает под сильную атаку черных. 8... C:c3! уничтожая прикрытие короля. 9. Ф:c3 g5 10. Cg3 cd 11. Ф:d4 Kc6 12. Фa4 Cf5 13. e3 Лc8 14. Cd3 Фd7! 15. Kpb1 C:d3+ 16. Л:d3 Фf5 17. e4 K:e4 18. Kpa1 0—0 19. Лd1 b5 20. Ф:b5 Kd4! 21. Фd3 (нельзя 21...Л:d4 22. Лc1 мат) Kc2+ 22. Kpb1 Kb4 белые сдались.

Очень красивая партия, где М. Ботвинник наказал своего противника за излишне рискованную игру.

Итак, при разносторонних рокировках важно первым начать атаку на короля, сочетая пешечный штурм с фигурной атакой.

Существуют также типовые позиции при атаке на короля, знание которых облегчает ведение атаки.

Например, жертва фигуры (слона) на пункте h7.

Позиция белых: Kpg1, Фa1, Ла1, Ле1, Cc1, Cd3, Kf3, пп. a2, b2, c3, d4, e5, f2, g2, h2

Позиция черных: Kpg8, Фd8, Ла8, Лf8, Cc8, Kc6, Kd7, пп. a7, b7, c5, d5, e6, f7, g7, h7.

Ход белых.

1. C:h7+! Kp:h7 2. Kg5+ Kpg8 (2... Kpg6 3. Фd3+ f5 4. ef+ Kp:f6 5. Лe6 мат) 3. Фh5 Ле8 4. Ф:f7+ Kph8 5. Ле3 с матом.

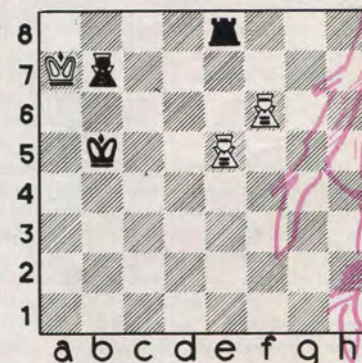
В данном случае действует механизм: C:h7, Kg5, Фh5. Эта жертва возможна, когда пункт h7 не защищен. Если не брать слона, то черные остались без очень важной пешки, защищающей короля.



Конкурс шахматных семей

Задание 7

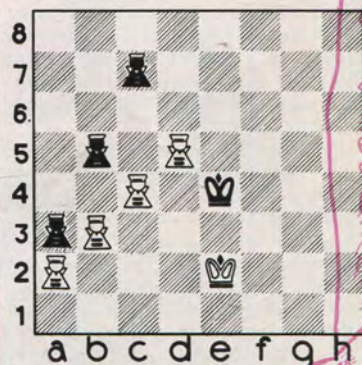
Позиция белых: Кра7, e5, f6. Позиция черных: Kpb5, Ле8, b7.



Белые делают ничью

Задание 8

Позиция белых: Kpe2, a2, b3, c4, d5. Позиция черных: Kpe4, a3, b5, c7.



Ход белых. Найти путь к победе
Н. ЮНЕЕВА

„ОПЛАКИВАНИЕ“

Паоло Веронезе — художник Венеции: но не города, а государства — Венецианской республики, горделивый пафос которой он выразил гениально, как никто другой. Если кто-либо из мастеров итальянского Возрождения и может быть назван «государственным художником», то это в первую очередь Веронезе.

Его настоящее имя — Паоло Кальери, он родился в 1528 году в Вероне (отсюда и прозвище Веронезе, то есть «веронец»). Его отец, Габриэле Кальери, был то ли каменщик, то ли скульптор (сведения разноречивы). Искусству живописи он обучился у Антонио Бадиле, на дочери которого женился в 1566 году. Впрочем, Вазари его учителем называл также и Джованни Карото, веронского живописца, бывшего много лет подряд как бы придворным художником герцогов Висконти. Так ли это, сказать трудно: о юности да и вообще о жизни Веронезе известно немного.

Он рано прославился в Вероне благодаря своим росписям патрицианских вилл, палаццо, храмов и монастырей. Знамениты, к примеру, росписи на вилле Соранца и вилле Фанцоло. Он выступил как наследник и последователь Рафаэля, отчасти Микеланджело. Сформировался как мастер большого стиля: писал аллегорические фигуры в изысканных трудных позах, исполненные холодного величия. Наряду с виртуозным мастерством молодого художника удивляло странное в молодом человеке отсутствие непосредственности. Тончайший художественный расчет явно преобладал у него над эмоциональностью. Исследователь говорил о присущей ему «любви к сильным ракурсам и сложным движениям, не прорывающим, однако, пространства в глубину, линейной ясности рисунка, тонкости светотеневой моделировки».

«Картиной же, принесшей ему победу и почетную награду, — рассказывал Вазари, — была та, на которой была изображена Музыка, на ней были написаны три прекраснейшие женщины, одна из которых, самая красивая, играет на большой виолончели, глядя вниз на гриф инструмента и повернувшись ухом и всей фигурой так, будто она, затаив дыхание, очень внимательно прислушивается к звукам; из остальных же двух одна играет на лютне, а другая поет по ночам...» Свой краткий рассказ о «Паулино из Вероны» Вазари заканчивал сдержанной, настороженно-выжидательной интонацией: «Так как молодой человек этот находится в расцвете творчества и еще не достиг тридцати лет, ничего другого пока о нем не скажу...» Видимо, в личности Веронезе было что-то не до конца

понятное его современникам — какая-то загадка, которую было непросто разгадать. Откуда в молодом человеке эта зрелость, спокойная самоуверенность, независимость и холод, отзывающийся высокомерием? Даже и позднее биографы рисовали образ, в котором, наверное, помимо их воли, ясное всего проглядывала черта обособленности, непохожести на других. Один из них, Сансовино, подчеркивал в поведении Веронезе «любезную манеру обхождения с людьми». Другой, Боскини, писал: «Паоло был полон благородства, изящества, непринужденности, и о нем нет ни анекдотов, ни нескромных историй». Правдивых фактов, добавим, тоже почти что нет. Веронезе был обходителен как вельможа и наглухо закрыт для непосвященных и чужих.

К 1553 году его известность была уже настолько велика, что он получил приглашение в Венецию — расписывать только что построенный Дворец Дожей. Это была немалая честь — и он оправдал ее полностью. Он создал яркую аллерию венецианской государственности, написав юную женщину, склонившуюся перед суровым седебородым Юпитером (Венеция уверяла себя небесному покровительству, но и в то же время словно была наследницей небесного всемогущества. «Старость и Юность» — так назвал Веронезе свою работу). Вскоре, в 1555 году, последовал заказ на украшение венецианской церкви святого Себастьяна. Веронезе написал сцены из жизни Эсфири, библейской героини, спасшей свой народ от уничтожения. Эта легендарная история борьбы и победы отлично гармонировала с героическим и вольнолюбивым духом Венеции. Да и в живописном отношении росписи были великолепны. Благодарные горожане чуть ли не носили его на руках. Говорили, что сам Тициан, патриарх венецианской живописи, встретив Веронезе на площади святого Марка, обнял его на глазах у всех и расцеловал.

Так Веронезе и стал художником Венеции. Он навсегда поселился в этом городе и проработал там не покладая рук три с лишним десятилетия. За эти годы он создал сотни картин; конечно, неравноценных по достоинству, но всегда торжественных и патетичных, всегда так или иначе прославляющих (прямо или аллегорически) его новую родину. Главным образом он писал картины на темы Ветхого и Нового Заветов, где в рамках священного сюжета разворачивал целую портретную галерею видных венецианцев, не забывая и самого себя. Вот, например, о «Браке в Кане» В. И. Сурикова писал: «Хороша фигура самого Веронеза в белом плаще. Он так себя в картине усадил, в центре, что поневоле останав-

ливает на себе внимание. Христос в этом пире никакой роли не играет. Точно будто Веронез сам для себя этот пир устроил... и нос у него немного красноват; должно быть, порядком-таки подпил за компанию. Видно по всему, что человек был с недюжинным самолюбием». Впрочем, о «Поклонении волхвов» Веронезе Суриков отзывался иначе: «Боже мой, какая невероятная сила, нечеловеческая мощь могла создать эту картину! Ведь это живая натура, задвинутая за раму... Видно, Веронез работал эту картину экспромтом, без всякой предвзятой манеры, в упоении восторженном; в нормальном спокойном духе нельзя написать такую дивную по колориту вещь. Хватал, рвал с палитры это дивное мешиво, это бесподобное колоритное тесто красок».

Прославленный и ценимый, Веронезе, однако, знал и мрачные периоды в жизни. Один такой пришелся на 1573 год, когда его картина «Пир в доме Левия» не на шутку разгневала инквизицию. Дело в том, что участниками библейского пира он (как это было принято в эпоху Возрождения) сделал вполне современных шутов и карликов, прожорливых слуг, едва стоящую на ногах пьяную солдатню, в чем инквизиторы усмотрели (возможно, не без основания) некоторый перебор и слишком уж явную профанацию священного сюжета. Действительно, чего-то, а благочестия у него не было. К счастью, дело закончилось почти ничем: он просто внес небольшие изменения в картину. Но можно предположить, что этот конфликт с духовной властью не прошел бесследно в его душе. Во всяком случае, очевидно, что в последнее, примерно, десятилетие жизни Веронезе его лучезарный официозный оптимизм тускнеет и сходит на нет, подступают тревога и тоска, которых прежде не было. «Оплакивание Христа» (на нашей репродукции), написанное в начале восьмидесятых годов, — явное тому свидетельство. Это, по сути, картина великого отчаяния. Мертвый Бог, изображенный без веры в его воскресение. Мы не знаем, конечно, была ли эта минута затмения, помрачения веры... Тусклый сумрачный фон усугубляет ощущение безысходности. «Тем глубже, — по словам исследователя, — звучание синего плаща Марии, как бы святающегося изнутри фиолетово-розового одеяния ангела». В этой картине не вечности, а только искусство противостоит смерти. Но это поистине великое искусство.

Умер Веронезе в 1588 году и погребен в украшенной им церкви святого Себастьяна.

В. АЛЕКСЕЕВ



УСАТЫЙ — ПОЛОСАТЫЙ



Жила-была девочка. Как её звали?
Кто звал,
Тот и знал.

А вы не знаете.
Сколько ей было лет?
Сколько зим,
Столько лет,—
Сорока еще нет.

А всего четыре года.
И был у неё... Кто у неё был?
Серый,
Усатый,
Весь полосатый.

Кто это такой? Котёнок.
Стала девочка котёнка спать укладывать.
— Вот тебе под спинку
Мягкую перинку.
Сверху на перинку
Чистую простынку.

Вот тебе под ушки
Белые подушки.

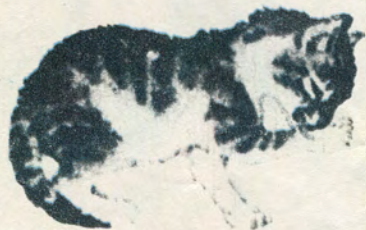
Одеяльце на пуху
И платочек наверху.

Уложила котёнка, а сама пошла ужинать.
Приходит назад,— что такое?

Хвостик — на подушке,
На простынке — ушки.
Разве так спят? Перевернула она котёнка, уложила
как надо:

Под спинку —
Перинку.
На перинку —
Простынку.
Под ушки —
Подушки.

А сама пошла ужинать. Приходит опять,— что такое?
Ни перинки,
Ни простынки,
Ни подушки
Не видать,
А усатый,
Полосатый



Перебрался
Под кровать.
Разве так спят? Вот какой глупый котёнок!
Захотела девочка котёнка выкупать.

Принесла
Кусочек
Мыла,
И мочалку
Раздобыла,
И водицы
Из котла
В чайной
Чашке
Принесла.
Не хотел котёнок мыться —
Опрокинул он корытце
И в углу за сундуком
Моет лапку языком.

Вот какой глупый котёнок!
Стала девочка учить котёнка говорить:
— Котик, скажи: мя-чик.
А он говорит: мяу!
— Скажи: ло-шадь.
А он говорит: мяу!
— Скажи: э-лек-три-че-ство.
А он говорит: мяу-мяу!
Всё «мяу» да «мяу»! Вот какой глупый котёнок!

Стала девочка котёнка кормить.
Принесла овсяной каши —
Отвернулся он от чашки.
Принесла ему редиски —
Отвернулся он от миски.
Принесла кусочек сала.
Говорит котёнок: — Мало!
Вот какой глупый котёнок!

Не было в доме мышей, а было много карандашей.
Лежали они на столе у папы и попали котёнку в лапы.
Как помчался он вприпрыжку, карандаш поймал, как мышку,

И давай его катать —
Из-под стула под кровать,
От стола до табурета,
От комода до буфета.
Подтолкнёт — и цап-царап!
А потом загнал под шкаф.

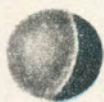
Ждёт на коврик у шкафа,
Притаился, чуть дыша...
Коротка кошачья лапа —
Не достать карандаша!

Вот какой глупый котёнок!
Закутала девочка котёнка в платок и пошла с ним в сад.
Люди спрашивают: — Кто это у вас?
А девочка говорит: — Это моя дочка.
Люди спрашивают: — Почему у неё мохнатые лапы, а усы как у папы?

Девочка говорит: — Она давно не брилась.
А котёнок как выскочит, как побежит, — все
и увидели, что это котёнок — усатый, полосатый.
А потом,
А потом
Стал он умным котом.
А девочка тоже выросла, стала ещё умнее и учится
в первом классе сто первой школы.



Рисунки В. Лебедева



30 коп.



На этих досках — роспись Татьяны Гнисюк. Она работает в традициях народной живописи, открывая новые возможности. А темы все те же: деревенское детство, родной дом, семья. Фото Н. Г н и с ю к а

Индекс 70909

